

Э. БЕРРОУЗ

Тарзан — приемыш обезьян

Тарзан — приемыш обезьян

Берроуз Эдгар

I. Трагедия в море

Эту историю я услышал от одного приятеля.

Он начал рассказывать ее после третьего бокала спиртного, а поняв, что я не верю ни единому его слову, закусил удила и назло мне довел повествование до конца. Больше того — задетый за живое моим скептицизмом, он вытащил какую-то засаленную рукопись с пожелтевшими листами и кипу старых отчетов Британского Министерства Колоний и предъявил их как доказательство своей правдивости.

Это слегка поколебало мое недоверие. Ознакомившись же с рукописью и отчетами, которые и впрямь полностью подтверждали рассказ моего товарища, я не только уверовал в истинность этой невероятной истории, но и предпринял кое-какие дополнительные расследования ее обстоятельств... И теперь предлагаю вашему вниманию результаты моих трудов, изменив лишь имена действующих лиц.

Хочу повторить: все, о чем вы сейчас прочтете, тщательно проверено мною лично. Если же моя повесть тем не менее не внушит вам доверия, вы все равно не пожалеете о затраченном времени, ибо трудно найти более причудливую и захватывающую историю!

Итак, из дневника английского офицера, которого я назову Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком, а также из отчетов Министерства Колоний можно узнать, что молодого аристократа послали в одну из британских западноафриканских колоний с поручением весьма деликатного свойства.

Дело в том, что некая европейская держава, пользуясь наивностью и простодушием тамошних жителей, стала вербовать их в свою колониальную армию, которая отнимала каучук и слоновую кость у дикарей, обитающих в джунглях по берегам Арувими и Конго.

Несчастные негры жаловались, что вербовщики соблазняли их молодежь щедрыми посулами, но очень немногие из покинувших родные деревни чернокожих юношей возвратились назад.

Белые жители колонии подтвердили жалобы туземцев, а миссионеры-англичане, в свою очередь, неоднократно писали, что рекруты, завербованные иностранной державой, в действительности становились не солдатами, а рабами. Пользуясь невежеством негров, офицеры зачастую не отпускали их на родину по даже истечении срока службы, заставляло самой смерти трудиться на каучуковых плантациях.

Ввиду таких тревожных известий Министерство Колоний и командировало в Африку Джона Клейтона, поручив ему собрать факты о жестоком обращении офицеров дружественной европейской державы с чернокожими британскими подданными.

Однако нет особой необходимости подробно распространяться о том, зачем и куда был послан Джон Клейтон, так как ему не только не удалось выполнить поручение министерства, но даже и добраться до места своего назначения. Как вы сейчас убедитесь, в этом не было его вины.

Клейтон относился к тем англичанам, которые сделали Великобританию поистине великой державой, прославив ее бесчисленными подвигами как на море, так и на суше. То был человек, сильный и душою и телом, человек, наделенный множеством достоинств... А среди его немногих недостатков (у кого их нет?) главным, пожалуй, являлось честолюбие.

Отпрыск древнего аристократического рода, он хотел сделать политическую карьеру и ради этого перевелся из офицеров в чиновники Министерства Колоний.

Когда Джон Клейтон узнал о важном задании, которое поручает ему Министерство, он был одновременно и польщен, и обеспокоен. Ему было приятно, что его многолетняя служба в армии оценена по заслугам и что его считают достойным столь сложного дипломатического поручения, которое открывает широкие горизонты для дальнейшей карьеры. Но ехать в Африку именно сейчас ему не хотелось: всего три месяца назад он женился на красавице Элис Рутерфорд. И теперь ему предстояло решить сложнейшую дилемму: расстаться надолго с молодой женой или взять ее с собой в

тропическую глушь, где опасности подстерегают человека на каждом шагу?

Трудный вопрос разрешила за мужа сама леди Элис. Она и слышать не захотела о том, чтобы Клейтон оставил ее в Англии, и уж тем более отказался ради нее от важного дипломатического поручения! Нет, Джон непременно должен ехать, а она отправится в Африку вместе с ним.

Конечно, у юной четы были матери, братья, сестры, тетки, кузены и кузины, каждый из которых красноречиво выражал свое мнение по этому поводу; но безрассудство молодых супругов одержало верх, и в одно прекрасное майское утро 18.. года лорд Грейсток и леди Элис выехали из Дувра.

Через месяц они прибыли во Фритаун, где зафрахтовали небольшую шхуну «Фувальда», которая должна была доставить их к месту назначения.

Вот и все, что было известно до недавнего времени о пути следования лорда Джона Грейстока и его супруги леди Элис. «Фувальда» сгинула, не добравшись до Африки, а вместе с ней бесследно исчезли пассажиры и вся команда.

Два месяца кряду около полудюжины британских военных судов тщетно рыскали в водах Южного Атлантического океана, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след пропавших путешественников. Наконец у берегов острова св. Елены эскадре удалось найти обломки какого-то разбитого судна, и все тотчас уверовали, что это останки «Фувальды». Значит, шхуна утонула вместе со всеми бывшими на борту людьми, и дальнейшие поиски бесполезны. Придя к такому выводу, министерство прекратило расследование, хотя многие любящие сердца еще надеялись и ждали.

А теперь я ознакомлю вас с результатами своих собственных исследований.

Трехмачтовая шхуна «Фувальда» была самым заурядным кораблем из курсирующих между Великобританией и Африкой торговых судов: тысячи таких суденышек шныряют вдоль всего африканского

побережья. Их команда обычно состоит из отчаянных головорезов и беглых каторжников, представляющих собой пеструю смесь всех народов и племен, и управляться с такими матросами под силу лишь таким же свирепым полудикарям.

«Фувальда» не была исключением из правил: на судне властвовала плетка-девятыхвостка и процветал мордобой. Матросы ненавидели корабельное начальство, а начальство ненавидело экипаж. Капитан был опытный морской волк, имевший за плечами множество плаваний, но со своими подчиненными обращался, как зверь. В разговоре с моряками он знал только два аргумента: плеть или револьвер. Справедливости ради стоит сказать, что на этот разноплеменный сброд вряд ли произвели бы впечатление более мягкие доводы.

Вскоре после того, как судно отчалило из Фритауна, лорду Грейстоку и леди Элис довелось быть свидетелями таких отвратительных сцен, какие они издавна привыкли считать досужими выдумками беллетристов.

Как ни странно, но то, что произошло на палубе «Фувальды» на третий день пути, явилось первым звеном в той цепи удивительных событий, о которой я хочу рассказать. Поэтому остановлюсь на этом происшествии поподробнее.

Итак, два матроса драили палубу, а капитан стоял неподалеку и разговаривал о чем-то с лордом Клейтоном и его юной супругой.

Все трое стояли спиной к матросам, поэтому не видели, как те придвигались к ним все ближе и ближе. Наконец капитан, окончив разговор с пассажирами, сделал шаг назад, чтобы уйти, но наткнулся на щуплого рыжеволосого моряка, стоявшего за его спиной, упал и растянулся на мокрой палубе. Мало того — падая, капитан зацепил ногой ведро, оно опрокинулось и окатило его грязной водой.

На минуту эта сцена показалась зрителям забавной, но только на минуту.

Красный от унижения и ярости капитан вскочил, осыпая несчастного матроса бешеными ругательствами, и нанес ему

страшный удар кулаком в челюсть. Бедняга рухнул на палубу и остался лежать без движения.

Лорд и леди Грейсток еще не успели вмешаться, как к ним подскочил второй моряк — широкоплечий детина, здоровенный, как медведь, с черными усами и толстой шеей. Увидев, что его товарищ упал, он зарычал, как собака, бросился на капитана и одним ударом кулака повалил его на мокрую палубу.

Капитан упал с красным лицом, а вскочил с темно-багровым.

Бунт! Мятеж!

Что ж, усмирять мятежи было ему не в диковинку. В мгновение ока капитан выхватил револьвер и хотел выстрелить в своего могучего врага, но Джон Клейтон оказался проворнее: он ударил по сверкнувшему на солнце оружию, и пуля угодила матросу не в сердце, а гораздо ниже — под колено.

Потом лорд Грейсток отобрал у капитана револьвер и заявил, что не допустит такого зверского обращения с командой, а убийство безоружного человека и вовсе считает возмутительным. За такое преступление по справедливости полагается королевский суд!

Капитан, все еще дрожащий от бешенства, явно хотел ответить на слова Клейтона новым залпом ругательств, но совладал с собой и с невнятным рычаньем ретировался на корму.

Этот человек обладал достаточной практической сметкой, чтобы понимать, как опасно раздражать британского чиновника, ибо могучая рука королевы в два счета может направить на него грозное неотвратимое орудие кары — вездесущий английский флот.

Матросы тем временем встали с палубы: рыжеволосый, оправившийся от удара капитанского кулака, помог раненому товарищу подняться, и оба неуклюже выразили лорду Грейстоку свою благодарность. Широкоплечий великан, который среди матросов был известен под кличкой Черный Майкл, казалось, сам застеснялся непривычных для него теплых слов, резко оборвал свою краткую речь и, прихрамывая, зашагал по направлению к кубрику.

Несколько дней после этого инцидента Клейтон и его жена не видели Черного Майкла и не разговаривали с капитаном. Смертельно разобиженный владыка судна больше не подходил к своим пассажирам, а когда ему все же необходимо было им что-то сказать, только сердито и отрывисто буркал.

Хотя молодые супруги по-прежнему завтракали и обедали в кают-компании, хозяин «Фувальды» теперь не являлся к столу, всякий раз ссылаясь на неотложное дело.

Помощники капитана тоже не баловали пассажиров своим обществом. Все они, как на подбор, были неграмотными бесшабашными головорезами, вполне подстать тому темному сброду, которым командовали. Вполне понятно, что люди такого толка чувствовали себя не в своей тарелке рядом с прекрасно воспитанными аристократами и избегали встреч с ними.

Таким образом, супруги Клейтоны оказались на «Фувальде» в одиночестве, и были этому даже рады, вполне довольствуясь обществом друг друга.

Но изоляция, в которой они очутились, сделала их совершенно неподготовленными к той кровавой трагедии, которая разыгралась на судне несколько дней спустя.

Если бы лорд Клейтон и леди Элис продолжали беседовать с капитаном, они, несомненно, поняли бы, что надвигается катастрофа. Но даже наблюдая жизнь на корабле со стороны, Грейсток и его жена интуитивно чувствовали, что в маленьком мирке «Фувальды» что-то разладилось и грозит великой бедой. Да, они оба ощущали это, но не говорили друг другу ни слова: он — чтобы не пугать молодую женщину, она — чтобы муж не заподозрил ее в позорной трусости.

На другой день после того, как пуля капитана прострелила ногу Черному Майклу, Клейтон, выйдя на палубу, увидел, как четыре матроса с угрюмыми лицами несут завернутое в парусину бездыханное тело, а сзади шествует старший помощник, держа в руке тяжелую плетку.

Все расспросы пассажира ни к чему не привели: рыжий моряк, чье ведро стало причиной капитанского позора, свалился с реи и сломал себе спину — и все тут!

Клейтон предпочел не вникать в темное дело, но на следующий день, увидев на горизонте очертания британского военного судна, потребовал, чтобы капитан немедленно просигналил ему. Лорду Грейстоку было ясно, что при той обстановке, которая царит на «Фувальде», его экспедиция может окончиться весьма плачевно.

Около полудня они подошли к военному судну так близко, что могли бы вступить с ним в переговоры; но, почти уже решившись объявить капитану о своем желании покинуть «Фувальду», Клейтон внезапно передумал.

Вдруг все его страхи — вздор и он только выставит себя на посмешище? В самом деле, какие у него основания просить командующего военным кораблем офицера изменить свой курс и вернуться туда, откуда он только что прибыл? А если он, чиновник Британского Министерства Колоний, заявит, что не желает остаться на борту своего корабля, так как его капитан сурово наказал двух нарушивших дисциплину матросов, такое объяснение наверняка покажется офицерам военного судна до смешного нелепым. Да и все моряки втихомолку позабавятся над чувствительным лордом, и, пожалуй, сочтут его трусом!

Самолюбие и гордость одержали верх: Джон Клейтон, лорд Грейсток, не стал просить, чтобы его доставили на военный корабль. Но уже к вечеру, когда трубы броненосца скрылись за далеким горизонтом, он горько раскаялся в своем амбициозном эгоизме, так как на «Фувальде» разыгрались ужасные события.

Часа в два или три пополудни, когда супруги вышли на палубу, один матрос, приблизившись к ним, еле слышно пробормотал:

— Будет ему нахлобучка... Попомните мои слова: старому мерзавцу скоро припомнятся все его делишки...

— О ком вы говорите? — осведомился Клейтон.

— А вы что, сами не видите, какая тут заваривается каша? Этот сатана-капитан и его подонки-подручные всех нас решили загнать на тот свет... Вчера искалечили двоих, сегодня еще одного... Но Черный Майкл опять на ногах — и скоро он покажет, как измываться над матросами! Уж он-то сдерет вонючие шкуры этих мерзавцев, клянусь громом!

— Вы хотите сказать, что команда корабля затевает мятеж?!

Матрос попятился, но тут же взглянул на лорда упрямо и злобно.

— Какой еще там мятеж! — фыркнул он. — Не мятеж, а убийство! Уж мы его отправим в преисподнюю вслед за рыжим Джонни, да и его прихвостней туда же!

— Когда?

— Скоро, будьте уверены! Но больше я ничего не скажу, я и так слишком тут разболтался. Но... Вы вступились за Черного Майкла, да и прежде перечили капитану, потому я вас и предупредил. Держите язык за зубами, а когда услышите выстрелы, ступайте со своей женошкой в трюм и не показывайте на палубу носа, не то как бы с вами чего не случилось, ясно?

И матрос нырнул в кубрик, не дав своему собеседнику времени, чтобы ответить.

Клейтон и леди Элис переглянулись. Оба были бледны, но спокойны.

— Да, недурные развлечения нас с тобой ожидают! — протянул Клейтон. — Уж лучше бы я решился пересечь на военное судно!

— Забудь об этом судне, дорогой! — воскликнула женщина. — Лучше скажи, что нам теперь делать? Наверное, ты должен немедленно предупредить капитана, может, ему удастся предотвратить катастрофу...

— Будь я один, я бы так и поступил. Но ведь мне только что ясно дали понять — чтобы сохранить твою жизнь, я должен держать язык за зубами. Что бы ни случилось на судне, матросы вряд ли нас тронут, они помнят, как я заступился за рыжего матроса и за Черного Майкла.

Но если я сообщу капитану о назревающих событиях и об этом станет известно... Вот тогда пощады не жди!

— Джон, милый, — живо возразила леди Элис, — но если ты не предупредишь капитана о готовящемся мятеже, ты тем самым станешь соучастником злодеев, которые наверняка не остановятся и перед убийством!

— Будь я один... — в мучительном раздумьи повторил Клейтон. — Но я должен заботиться о тебе! Мерзавец-капитан сам заслужил за свою жесткость суровую кару; неужели я стану рисковать твоей жизнью ради спасения этого зверя? С другой стороны, риск может быть не меньшим и даже большим, если «Фувальда» окажется во власти головорезов и разбойников!

Леди Элис мягко положила руку на рукав мужа.

— Долг есть долг, — тихо сказала она, — и я уверена, что ты уже знаешь, как поступить. Прошу только об одном: когда начнешь действовать, не думай обо мне! Я была бы недостойна тебя, если бы из-за меня ты хоть раз изменил своему долгу. Лучше самая ужасная беда, чем позор!

— Что ж, будь по-твоему, Элис! — с улыбкой кивнул Джон Клейтон. — Но, может, мы тревожимся понапрасну? Конечно, обстановка на корабле не такая, какую хотелось бы видеть во время нашего свадебного путешествия, но вполне вероятно, что тот матрос сильно сгустил краски. Капитана ненавидит вся команда, и наверняка экипаж все свободное время предается мечтам о мести. Вот эти бесплодные фантазии, возможно, и сообщил нам под видом реальных фактов наш приятель из кубрика! Ему хочется насолить начальству, и он сочиняет, будто расплата близка... А вообще мятежи на кораблях давно уже вышли из моды! Хорошо-хорошо, не волнуйся, я пойду к капитану и расскажу обо всем, что слышал! Хотя, по правде говоря, мне не очень-то хочется разговаривать с этим животным.

И лорд Грейсток с самым беззаботным видом направился к каюте капитана.

— Войдите! — в ответ на стук раздалось изнутри сердитое рычанье.

Клейтон вошел в каюту, закрыл за собой дверь, и на него тут же обрушился новый рявк:

— Ну, какого черта вам от меня надо?!

— Пришел сообщить, что ваши люди затевают мятеж и убийство.

— Ложь! — взревел старый моряк. — Как у вас хватает нахальства лезть не в свое дело и подрывать дисциплину на корабле?! Если вы еще раз отмочите подобную шуточку, лорд Как-Вас-Там, я не поручусь за последствия! Дьявол меня раздери! Вы что же, думаете, я буду покорно сносить нахальство всяких титулованных недоносков?! Мне плевать на ваши титулы, слышите?! Я — капитан корабля! Я здесь хозяин, король и бог и никому не позволю совать нос в мои дела!!

Клейтон понял, что его собеседник слишком пьян, чтобы прислушаться к доводам разума. К концу своей яростной речи капитан совсем перестал владеть собой и орал все громче и громче, колотя кулаками по столу, по которому перекатывались пустые бутылки.

Кулаки у него были огромные и тяжелые, как пушечное ядро.

Наконец хозяин «Фувальды» вконец задохнулся от крика и замолчал, чтобы набрать воздуха в грудь. Тогда заговорил лорд Грейсток.

— Капитан Виллинг, — произнес он совершенно спокойно, — простите за откровенность, но вы — полный осел!

С этими словами он вышел из каюты и уже по ту сторону двери услышал новый взрыв чудовищных ругательств.

Если бы Клейтон дал капитану время успокоиться и протрезветь, возможно, тот раскаялся бы в своей излишней горячности и согласился выслушать пассажира; но своей ответной резкостью молодой человек раз и навсегда уничтожил всякую возможность примирения.

Теперь лорд Грейсток и его жена остались одни между обозленным капитаном и готовыми взбунтоваться матросами, которые вполне могли узнать о попытке «предательства» — и тогда последствия могли быть самыми ужасными!

Так Клейтон и сказал жене, вернувшись на палубу, а закончил такими словами:

— Наверное, зря я расстался с военной карьерой, Элис. Неважный из меня получился дипломат! Что ж, теперь мой первый долг — позаботиться о тебе. Идем в каюту.

— Что будем делать, Джон? — храбро улыбнулась леди Элис.

— Я приготовлю револьверы — просто на всякий случай. Жаль, что ружья находятся в багаже, который сложен в трюме... Ну, да нам наверняка хватит и пары револьверов... Будь мужественной, дорогая!

Но когда супруги пришли к себе в каюту, они застали там страшный беспорядок. Кто-то рылся у них в чемоданах, разбросал их платье и книги... И самое страшное — оба два револьвера и все патроны к ним исчезли.

— Так-так, — медленно проговорил Клейтон, обозревая царящий в каюте кавардак. — Судя по тому, что взяли эти люди, нам действительно угрожает бунт.

— Что же делать? — воскликнула его жена. — Капитан наверняка тебе не поверит, даже если ты притащишь его сюда и покажешь, что здесь творится! Защищаться теперь мы не сможем... Наверное, остается просто выждать и посмотреть, как обернутся события, правда? Если победит капитан, все просто пойдет по-прежнему, и нам нечего бояться. А если победят матросы, будем надеяться, что они нас не тронут...

— Так и сделаем, Элис! Будем держаться середины дороги, а там будь что будет!

И супруги стали приводить в порядок каюту, стараясь не думать о том, что принесет им будущее. Вдруг они услышали шорох: кто-то подсовывал под дверь клочок бумаги.

Клейтон ринулся вперед и уже взялся за ручку, чтобы распахнуть дверь и застать неизвестного врасплох, но жена схватила его за руку.

— Не надо! — прошептала она. — Ты же сам хотел держаться середины дороги...

Клейтон улыбнулся и отступил. Муж и жена молча смотрели, как в щель под дверью протискивается сложенная бумажка. И лишь когда невидимый почтальон удалился, лорд Грейсток нагнулся и поднял послание.

Развернув грязный листок, супруги увидели какие-то малограмотные каракули, выведенные рукой, явно непривычной к перу. В немногих энергичных словах Клейтона предупреждали, чтобы он не смел сообщать капитану о пропаже револьверов. Иначе его и его молодую жену ждет смерть.

— Я и без того не собирался ничего сообщать, — с горькой улыбкой ответил лорд на безмолвный вопрос леди Элис. — Обещаю, что буду паинькой...

— Нам ведь ничего другого не остается, правда, дорогой? Что ж, будем защищать не хозяина и не матросов, а друг друга и — будь что будет!

II. Опасное убежище

Ждать дальнейшего развития событий пришлось недолго.

Когда на следующее утро Клейтон поднялся наверх, чтобы прогуляться по палубе перед завтраком, он вдруг услышал выстрел. За первым выстрелом грянул второй, потом третий.

Капитана и четверых помощников пестрой толпой обступили матросы во главе с Черным Майклом, и правящая верхушка корабля, поняв, что дело нешуточное, тут же пустила в ход оружие.

После первого же выстрела матросы разбежались и попрятались кто за мачту, кто за каюту. Из-за этих прикрытий они стали палить в ненавистных людей, которые командовали ими.

Клейтон бессильно наблюдал за разыгравшейся на палубе драмой, не в силах ей помешать.

Меткие выстрелы капитана уложили двоих матросов, но и старший помощник вдруг, вскрикнув, упал ничком. Тогда Черный Майкл гаркнул:

— Вперед! — и бунтовщики кинулись на офицеров.

Огнестрельного оружия на всех мятежников не хватило — в ход пошли багры, топоры и кирки.

У капитана, вероятно, кончились патроны, а ружье второго помощника дало осечку... Натиск матросов встретил огонь всего двух револьверов, и этого оказалось недостаточно, чтобы остановить бешеную атаку команды.

С той и с другой стороны посыпались страшные проклятья. Ругательства, треск выстрелов, стоны и вопли раненых — палуба «Фувальды» превратилась в сущий ад!

Клейтон видел, как дюжий негр взмахом топора раскроил капитану голову от лба до подбородка; как остальные офицеры падали под градом ударов и пуль...

Мятежники действовали так быстро и решительно, что через пять минут на палубе не осталось ни одного их раненного врага — только мертвые, плавающие в крови.

Когда с последним офицером было покончено, Клейтон решил, что ему пора спуститься вниз, к жене: леди Элис наверняка слышала звуки битвы и, не дай бог, могла вот-вот в тревоге за мужа выбежать на палубу!

В следующий миг он убедился, что верно оценил характер своей супруги: повернувшись, он обнаружил ее рядом с собой.

— Ты давно здесь, Элис?

— Довольно давно, — дрожа, ответила та. — О боже, Джон, как все это ужасно! Что же теперь будет? Как ты думаешь, что решат с нами сделать эти опьяненные кровью мерзавцы?

— Ну, что бы они не решили, надеюсь, они в любом случае сначала накормят нас завтраком, — попытался Клейтон подбодрить шуткой смертельно бледную женщину. — Знаешь, лучше нам выяснить их намерения прямо сейчас. Пойдем, Элис! Будь мужественной, покажи, что ты их не боишься! Страх действует на подобных типов возбуждающе, как кровь на акул.

Матросы толпились вокруг тел офицеров, одного за другим выкидывая мертвецов за борт. Точно так же они обошлись и со своими убитыми.

Заметив приближающихся пассажиров, один из бунтовщиков взревел:

— Отправим к рыбам и этих двоих! — и бросился вперед, размахивая топором.

Клейтон даже не успел заслонить собой жену, как выстрел Черного Майкла уложил матроса на месте.

— Отправьте к рыбам лучше этого идиота! — гаркнул Майкл.

И, указывая на лорда и леди Грейсток, заявил попятившимся матросам:

— Зарубите у себя на носу: эти двое — мои друзья. Их не трогать! Понятно? Теперь я здесь капитан, и мое слово — закон! А кому это не нравится... — он многозначительно потряс револьвером.

Возражений не последовало, и Майкл, бросив напоследок пассажирам:

— Держитесь в стороне, и никто вас не тронет, — сердито захромал к капитанской каюте.

Клейтоны постарались в точности исполнить совет нового владыки судна; они почти не показывались на палубе и ничего не знали о дальнейших планах бунтовщиков.

По временам до них доносились слабые отзвуки ссор и споров, иногда — резкое щелканье взводимых курков. Но Черный Майкл был подходящим вождем для этого разношерстного сброда и ухитрялся держать своих головорезов в строгом повиновении.

На пятый день после убийства офицеров вахтенный крикнул, что прямо по курсу земля. Был ли это остров или материк — Черный Майкл не знал. Но он объявил Клейтону, что если местность окажется подходящей, лорд и леди Грейсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

— Вы тут недурно проживете несколько месяцев, — грубовато-добродушно объяснил он. — Недурно для молодоженов, хха! А мы за это время сумеем отыскать какой-нибудь обитаемый берег, где тоже постараемся не пропасть. При первом же удобном случае я капну какому-нибудь правительственному чиновнику о том, где вы находитесь: пускай всемилостивая королева вышлет за вами корабль... Ну, а нам от ее величества светит теперь только пеньковый галстук на шею! Вот почему я не хочу высадить вас в более цивилизованном месте. К нам сразу же привяжутся с кучей вопросов, ответить на которые, чтобы нам не насолить, будет трудновато.

Напрасно Клейтон пытался убедить нового хозяина «Фувальды» высадить их не на этом пустынном берегу, где они станут добычей диких зверей или еще более диких людей, а в какой-нибудь обитаемой белыми местности. Его протест не возымел успеха и только рассердил

Черного Майкла: тот считал, что и так слишком много сделал для своих пассажиров.

В три часа пополудни судно подошло ко входу в закрытую бухту. Черный Майкл спустил небольшую шлюпку с матросами, чтобы исследовать глубину бухты и решить, может ли «Фувальда» приблизиться к побережью.

Час спустя его люди вернулись и доложили, что шхуна свободно пройдет по всему заливу, и прежде, чем наступила темнота, парусник встал на якорь в двух саженях от берега.

Этот берег утопал в прекрасной тропической зелени; вдали рисовались холмы и плоскогорья, почти сплошь покрытые девственным лесом.

Жилья нигде не было видно, но обилие птиц и животных обещало «колонистам поневоле» неплохое пропитание, а сверкающая маленькая речка, впадавшая в бухту, могла в изобилии снабжать их пресной водой.

Клейтон и леди Элис, стоя рука об руку у борта, молча созерцали негостеприимную землю, на которой им суждено было жить. Уже стуслилась ночь, и из лесного мрака доносились голоса диких зверей: то глухое страшное рычанье льва, то пронзительный визг пантеры.

Женщина боязливо прижималась к мужу. Воображение рисовало ей всякие ужасы, которые поджидали их во мгле грядущих ночей, когда они окажутся вдвоем на этом пустынном диком побережье.

И когда к супругам подошел Черный Майкл, леди Элис сделала последнюю отчаянную попытку уговорить новоявленного капитана высадить их поближе к цивилизованным местам — там, откуда они могли бы надеяться попасть на родину. Но ее мольбы не смогли поколебать сурового моряка.

— Кроме меня на судне нет ни одного человека, который не предпочел бы видеть вас обоих мертвыми, — с резкой откровенностью заявил головорез. — Черт побери мою душу, я и сам знаю, что это единственный способ уберечь наши шеи от виселицы! Но не такой

человек Черный Майкл, чтобы забыть об оказанной ему услуге. Вы спасли мне жизнь, милорд, а в ответ я спасу вашу жизнь, да впридачу — жизнь этой малютки. Но большего я сделать не в силах! Если завтра же не высадите вас на берег, ребята могут взъерепениться и проломить вам головы. Я оставлю кое-что, чтобы вы смогли продержаться, пока не придет помощь...

— Но когда это будет? — с горечью перебил Клейтон.

— Вот уж не знаю! Но обещаю, что извещу британское правительство о ваших неприятностях, как только смогу. А уж пронырливые типы из министерства сумеют вас отыскать!

— Что ж, спасибо и на том, — мрачно выдавил Клейтон.

Честно говоря, он не верил тому, что Черный Майкл намерен известить британское правительство об их местопребывании.

Но даже если мятежник сделает это — сумеют ли они продержаться до прибытия корабля? Если бы Клейтон был один, он бы ничуть не боялся, но... Что будет с Элис и с тем крохотным существом, которому предстояло появиться на свет среди лишений и опасностей первобытного мира?

О том, что ему суждено стать отцом, лорд Грейсток узнал совсем недавно, и теперь снова и снова ругал себя за несносную глупость и гордыню, в результате которых его жена и его еще не родившийся ребенок должны будут подвергнуться несказанным трудностям. К счастью, Клейтон не мог предвидеть ужасную судьбу своих близких, иначе он ругал бы себя еще больше!

Итак, едва занялся рассвет, в шлюпки полетели многочисленные сундуки и ящики: Черный Майкл явно решил сдержать слово и снабдить супругов всем необходимым. Он распорядился, чтобы весь багаж Клейтонов перевезли на берег. Делал ли это мятежник из сострадания к пассажирам, или опасаясь оставлять на борту вещи, принадлежавшие пропавшему британскому чиновнику — трудно сказать, — но громила с таким рвением следил за исполнением своего приказа, что даже заставил матросов вернуть Клейтону украденные револьверы.

В последнюю очередь на берег перевезли продукты, кухонные принадлежности, ящики с инструментами и старые паруса.

Потом главарь бунтовщиков сел в последнюю шлюпку, груженую бочками с пресной водой, и дружески помахал мужчине и женщине, оставшимся на берегу.

Клейтон и его жена молча смотрели вслед скользящим к «Фувальде» лодкам, не в силах избавиться от предчувствия неминуемого несчастья и ощущения горькой безнадежности.

А в это время из-за небольшого пригорка за ними следили темные, близко посаженные глаза, злобно сверкавшие под нависшими надбровьями.

И вот «Фувальда», подняв якорь, скрылась за мысом...

Тогда леди Элис припала к груди мужа и разразилась неудержимыми рыданиями.

Она храбро встретила опасность бунта; стойко пережила все ужасы мятежа; с гордо поднятой головой смотрела в грозное будущее, хотя знала, что должна бояться не только за себя, но и за крошечное существо, которое носила под сердцем... Но сейчас, оставшись наедине с мужем, отважная женщина наконец не выдержала страшного напряжения и дала волю слезам.

Клейтон не пытался остановить ее рыдания, зная, что слезы облегчают женскую душу.

Прошло много времени, прежде чем леди Элис овладела собой.

— О, Джон, — простонала она, — какой ужас! Что с нами будет? Скажи — что нам теперь делать?

— Только одно, Элис: работать. Работа должна стать нашим спасением. Если мы будем сидеть сложа руки и сокрушаться, это приведет к безумию. Поэтому будем трудиться, ждать и надеяться, что Черный Майкл сдержит свое обещание. И когда придет помощь, мы еще посмеемся над тем, как робинзонили на этом пустынном берегу.

Все это лорд Грейсток проговорил так спокойно, как будто обсуждал с женой рисунок ее вышивки, сидя в уютной гостиной.

— Дорогой Джон, если бы речь шла только о тебе и обо мне, — зарыдала Элис, — мы бы все вынесли, но...

— Да, дорогая, — ответил он нежно, — я тоже думал о малыше. Но ради него мы как раз и должны быть мужественными, верно? Я знаю, что мы справимся со всем, с чем нам суждено будет столкнуться. Посмотри-ка вокруг! Сотни тысяч лет назад, в далеком и туманном прошлом человечества, наши предки решали те же задачи, которые предстоит решить нам... Быть может, даже в этих же самых первобытных лесах. И раз мы с тобой появились на свет, значит, они победили. Неужели мы не сделаем того, что сделали они?

— Я... Я не знаю... — неуверенно промолвила леди Элис, вытирая слезы.

— Конечно, сделаем, и даже лучше их! Ведь наука дала нам такие способы защиты, о которых первобытные дикари не имели ни малейшего понятия. Да и пищу мы сможем добывать не хуже, чем древние люди, вооруженные жалкими орудиями из костей и камня!

— Ах, Джон, если бы я была мужчиной, я, наверное, думала так же, как ты, но я женщина и вижу скорее сердцем, чем головой. И все вокруг так ужасно и безысходно... Но хочется верить, что ты прав! Не бойся: на этом берегу рядом с храбрым первобытным мужчиной будет храбрая первобытная женщина, клянусь!

Первой мыслью Клейтона было соорудить временное убежище для защиты от зверей, которые наверняка уже присматривались к легкой добыче.

Мужчина достал из ящика ружья и патроны, чтобы иметь под рукой оружие на случай неожиданного нападения, и они отправились на поиски места для первой ночевки.

В ста ярдах от берега супруги нашли маленькую ровную поляну, почти свободную от деревьев; здесь они и решили построить свое жилище. Но для начала Клейтон задумал соорудить небольшую

площадку на дереве — там, где до них не смогут добраться крупные хищные звери, в царстве которых они находились.

Он выбрал для этой цели четыре дерева, составлявшие четырехугольник приблизительно в восемь квадратных футов, и, нарезав длинных ветвей, устроил в десяти футах над землей прочную раму. Он крепко привязал ее концы к развилкам деревьев, а поперек этого остова положил более мелкие ветки. Затем устлал платформу листьями, а поверх постелил большой парус. Семью футами выше Клейтон соорудил навес, призванный защищать их временное жилище от солнца и дождей, а вместо стен окружил платформу остатками парусины.

В конце концов получилось довольно уютное гнездышко, в которое лорд Грейсток перенес одеяла и часть ручного багажа.

По приставной лестнице леди Элис взобралась в свою новую спальню, и, выразив восхищение ее убранством, тут же заснула крепким сном на ложе из парусины.

Вокруг летали и щебетали птицы с ярким оперением, прыгали болтливые мартышки, с изумлением и любопытством следившие за появившимися в лесу новыми существами и за постройкой их странного гнезда.

Но за весь день ни Клейтон, ни его жена не видели крупных животных. Правда, пару раз их маленькие соседки-мартышки с криком и визгом убегали по ветвям деревьев, бросая вниз испуганные взгляды. Было ясно, что они спасаются от какого-то ужасного существа, притаившегося внизу, но что это был за зверь, людям так и не удалось рассмотреть.

На рассвете, устав от духоты, Клейтон откинул полог. Леди Элис сразу проснулась, села и стала пристально всматриваться в тени леса. Вдруг она вздрогнула и схватила мужа за руку.

— Джон, — шепнула она, — смотри, что это такое? Человек?

Клейтон взглянул в указанном направлении и увидел смутно обрисовывающийся на темном фоне силуэт... Какая-то огромная

сутулая фигура стояла во весь рост на холме, неподвижно, как бы прислушиваясь; затем медленно повернулась и исчезла в джунглях.

— Что это, Джон?

— Не знаю, Элис, — ответил он серьезно. — Быть может, просто причудливая тень дерева, отброшенная луной?

— Нет, нет, это живое существо! И если оно не человек, то какая-то отвратительная пародия на человека. Как мне страшно!

Он крепко обнял ее и зашептал слова любви и ободрения.

Для Клейтона не было большего несчастья, чем страх и переживания его молодой жены. Сам он был бесстрашен и хладнокровен, но прекрасно понимал, какие мучения может причинить ужас слабой женщине... Что, в свою очередь, угрожает малышу, которого он заранее любил не меньше, чем свою крошку Элис.

Поэтому, чтобы ничто больше не потревожило леди Грейсток, Клейтон опустил полог и крепко привязал его к деревьям — за исключением маленького отверстия, обращенного к морю, их дом был теперь закрыт со всех сторон. В маленьком воздушном гнездышке стало темно, супруги улеглись рядом на одеяла, но...

Не успели они закрыть глаза, как из джунглей донесся ужасающий рык льва. Этот раскатистый звук все приближался, пока они не услышали его прямо под собой. В продолжение часа, а то и больше, лев обнюхивал и царапал стволы, поддерживавшие их жилье, и Клейтону оставалось только благодарить бога, что к ним пожаловала не пантера, которая в два счета вскарабкалась бы на дерево.

Потом лев удалился, но еще много раз, пока не встало солнце, люди вздрагивали от странных звуков необозримых джунглей, наполненных мириадами таинственных существ, неведомых для жителей цивилизованных стран и больших городов.

III. Жизнь и смерть

После скудного завтрака, состоявшего из соленой свинины, кофе и сухарей, Клейтон принялся работать над сооружением постоянного жилища: он понимал, что они не смогут надеяться на безопасность и спокойствие, если не отгородятся от джунглей четырьмя крепкими стенами.

Работа оказалась очень нелегкой.

На постройку маленькой хижины в одну комнату ушел почти целый месяц, зато строение получилось довольно прочным, с очагом из небольших валунов, собранных на взморье. Когда дом был готов, гордый успехом строитель обмазал его со всех сторон четырехдюймовым слоем глины.

Оконный проем Клейтон забрал ветками около дюйма в диаметре, тесно переплетенными в виде крепкой решетки, способной противостоять натиску даже льва. В то же время такая решетка не препятствовала доступу в хижину свежего воздуха.

Двускатная крыша была крыта плотно пригнанными друг к другу мелкими ветками, а сверху устлана толстым слоем длинных жестких трав и пальмовых листьев. Все это скреплял щедрый слой глины.

Материалом для двери послужили ящики из-под багажа: Клейтон прибивал доски крест-накрест до тех пор, пока не получилось столь массивное сооружение, что, взглянув на него, леди Элис расхохоталась и сказала, что такие двери, должно быть, закрывали вход в средневековые города! Для подобных ворот требовались не менее мощные петли, которые ценой долгого упорного труда Клейтону удалось соорудить из твердого дерева.

Штукатурные и другие работы были завершены уже после того, как супруги отпраздновали новоселье — а перебрались они в новое жилище, как только была закончена крыша. Несмотря на кажущуюся непробиваемость двери, Клейтоны баррикадировали ее на ночь сундуками и ящиками, в результате чего чувствовали себя почти в такой же безопасности, как в Англии.

Изготовление кровати, стульев, стола и полок было сравнительно легким и приятным делом, и к концу третьего месяца своей африканской жизни лорд и леди Грейсток имели довольно приличную обстановку. Если бы не постоянный страх нападения диких зверей и не все растущая тоска одиночества, они были бы вполне довольны своим положением.

Но каждую ночь звери рычали и ревели вокруг их маленькой хижины, и в конце концов муж с женой поняли: если они хотят как следует высыпаться, они должны не обращать внимания на подобные звуки. И даже леди Элис почти этому научилась: она просыпалась и испуганно вскрикивала не больше одного-двух раз за ночь.

Трижды случилось им видеть мимолетные промельки больших человекоподобных фигур, похожих на ту, которую они заметили в первую ночь, но никогда странные существа не подходили настолько близко, чтобы можно было понять наверняка — люди ли это или звери?

Болтливые попугаи и маленькие обезьяны скоро привыкли к своим новым соседям. Они, по-видимому, никогда раньше не встречали людей, и теперь старались поближе познакомиться с диковинными пришельцами. Их влекло к хижине то неудержимое любопытство, которое управляет всеми живыми существами и зачастую вступает в противоречие с инстинктом самосохранения. Многие из птиц спустя месяц прониклись к леди Элис таким доверием, что брали пищу у нее из рук.

Однажды вечером, когда Клейтон заготавливал дрова для очага, его маленькие друзья-мартышки, тараторившие в ветвях над его головой, вдруг с визгом устремились вверх и попрятались на вершине дерева. Было слышно, как они возбужденно и пронзительно щебечут, как бы предупреждая человека о приближающейся опасности.

И вскоре лорд Грейсток увидел то, чего так боялись маленькие обезьянки: человека-зверя, огромное загадочное существо, чья фигура уже не раз мелькала перед ними в мимолетных полуфантастических образах! Чудовище двигалось через джунгли, сгорбившись, иногда касаясь земли полусжатыми кулаками, иногда выпрямляясь почти как

человек. Однако все-таки это была обезьяна... Но каких размеров! То был самый большой антропоид из всех, когда-либо виденных Клейтоном, и, застыв на месте, молодой лорд в каком-то оцепенении смотрел на приближающегося к нему черного монстра.

Он находился довольно далеко от хижины, где лежали охотничьи ружья. Все его оружие сейчас состояло из топора и револьвера, но, глядя на обезьяньего великана, с легкостью прокладывающего путь через густой кустарник, Клейтон ясно понимал, что в столкновении с таким врагом даже скорострельная винтовка, пожалуй, не дала бы ему перевеса. Он невольно почувствовал, как по его спине пробежал холодный озноб.

Если он погибнет в борьбе с лесным чудовищем — о боже, что будет с Элис?!

Эта мысль заставила Клейтона повернуться и стремглав броситься к хижине. До дома было совсем недалеко, и он громко крикнул жене, чтобы она немедленно вошла внутрь и закрыла за собой дверь!

Леди Грейсток сидела неподалеку от хижины. Услышав крик, она подняла голову и увидела бегущего мужа, а потом — чудовищную обезьяну.

Элис с криком кинулась к дому. Вбежав внутрь, она оглянулась, и от ужаса у нее заглохло сердце: с поразительной для такого большого и неуклюжего животного скоростью черное страшилище прыгнуло наперерез Клейтону... Ее муж остановился, выхватив револьвер и готовясь выстрелить в обезьяну.

— Запри дверь на засов, Элис! — закричал он. — Не бойся, я справлюсь с этим зверем!

Но он знал, что к нему приближается верная смерть.

Напавшая на него обезьяна была большим самцом, который весил никак не меньше трехсот фунтов. Из-под косматых бровей злобно сверкали маленькие, налитые кровью глаза, острые длинные клыки свирепо оскалились... И хотя из пасти обезьяны вырвался оглушительный рев, когда три револьверных пули одна за другой

впились в ее волосатую грудь, она ни на секунду не притормозила неудержимого бега.

А потом закричал уже человек: Клейтон увидел, что его молодая жена выскочила из хижины, вооруженная винтовкой.

Элис всегда смертельно боялась огнестрельного оружия и никогда не участвовала в охотах — любимом развлечении многих английских леди. Она не решалась даже дотронуться до ружей и револьверов, но теперь бросилась к гигантской обезьяне с бесстрашием львицы, защищающей своих детенышей.

— Элис, назад! — заорал Клейтон. — Бога ради, назад!

В ту же минуту обезьяна кинулась на своего врага,хватила у него из руки револьвер и отшвырнула далеко в сторону. Зверь с жутким рычанием кинулся на беззащитную жертву, но прежде чем его клыки вонзились в горло человека, Элис выстрелила из винтовки, и пуля попала горилле в спину между лопатками.

Выпустив Клейтона, чудовище повернулось к новому врагу. В смертельном ужасе молодая женщина пыталась выстрелить еще раз, но не знала механизма ружья, и ударник беспомощно бил по пустой гильзе.

А когда с бешеным ревом обезьяна устремилась вперед, леди Элис упала в обморок.

Клейтон вскочил и с мужеством отчаяния хотел прыгнуть между обезьяной и женой... Но не успел он очутиться рядом с Элис, как горилла вдруг качнулась и рухнула на траву. Вытянутые в последнем усилии ручищи так и не смогли дотянуться до горла Клейтона — обезьяна была мертва. Пуля из винтовки сделала свое дело.

Быстро осмотрев жену и убедившись, что она жива и невредима, лорд Грейсток поднял ее на руки и отнес в хижину; но прошло не меньше двух часов, прежде чем Элис пришла в себя.

Первые же ее слова наполнили душу Клейтона таким же ужасом, как и нападение гориллы.

— О, Джон, как хорошо снова очутиться дома! — пробормотала бедняжка. — Как здесь уютно и безопасно! А мне снился такой страшный сон! Как будто мы вовсе не в Лондоне, а в какой-то ужасной дикой местности и на нас нападают страшные звери...

— Да, да, я все понимаю! — ласково ответил он, глядя ее по лбу. — Эти кошмары иногда бывают такими реальными... Попытайся снова заснуть и, я уверен, на этот раз тебе приснится что-нибудь хорошее!

Этой ночью в маленькой хижине на опушке первобытного леса произошло необычайно важное событие — у четы Клейтон родился маленький сын.

Леди Грейсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением большой обезьяны, и хотя прожила почти год после рождения ребенка, так и не осознала, что их дом находится не в Англии.

Иногда она задавала Клейтону вопросы относительно странного леса, который их окружает, спрашивала, почему нет прислуги, куда подевались все знакомые и почему в комнате такая скудная обстановка? Но хотя муж пытался объяснить ей истинное положение дел, она не понимала его объяснений.

В других отношениях она, впрочем, была совершенно нормальна. А счастье, вошедшее в ее жизнь с появлением маленького сына, и любовная забота мужа сделали этот год самым счастливым временем для леди Элис.

Иногда Клейтон даже радовался тому, что его жена не осознает истинного положения дел, не то этот год был бы для нее непрерывным мучительным чередованием тревог и волнений. Поэтому, хотя он и страдал, видя ее в таком состоянии, но готов был позавидовать ее блаженному неведению.

Сам Клейтон давно уже отказался от всякой надежды на спасение. Но он оставался мужем и отцом, главой семьи — и продолжал со всем рвением трудиться над усовершенствованием хижины. Теперь дощатый пол устлали шкуры животных; вдоль стен стояли полки и шкафчики. Прекрасные цветы — предмет особой заботы леди Элис —

распускались в причудливых вазах, сделанных из глины и бамбука. И, оглядывая плоды своих трудов, лорд Грейсток думал, что в таком жилище не стыдно было бы принимать и премьер-министра, окажись тот на пустынном африканском берегу.

То, что он оказался способен выполнить такую работу, служило для Клейтона постоянным источником радостного удивления. Он полюбил физический труд; ведь все, что он мастерил, он делал для любимой жены и для малыша, который был отрадой им обоим, хотя и увеличивал в сотни раз ответственность, лежащую на плечах отца.

Самыми опасными врагами, угрожавшими человеку в здешних лесах, были большие гориллы. Они уже несколько раз нападали на Клейтона, и хотя он никогда теперь не выходил из дома без ружья, несколько раз его спасал от смерти только счастливый случай.

Лорд Грейсток укрепил решетки окон и приделал к двери прочный засов, чтобы быть спокойным за жену и ребенка во время охотничьих вылазок. Теперь он мог не бояться вторжения зверей в их маленькую хижину, а после того ужасного случая с обезьяной леди Элис никогда не переступала в одиночку порог своего жилища.

В свободное время Клейтон часто читал вслух жене книги, взятые из Англии. В их числе было много детских книг с картинками, предусмотрительно захваченных леди Элис... Могла ли она подумать, укладывая в багаж такие вещи, что ее ребенок будет рассматривать картинки в азбуке под звуки, доносящиеся из безлюдного девственного леса!

В свободные часы лорд Грейсток иногда от нечего делать писал дневник, по стародавней привычке чаще всего по-французски. Он заносил в толстую тетрадь подробности их странной жизни, хотя и не надеялся, что эти записи кто-нибудь когда-нибудь прочтет...

Последними строками в дневнике была запись о смерти леди Элис. Она тихо скончалась во сне, и прошло еще несколько часов, прежде чем Клейтон понял, что его жена умерла.

Только теперь он осознал, какой поддержкой и опорой во всех несчастьях была для него эта маленькая хрупкая женщина.

В последних строчках дневника Джона Клейтона Грейстока сквозила страшная усталость, апатия и безнадежность.

«Мой маленький сын плачет, требуя пищи. О, Элис, Элис, что мне делать?»

Написав эти слова, Клейтон опустил голову на руки, лежащие на покрытом парусиновой скатертью столе. А та, для которой он сделал этот стол, лежала неподвижная и холодная в постели в двух футах от него, не слыша писка проголодавшегося сына.

Долгое время ни один звук не нарушал мертвой тишины джунглей, кроме жалобного плача ребенка.

IV. Обезьяны

В лесу на плоскогорье, на расстоянии одной мили от океана, старый Керчак, глава обезьяньего племени, в бешенстве рычал и брызгал слюной.

Более молодые и проворные обезьяны взобрались на самые высокие ветви громадных деревьев, чтобы не попасть ему под горячую руку. Уж лучше рисковать жизнью, качаясь на гнущихся под их тяжестью ветках, чем дразнить своим видом старого Керчака во время одного из его приступов неукротимой ярости!

Другие самцы разбежались кто куда и тоже попрыгали. Правда, вожак стаи все же успел отвесить одному из них страшную оплеуху своей мощной мохнатой лапой.

Несчастный бедолага бросился наутек, а Керчак еще долго отплясывал какой-то яростный танец, размахивая сорванной веткой и скаля желтые зубы...

И тут он увидел Калу. Она возвращалась из джунглей со своим маленьким детенышем, ничего не зная о настроении свирепого самца. Внезапно пронзительные предостерегающие крики соплеменников заставили ее искать спасения в стремительном бегстве.

Но Керчак оказался проворней: после недолгой погони — сперва по земле, потом по ветвям — он почти схватил молодую самку за ногу, но она сделала отчаянный прыжок с одного дерева на другое. Такой прыжок обезьяны совершают, когда нет другого выхода, и он неплохо удался Кале... Но когда горилла схватилась за сук, внезапный толчок сорвал висевшего на ее груди детеныша, и бедный малыш полетел на землю с высоты тридцати футов.

С громким горестным криком, забыв о страшном Керчаке, Кала бросилась вниз... Но когда она прижала к груди крохотное изуродованное тельце, жизнь уже оставила его.

Долго молодая обезьяна качала в ладонях своего погибшего первенца, и даже Керчак не пытался ее потревожить. Со смертью

малыша его припадок демонического бешенства кончился так же внезапно, как и начался.

Никто не знал, почему на обезьяньего царя накатывали такие приступы, да его подданные и не задавались подобными вопросами, а просто спасались бегством и ждали, пока их владыка не перестанет бесноваться. Никто не осмеливался становиться поперек дороги старому самцу, даже когда он был в хорошем настроении! Этот великолепный экземпляр гориллы весил, должно быть фунтов триста пятьдесят, и имел стальные мускулы и длиннющие клыки. Из-под выступающих надбровных дуг с выражением вечного брезгливого недовольства поблескивали крохотные глаза, разделенные лишь широкой переносицей большого плоского носа; шерсть на загривке так и норовила подняться дыбом — в таких случаях Керчак казался еще больше, чем был... А был он настолько же громаден, насколько свиреп.

Его ужасный нрав и могучая сила сделали его властелином маленького обезьяньего племени, в котором он родился лет двадцать тому назад.

С тех пор, как Керчак достиг расцвета сил, во всем лесу не находилось обезьяны, которая осмелилась бы оспаривать у него право на власть. Да и другие крупные звери очень редко осмеливались потревожить его!

Один только старый слон Тантор не боялся Керчака, зато слона побаивался сам обезьяний повелитель. Когда Тантор трубил, показывая, что он не в духе, все обезьяны — и большие, и маленькие — поспешно забирались на вершины деревьев.

Племя антропоидов, над которыми властвовал Керчак, насчитывало шесть или восемь семейств, состоящих из взрослых самцов с женами и детенышами, а также из молодых холостяков. Всего в стае было около семидесяти обезьян.

Кала числилась младшей женой самца по имени Тублат, что на обезьяньем языке означало «сломанный нос», и разбившийся насмерть детеныш был их сыном.

Несмотря на молодость (Кале недавно исполнилось семь лет), она была крупной, сильной обезьяной с высоким круглым лбом, который указывал на большую смышленость, чем у ее сородичей. Может, вследствие этой живости ума она и обладала такой большой способностью к материнской любви и материнскому горю.

И все же она была диким зверем — громадной, страшной гориллой из той разновидности, которая до сих пор неизвестна науке и которая куда более интеллектуальна, чем все изученные до сих пор антропоиды. Ум в сочетании с силой и свирепостью и делало племя Керчака самым страшным из всех человекообразных обезьян, обитающих в здешних джунглях.

Заметив, что бешенство вожака улеглось, все обезьяны спустились на землю и принялись за прерванные занятия.

Детеныши играли и резвились между кустами, взрослые обезьяны разлеглись на мягком ковре из опавших листьев. Некоторые переворачивали рухнувшие стволы и обследовали гнилые пни в поисках насекомых и змей, другие обшаривали кусты, где их ждали плоды, орехи и птичьи гнезда.

В таких занятиях гориллы провели около часа; затем Керчак созвал их и повел к морю.

В более-менее открытых местах обезьяны двигались по земле, держась звериных троп, проложенных между деревьями. Их походка казалась неуклюжей и медленной: они переваливались с ноги на ногу, опираясь суставами сжатых кулаков на землю, однако при необходимости могли развивать большую скорость.

Но когда они сворачивали в густой лес, их неуклюжести как не бывало: огромные гориллы перепрыгивали с ветки на ветку так же ловко, как их маленькие сородичи-мартышки! И все это время Кала несла крохотное мертвое тельце своего детеныша, крепко прижимая его к груди.

Вскоре после полудня шествие достигло холма, господствовавшего над взморьем; отсюда виднелась маленькая хижина. Именно к ней и направлялся Керчак.

Вот уже год, как многие из его племени погибали от грома, исходившего из палки в руках белой обезьяны, обитающей в этом странном логовище.

Керчак думал медленно, но когда в конце концов принимал какое-то решение, эта мысль прочно застревала у него в голове. Вот и сейчас он задумал во что бы то ни стало добыть палку, несущую смерть, и исследовать снаружи и внутри таинственную берлогу.

А еще он горел желанием впиться клыками в шею страшного двуногого животного, которого боялся и ненавидел.

За последнее время ни одна большая обезьяна не только не осмеливалась напасть на человека, но даже не смела показаться около хижины. Антропиды боялись смертоносных громов и сейчас с явной неохотой следовали за своим вожаком.

Но сегодня хозяин берлоги что-то не показывался. Медленно, осторожно и безмолвно обезьяны приближались к хижине, дверь которой была распахнута настежь. Даже детеныши, вцепившиеся в материнскую шерсть, не издавали ни звука — черная палка нагнала страха на весь обезьяний народ. Поэтому стая двигалась очень тихо, чтобы не разбудить ужасный гром.

Все ближе и ближе подходили гориллы к дому, и наконец Керчак подкрался к двери и заглянул в нее. За ним по пятам следовали два больших самца и Кала, крепко прижимавшая к груди свое мертвое дитя.

Внутри берлоги сидела белая обезьяна, на этот раз у нее в руках не было страшной палки. На постели под парусиной угадывались очертания фигуры, от которой пахло смертью, а из угла странного логовища доносился жалобный тонкий плач.

Керчак, вздыбив шерсть на загривке, бесшумно переступил через порог и приготовился к прыжку. Услышав шум, Джон Клейтон поднял голову...

И зрелище, представшее его глазам, заставило его похолодеть. Перед ним стояла гигантская горилла с горящими злобными огнем глазами и

оскаленными длинными клыками.

— «Наверное, так и должен выглядеть сам дьявол!» — подумал лорд Грейсток.

За спиной огромной гориллы толпились другие обезьяны, а револьверы и ружья висели далеко на стене.

В тот же миг Керчак кинулся на свою жертву.

Вожак обезьян отшвырнул истерзанное безжизненное тело того, кто еще за минуту назад был Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком, и издал пронзительный победный вопль, который слышали все обитатели джунглей на расстоянии многих миль от хижины.

На крик властелина горилл отозвался жалобный плач малыша из колыбельки в углу.

Керчак повернулся туда, где плакал надоедливый человеческий детеныш, злобно оскалил окровавленные клыки...

Но Кала не дала ему сделать ни шага. Выронив своего мертвого сына, молодая обезьяна с быстротой молнии метнулась к колыбели, выхватила оттуда плачущего малютку, выскочила из дома и проворно вскарабкалась со своей ношей на дерево.

Мертвый обезьяныш остался лежать на полу, а его мать теперь нежно прижимала к груди того, кому могла отдать свою нежность, любовь и заботу.

Усевшись высоко среди ветвей, Кала стала покачивать плачущего ребенка; он почувствовал ее тепло, инстинктивно нашел источник живительной влаги и довольно притих.

Сын английского лорда и английской леди с аппетитом сосал молоко дикой огромной гориллы.

Между тем вся стая хозяйничала внутри берлоги. Керчак приподнял край парусины, обнюхал тело женщины, понял, что она мертва, и принялся исследовать вещи в комнате. Первым делом он протянул ручищи к висевшему на стене ружью.

Много месяцев ему снилась эта странная палка! И вот теперь она была в его власти, и все-таки он не мог заставить себя к ней прикоснуться.

Отдернув руку, вожак настороженно смотрел на страшный предмет, готовый удрать, как только он заговорит оглушительным грохочущим голосом, которым всегда говорил с обезьянами, слишком близко подходившими к его хозяину. Но звериный рассудок Керчак подсказывал ему, что смертоносная палка опасна только в руках того, кто умеет с ней обращаться.

И все-таки еще несколько минут обезьяний вожак ходил взад-вперед мимо интересовавшей его вещи, не спуская с нее глаз и временами издавая глухое рычанье, прерываемое бормотанием.

Наконец Керчак решился: остановился перед ружьем, медленно поднял огромную лапу, прикоснулся к блестящему стволу и тут же отскочил. Ничего страшного не произошло — палка не изрыгнула свои смертоносные громы. Тогда громадный зверь, осмелев, сорвал ружье с крючка — и все остальные обезьяны испуганно кинулись к выходу. Столпившись за порогом хижины, они боязливо следили за действиями своего вожака.

А Керчак, убедившись, что палка не причиняет ему вреда, занялся ее подробным исследованием. Ощупал ружье со всех сторон, заглянул в черную глубину дула, потрогал мушку, ремень и, наконец — спусковой крючок...

При звуке оглушительного грохота обезьяны бросились к спасительным деревьям, воя от ужаса и давя друг друга в безумной панике.

Но больше всех был испуган Керчак. Выстрелом ему опалило брови, и всегда не слишком сообразительный повелитель обезьян перетрусил так, что забыл даже выпустить ружье и бросился к двери, крепко сжимая в руке виновника ужасного шума.

В результате ружье зацепилось за дверь, и она плотно захлопнулась за улепетывающими обезьянами.

Подбежав к деревьям, Керчак наконец отшвырнул противную палку и взобрался на ветви вслед за остальными членами стаи.

Прошел целый час, прежде чем самые храбрые обезьяны осмелились снова приблизиться к хижине... Но теперь дверь была закрыта так крепко и прочно, что попытки проникнуть внутрь ни к чему не привели. Хитроумно сооруженная Клейтоном задвижка упала в скобу, как только дверь захлопнулась за спиной Керчака. Гориллы попробовали разобрать плетеные решетки окон, но вскоре им наскучило это занятие, и они отправились обратно в чащу леса, к плоскогорью, откуда явились.

Кала со своим маленьким приемышем следовала поодаль от сородичей: обезьяна не знала, как свирепый Керчак отнесется к ее новому детенышу. Каждую обезьяну, которая хотела взглянуть вблизи на странного белокожего малыша, встречали оскаленные клыки и глухое угрожающее рычание молодой гориллы.

Уже под вечер, уверившись, что никто не хочет причинить вреда ее сыну, Кала позволила осмотреть приемыша, однако так и не дала никому прикоснуться к нему даже пальцем.

Молодая обезьяна чувствовала, как слаб и хрупок этот безволосый детеныш, и боялась, что грубые лапы ее соплеменников могут повредить малютке.

Для Калы путь домой был особенно труден, так как теперь ей приходилось цепляться за ветки одной рукой. Другой она все время бережно прижимала к груди приемного сына, шла ли стая по земле или прыгала по ветвям. Детеныши других обезьян цеплялись за шерсть на материнской груди, а те, что постарше, сидели на маминой спине, ничуть не мешая движениям самок. Но Кала несла крошечного человеческого малютку крепко прижатым к груди, не доверяя силе нежных рученок ребенка, цеплявшихся за длинные черные волосы гориллы.

Обезьяне было трудно, неудобно и тяжело. Но она помнила, как один ее детеныш, сорвавшись вниз, встретил ужасную смерть, и ни за что не хотела рисковать теперь другим.

V. Белая обезьяна

Кала нежно вскармливала своего найденыша, про себя удивляясь тому, что он так долго не делается сильным и ловким, как детеныши других обезьяньих матерей.

Прошел уже год с того дня, как она усыновила это странное белокожее создание, но ее сын только и научился, что неуклюже ходить. А каким беспомощным он выказал себя в таком простейшем деле, как лазанье по деревьям!

Кала скалила зубы и гневно рычала при малейшей попытке высмеять или обругать ее бестолкового сына, но в глубине души очень тревожилась: детеныш был и впрямь непонятлив и неловок во всем, от передвижения по ветвям до добывания пищи.

Он не умел находить себе еду, а ведь уже прошло больше двадцати лун с того дня, как Кала взяла его себе!

Знай гориллы, что этот белокожий малыш уже прожил на свете целых тринадцать лун прежде, чем попасть в их стаю, они сочли бы его совершенно безнадежным. Ведь маленькие антропоиды могут позаботиться о себе уже после пятнадцати лун, во всяком случае, в этом возрасте они уже неплохо лазают по деревьям и вполне могут отличить съедобное от несъедобного.

Муж Калы, Тублат, корчил недовольную гримасу всякий раз, когда ему на глаза попадался глупый приемыш, и если бы самка не охраняла малыша самым ревностным образом, тот давно уже нашел бы конец от одного небрежного взмаха огромной ручки Тублата.

— Из этого детеныша никогда не получится нормальной обезьяны, — ворчал самец. — Долго ты еще собираешься таскать его на себе, Кала, и заботиться о нем? Какая польза от этого белокожего уродца? Лучше брось его! Ты еще выносишь много красивых, сильных, волосатых детенышей, из которых вырастут настоящие гориллы!

— Нет, Сломанный Нос, ни за что! — рычала Кала, — И не смей прикасаться к моему детенышу! Я все равно буду заботиться о Тарзане, даже если мне придется носить его всю жизнь!

Тарзаном, или «белокожим», молодая обезьяна назвала маленького лорда Грейстока, как только усыновила его, и под этим именем он рос в племени Керчака.

Убедившись, что жену не переупрямишь, Тублат обратился к самому Керчаку и потребовал, чтобы вожак своею властью заставил Калу отказаться от глупого ребенка.

Но как только старый самец заговорил об этом, Кала заявила, что убежит прочь, если ее с детенышем не оставят в покое! Вожаку не захотелось потерять красивую, сильную, молодую самку и он больше не приближался к ней и ее приемышу.

Тем временем Тарзан все-таки рос, хотя и гораздо медленнее, чем его одногодки-гориллы. И чем больше он становился, тем быстрее догонял в успзхах своих сверстников-обезьян. Когда мальчику минуло десять лет, он уже превосходно лазил по деревьям, а на земле мог проделывать такие фокусы, которые были не по силам его более массивным соплеменникам.

Да, он во многом отличался от обезьян, и часто они дивились его изумительной хитрости. Зато ростом и силой человеческий ребенок никак не мог тягаться с гориллами. В десять лет человекообразные обезьяны уже взрослые звери, и некоторые из них достигают к этой поре более восьми футов — если, конечно, выпрямятся во весь рост. Тарзан же оставался хрупким подростком... Но каким подростком!

Уже в трехлетнем возрасте он научился ловко пускать в дело руки, прыгая с ветки на ветку, и почти не отставал от своей приемной матери. Подрастая, он совершенствовал свое мастерство и теперь мог целыми часами гоняться по верхушкам деревьев за друзьями-обезьянышами.

Тарзан умел совершать прыжки в двадцать футов на головокружительной высоте, с безошибочной точностью и без видимого напряжения цепляясь за бешено раскачивающиеся ветви.

Как и любая горилла, он мог молниеносно спуститься на землю по дереву — куда быстрее, чем мы с вами спустились бы по лестнице — и так же легко взбирался на самую вершину высокого тропического гиганта.

Этот десятилетний мальчуган обладал силой тренированного тридцатилетнего мужчины и подвижностью куда большей, чем чемпион-акробат. И его силы и умение день ото дня возрастали.

Жизнь Тарзана среди диких обезьян текла вполне счастливо, ведь он не помнил иной жизни и даже не подозревал, что в мире есть еще что-нибудь, кроме необозримых джунглей и их обитателей.

Но очень рано он начал понимать, что между ним и его товарищами существует большая разница. Его худенькое тело, коричневое от загара, стало вызывать в нем острое чувство стыда: оно было совершенно безволосое и голое, как тело презренной змеи или другого пресмыкающегося, тогда как его друзья щеголяли роскошной густой шерстью!

Тарзан пытался исправить эту несправедливость, обмазавшись с ног до головы грязью. Но грязь скоро высохла и облупилась, к тому же он получил нагоняй от матери. Обезьяны всегда следят за своей чистотой и за чистотой своих детенышей, и Кале вовсе не хотелось, чтобы впридачу ко всему другому ее шпыняли еще и за то, что ее сын — грязнуля!

Приемыш обезьяны больше не пытался обмазываться грязью, но не перестал огорчаться из-за своей внешности.

На равнине, которую часто посещало племя горилл, было маленькое озеро, куда стая обычно отправлялась на водопой. И вот однажды в знойный день, в период засухи, Тарзан и один обезьяний мальш, ускользнув из-под надзора старших, вдвоем отправились к озерцу попить. Когда они нагнулись, в тихой воде отразились оба лица: крупные дикие черты обезьяны рядом с тонкими чертами аристократического отпрыска старинного английского рода.

Тарзан был ошеломлен. Мало еще того, что у него нет волос! У него, оказывается, еще такое безобразное лицо! И как только другие

обезьяны могут его терпеть?

Что за противный маленький рот и крохотные белые зубы! Как отвратительно они выглядят рядом с могучими губами и клыками его счастливого товарища!

А этот тонкий нос — такой жалкий и убогий, словно его владелец умирает от голода! Тарзан покраснел, сравнив его с великолепными широкими ноздрями своего спутника. Вот это нос так нос — занимает почти поллица!

— «Как хорошо быть таким красавцем! — с горечью думал бедный маленький Тарзан. — И почему мне так не повезло!»

Но больше всего мальчику не понравились его глаза. Разглядывая их, он окончательно пал духом. Синее пятно, маленький черный зрачок, а кругом одна белизна! Ужасно! Даже у змеи нет таких отвратительных глаз, как у него!

Тарзан был так углублен в осмотр своей внешности, что не услышал шороха высоких трав, раздвигаемых огромным зверем, который крался сквозь прибрежные заросли. Не расслышал зловещих звуков и товарищ мальчика: горилла в это время пила, и хлюпанье толстых губ заглушило поступь осторожно подкрадывающегося врага.

И вот уже большая свирепая львица Сабор подобралась к добыче на расстояние тридцати шагов. Нервно подергивая хвостом, желтая кошка бесшумно припала к траве. Почти касаясь земли брюхом, она проползла еще несколько шагов и замерла, готовая прыгнуть на облюбованную жертву.

Теперь она была на расстоянии всего каких-нибудь десяти футов от обоих подростков. Львица сжалась в комок, стальные мускулы напряглись под золотистой шкурой...

Еще мгновение она выжидала, словно окаменев, а затем с ужасающим ревом прыгнула.

Львица Сабор была мудрым охотником. Кому-то свирепый рев, сопровождавший ее прыжок, мог бы показаться глупым. Разве не вернее напасть на жертву молча?

Но Сабор знала быстроту обитателей джунглей и почти невероятную остроту их слуха. Для них любой внезапный шорох травы послужил бы таким же ясным предостережением, как самый громкий вой. Лвица понимала, что ей все равно не удастся бесшумно настигнуть жертву.

Поэтому она и испустила оглушительный рык, надеясь, что добыча оцепенеет от ужаса, и тогда она запустит когти в парализованное страхом тело.

В отношении обезьяны расчет Сабор полностью оправдался. Звереныш на мгновение замер, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы сломать ему шею.

Зато Тарзан, дитя человека, поступил совершенно по-другому. Жизнь в джунглях, полных опасностей, приучила его все время быть начеку, а более высокий ум проявил себя в такой быстроте реакции, которая была не по силам человекообразной обезьяне.

Вой львицы Сабор как будто наэлектризовал мозг и мускулы маленького Тарзана, и он сделал единственно правильную вещь.

Перед ним были глубокие воды озера, а за ним — неизбежная жестокая смерть от когтей и клыков голодной львицы.

Тарзан всегда ненавидел воду, признавая ее только как средство для утоления жажды. Обезьяны терпеть не могут дождей, и мальчик перенял эту нелюбовь своей приемной матери; к тому же совсем недавно он видел, как маленькая Пита погрузилась в это озеро и больше не вернулась на берег!

Но из двух зол его быстрый ум избрал меньшее. И не успел замереть крик Сабор, нарушивший тишину джунглей, как Тарзан прыгнул в озеро и почувствовал, как холодная вода сомкнулась над его головой.

Как и все обезьяны, он не умел плавать, и все же не потерял обычной находчивости — признака живого и изобретательного ума.

Энергично барахтаясь, мальчик обнаружил, что может не только держаться на воде, но и передвигаться в ней. Тогда, поднимая тучи

брызг, Тарзан поплыл параллельно берегу, на котором свирепый зверь сидел над безжизненным телом его маленького приятеля.

Львица была бы непрочь схватить и вторую обезьяну — она напряженно следила за Тарзаном, очевидно, соображая, стоит ли эта безволосое существо того, чтобы сунуться за ним в воду... И тут, кашля и захлебываясь, мальчик из последних сил испустил громкий предостерегающий крик своего племени.

Почти немедленно из джунглей донесся ответ, и тотчас сорок или пятьдесят обезьян помчались по деревьям к месту трагедии.

Впереди всех неслась Кала, узнавшая голос своего Тарзана, а за ней спешила мать того детеныша, который лежал мертвым под окровавленной лапой Сабор.

Огромная львица отнюдь не желала встретить бешеный натиск стаи разъяренных человекообразных обезьян. Было ясно, что охота прошла впустую!

С утробным рыком желтая кошка быстро прыгнула в кусты и скрылась.

Теперь Тарзан смог вылезти на сушу и терпеливо перенести поцелуи, объятия и шлепки встревоженной матери, которая выражала то свой гнев по поводу непослушания сына, то радость оттого, что он остался жив. Точно так же поступила бы на ее месте и любая человеческая мать любого цвета кожи!

Чувство гордости из-за того, что он вышел живым из смертельно опасной переделки, смешалось в душе Тарзана с совершенно новыми ощущениями, вызванными купанием в озере. Он сумел сделать то, чего еще не делал никто из его соплеменников!

С тех пор Тарзан никогда не упускал случая окунуться в озеро или реку, приводя в отчаяние многострадальную Калу.

Горилла никак не могла привыкнуть к новому чудачеству приемного сына, ведь все обезьяны инстинктивно не любят воду и уж тем более никогда не погружаются в нее.

Вся стая еще долго обсуждала происшествие со львицей: такого рода случаи нарушали однообразие жизни в джунглях, и хотя порой кончались трагически, без них существование обезьян было бы лишь скучной чередой сна и поисков пищи.

Племя, к которому принадлежал Тарзан, кочевало по местности, простиравшейся на двадцать пять миль вдоль морского берега и на пятьдесят миль вглубь страны. Изо дня в день обезьяны бродили по этой территории, и, если хватало еды, целыми неделями оставались на одном месте. Потом они снимались с места и откочевывали на другой конец своих владений, и так как могли передвигаться по деревьям гораздо быстрее, чем люди по земле, часто преодолевали это расстояние за пару дней.

Переходы и остановки зависели от обилия или недостатка пищи, от условий местности и от присутствия опасных зверей. Следует сказать, однако, что Керчак был непоседой и зачастую заставлял обезьян сниматься с насиженного места только потому, что ему надоедало там оставаться.

Ночью гориллы спали — или лежа на земле, или устроившись на ветвях. В холодные ночи стая чаще всего ночевала внизу, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться; Тарзан всегда засыпал в крепких объятиях и под надежной защитой Калы.

Огромная свирепая горилла продолжала горячо любить своего белого детеныша, а тот платил приемной матери всей нежностью, которая досталась бы леди Элис, если бы она не умерла.

Правда, когда Тарзан не слушался, Кала шлепала его, как другие обезьяньи матери, но гораздо слабее их, чтобы ненароком не искалечить хрупкое безволосое дитя. Впрочем, добрая обезьяна наказывала сына очень редко (куда реже, чем следовало бы! — считал Тублат) и гораздо чаще ласкала.

Однако ее муж ненавидел приемыша день ото дня все сильнее.

Со своей стороны, чувствуя неприязнь огромного зверя, Тарзан пользовался всяким удобным случаем, чтобы сделать ему гадость. Если мальчик мог скорчить рожу Тублату или послать ему бранное

слово, находясь в надежных объятиях матери, он ни за что не упускал такой возможности. Изобретательный ум помогал Тарзану измышлять сотни дьявольских проделок, чтобы насолить приемному папаше.

Еще в раннем детстве мальчуган научился вить гибкие веревки из тонких лиан — такие веревки могли послужить отличным подспорьем во многих играх. А еще они годились для того, чтобы набрасывать их на Тублата или натягивать их очень низко, так, чтобы самец споткнулся и упал.

Постоянно играя с веревками, Тарзан научился вязать узлы и делать затяжные петли, чем забавлялись вместе с ним и все обезьяньи детеныши. Они во всем пытались подражать Тарзану, но он один доводил свои выдумки до совершенства.

Однажды во время игры Тарзан накинул петлю на шею мчавшегося мимо товарища, и веревка вынудила обезьяну резко остановиться.

— «Ага, вот новая хорошая игра!» — подумал мальчик и тотчас же попытался повторить эту штуку.

Мало-помалу ценой усердной практики и постоянных упражнений Тарзан овладел искусством накидывания аркана на облюбованную жертву...

И вот тогда-то жизнь Тублата превратилась в непрерывный кошмар. Двигался ли он по ветвям деревьев или ковылял по земле, невидимая беззвучная петля в любой момент могла охватить его шею.

Кала много раз наказывала Тарзана за такие забавы, Тублат клялся разорвать его на куски, даже старый Керчак пригрозил шалуну самой жестокой карой — изгнанием из стаи... Все было напрасно! Тарзан продолжал упражняться с лассо, и тонкая крепкая петля охватывала шею Тублата, когда самец меньше всего того ожидал.

Другим обезьянам проделки Тарзана казались забавными, так как «Сломанный нос» был тяжелый старик, и его никто не любил.

А в светлой головке Тарзана зарождались все новые мысли: его человеческий разум был воистину неисчерпаем.

Если он может ловить длинной веревкой с петлей на конце своих соплеменников-обезьян, почему бы не попытаться поймать таким же образом и львицу Сабор?

То был всего лишь зародыш мысли, но он послужил толчком к составлению сложного плана, который в конце концов и был осуществлен приемышем Калы...

Но случилось это уже много позже.

VI. Бой в джунглях

Постоянные скитания иногда приводили обезьян к запертой заброшенной хижине на берегу океана. Эта безжизненная берлога была для Тарзана неиссякаемым источником интереса.

Он заглядывал в забранные переплетенными ветвями окна, взбирался на крышу и смотрел в черное отверстие трубы, пытаясь представить себе чудеса, заключенные за крепкими бревенчатыми стенами.

Его детское воображение создавало фантастические образы удивительных существ, находящихся внутри дома. И его страшно раздражала слишком узкая труба и недоступные окна.

Вообще-то обезьяны неохотно появлялись возле хижины, потому что память о палке, извергающей грома, еще смутно жила в их мозгу, и заброшенное обиталище белого человека по-прежнему пугало их.

Тарзан и не подозревал о том, что сам он когда-то здесь родился. В обезьяньем языке слишком мало слов, чтобы рассказывать длинные сложные истории; для описания необычных вещей речь горилл чересчур примитивна.

Кала туманно и смутно объяснила Тарзану, что отец его был странной белой обезьяной, но мальчик не знал, что горилла не была ему родной матерью.

И все-таки странное любопытство влекло его к заброшенному деревянному логову, и он часто приходил сюда один и часами бродил вокруг хижины, пытаясь найти какой-нибудь вход.

Вскоре после своего приключения со старой Сабор Тарзан снова пришел к дому и на этот раз заинтересовался дверью, на которую прежде не обращал внимания, так как с виду она мало чем отличалась от массивных прочных стен.

Много часов подряд мальчик возился с петлями, с ручкой, с засовом... И вдруг, когда он потянул за свисающую высоко снаружи кожаную петлю, что-то стукнуло изнутри, и дверь распахнулась.

От неожиданности Тарзан отскочил и хотел броситься к деревьям, но любопытство одержало верх. Очень медленно мальчик просунул голову в комнату, и когда его глаза свыклись с полумраком, так же осторожно вошел.

Первое, что он увидел — лежащий на полу скелет: истлевшие, заплесневевшие остатки одежды еле прикрывали кости. На постели Тарзан заметил другой скелет, но уже меньшего размера, а в углу комнаты лежали кости совсем крохотного существа.

Мальчик только мимоходом взглянул на останки — жизнь в джунглях приучила его к зрелищу мертвых и умирающих. Даже если бы он знал, что он смотрит на останки своих родителей, вряд ли он был бы сильно потрясен.

Зато его внимание сразу привлекло множество находившихся в комнате странных предметов, и мальчуган принялся жадно стал исследовать их один за другим. Он рассмотрел инструменты, оружие, книги, бумаги, одежду — все, что уцелело от разрушительного действия времени в сырой атмосфере прибрежных джунглей.

Затем Тарзан стал открывать ящики и шкафы: то, что лежало в них, сохранилось гораздо лучше.

В числе других вещей он обнаружил и охотничий нож, острое лезвие которого немедленно порезало ему ладонь. Это рассердило приемыша Калы, но, рассмотрев опасную вещь получше, он пришел к выводу, что она может быть очень полезна... С помощью этой штуки ему удалось откалывать щепки от столов и стульев: вряд ли на такое были способны даже длинные зубы Керчака!

Некоторое время Тарзан забавлялся с ножом, потом продолжил обшаривать полки. В одном из шкафов ему попала книга с ярко раскрашенными картинками — детская иллюстрированная азбука. Эта вещь была еще интересней ножа!

«С „А“ начинается Аист, Гнездо свое вьет он на крыше. С Б начинается Башня, Домов всех вокруг она выше».

Картинки так увлекли Тарзана, что он позабыл обо всем на свете.

Листая страницы, он видел изображения белых обезьян, очень похожих на него лицом, но в каких-то странных разномастных шкурах. Он нашел в книге и маленьких мартышек, вроде тех, что прыгали по деревьям его родного леса. Но ни на одной картинке он не увидел обезьян своего племени; никого похожего на Керчака, Тублата или Калу.

Сначала Тарзан пытался снять пальцами маленькие фигурки со страниц, но быстро понял, что они не настоящие. Но как же они сделаны? Мальчик не имел об этом ни малейшего понятия и даже не находил в своем языке слов, чтобы дать названия всему, что он встречал на изображениях.

Пароходы, поезда, коровы и лошади не имели для него никакого смысла. Тарзана очень заинтересовали картинки с обезьянами, слонами и львами и какие-то многочисленные черные штучки вокруг этих картинок — они были похожи на надоедливых букашек, прилипших к страницам. У многих из них были ноги, но ни у одной не было ни рук, ни глаз.

Это было первое знакомство Тарзана с буквами английского алфавита... Знакомство, которое состоялось, когда маленькому лорду было уже больше десяти лет от роду.

Он, никогда не выдавший ничего подобного, ни разу не говоривший ни с одним из людей, конечно, не понимал назначения этих странных букашек.

Зато в середине книги он отыскал своего старого врага львицу Сабор, потом змею Хисту, свернувшуюся клубком...

О, как это было занимательно! Никогда за все десять лет своей жизни он не испытывал такого удовольствия, и лишь приближающиеся сумерки, смешавшие все рисунки, заставили мальчика оторваться от книги.

Тарзан положил азбуку обратно в шкаф и аккуратно закрыл за собой дверь хижины: он не хотел, чтобы кто-нибудь нашел и уничтожил его сокровище. Он быстро сообразил, как действует деревянный засов и как нужно тянуть кожаную петлю, чтобы опустить его и снова открыть

снаружи. Единственное, что прихватил с собой маленький лорд Грейсток — это охотничий нож в кожаных ножнах, укрепленных на поясе с пряжкой. Эту добычу Тарзан повесил на шею, предвкушая, как он похвастается ею перед товарищами.

Но едва мальчик достиг первых деревьев, как из кустов впереди возникла огромная фигура. Сперва Тарзан принял ее за обезьяну своего племени, но через мгновение сообразил, что перед ним Болгани, громадная горная горилла.

Эти существа редко спускались со своих лесистых гор, но иногда бескормица приводила их в низинные джунгли, и тогда закипали смертельные битвы между горными гигантами и племенем Керчака. Старый самец никому не позволял вторгаться на свою территорию! Что же касается горных горилл, которые от природы были добродушными существами, то даже слон не осмеливался встать у них на дороге, если они приходили в ярость! Зато в отличие от низинных сородичей они жили не стаями, а маленькими семьями, что давало племени Керчака численное преимущество и позволяло прогнать прочь огромных непрошенных пришельцев...

Обезьяна, вставшая перед Тарзаном, только что получила трепку от местных горилл и потому находилась в самом ужасном расположении духа.

Мальчик впервые увидел горное чудовище так близко, но сразу понял, что ему нечего ждать пощады от грозно рычащего монстра. На помощь звать тоже было бесполезно — его стая находилась сейчас слишком далеко — и Болгани стояла между ним и спасительными деревьями... Значит, оставалось только одно: оставаться на месте и биться насмерть!

Если бы Тарзан был взрослым самцом обезьяньего племени, он смог бы дать горной горилле серьезный отпор, но что мог противопоставить стальным мускулам и длинным клыкам горного антропоида маленький мальчик, пусть даже необычайно крепкий и сильный для своего возраста?

Но в жилах этого мальчика текла кровь народа, который дал миру так много бойцов, воинов и первооткрывателей — народа забияк, не просивших пощады даже в заведомо безнадежных схватках!

И хотя маленькое сердце Тарзана билось часто, как сердце птицы, он не испытывал страха в обычном понимании этого слова. Если бы ему представилась возможность бежать, он, конечно, воспользовался бы ею, но поскольку бегство представлялось невозможным, Тарзан испустил боевой клич своего племени прямо в лицо горилле.

Не успел этот вопль отзвучать, как огромный зверь прыгнул на него. Мальчик принялся бить кулаками громадное волосатое тело, но это было столь же бесполезно, как наносить удары по стене хижины. Могучая ручища гориллы стиснула плечо Тарзана.... И тогда маленький боец выхватил нож из ножен и нанес удар в волосатый живот. Клинок глубоко вонзился в тело обезьяны, и по джунглям пронесся дикий рев боли и бешенства.

Тарзан мгновенно понял, как опасна нанесенная им противнику рана, и немедленно пустил нож в дело еще раз и еще. Он бил гориллу в живот, в шею, в предплечья, а когда вопящий от ярости зверь вскинул его над головой, успел напоследок резануть ему ножом по пальцам.

И все-таки силы были явно неравны, и жестокий бой продлился не больше двух минут. А потом истерзанный, залитый кровью ребенок, отброшенный далеко в сторону ударом могучей лапы, безжизненно упал в заросли папоротников своих родных джунглей.

Тем временем племя Керчака услышало далекий боевой рев гориллы, и Кала, уже давно тревожившаяся за сына, опять улизнувшего из-под присмотра, стремглав помчалась по вершинам деревьев туда, откуда доносились крики горного чудовища.

Темнота уже опустилась на землю, только лунный свет слегка разбавлял мрак. И в этом неверном свете, подобно диковинному призраку, почти неслышно перелетала с одной ветви на другую огромная обезьяна, пролетая над двадцати-тридцатифутовой бездной. Кала отчаянно спешила к месту происшествия, не волнуясь о том, что никто из обезьян не последовал за ней.

Внезапно крики Болгани смолкли, и в джунглях воцарилась мертвая тишина.

Тем не менее Кала продолжала путь и вскоре приблизилась к месту, откуда еще недавно доносились страшные звуки. Теперь она продвигалась осторожнее, наконец медленно и опасливо спустилась вниз, тревожно вглядываясь в темноту в поисках хоть каких-нибудь следов разыгравшегося здесь сражения...

И тут в обрызганных кровью папоротниках, освещенных выглянувшей из-за туч луной, обезьяна увидела истерзанное тело Тарзана, а поодаль — тушу горной гориллы, мертвой и уже окоченевшей.

С горестным криком Кала бросилась к сыну, подняла его и прижала к груди. Она стала лизать его ужасные раны и наконец с трудом расслышала слабое биение маленького сердца.

Осторожно и бережно обезьяна понесла своего приемыша в чернильную тьму джунглей. Ни этой ночью, ни следующей Кала не вернулась к племени Керчака. Забившись в самую глухую чащу, она любовно выхаживала своего питомца, принося ему пищу и воду и зализывая его раны.

Конечно, бедняжка не имела понятия о медицине, но ее самоотверженные заботы все-таки удерживали мальчика по эту сторону бытия.

Первое время Тарзан не принимал никакой пищи и метался в бреду и лихорадке. Он поминутно просил пить, и мать носила ему воду тем единственным способом, который был в ее распоряжении, то-есть в собственном рту. Наверное, ни одна цивилизованная женщина не сумела бы лечить своего малыша с большей любовью, чем эта дикая обезьяна.

И наконец лихорадка прошла, мальчик начал поправляться. Теперь он сам пытался зализывать боевые раны, и Кала не слышала от него ни единой жалобы, хотя следы от страшных клыков Болгани наверняка мучительно болели.

Часть груди Тарзана оказалась разодранной до костей, три ребра и левая рука сломаны, однако со стоицизмом, свойственным диким животным, человеческий малыш молча переносил страдания.

Но он всегда рад был видеть около себя Калу и с благодарностью принимал ее помощь.

Как нежный уход гориллы, так и крепкий организм Тарзана сделали свое дело: мальчику стало гораздо лучше, и теперь Кала могла отходить от него в поисках пищи. Пока ее приемьш был на волосок от смерти, обезьяна почти не думала о своем пропитании и страшно исхудала. Но сейчас она должна была думать о еде и для самой себя, и для своего выздоравливающего детеныша.

VII. Свет познания

Время болезни показалось маленькому страдальцу целой вечностью — но наконец Тарзан встал на ноги и снова начал ходить.

С тех пор его выздоровление пошло вперед семимильными шагами, и через месяц Кала вместе с сыном вернулась к родному племени — к восторгу товарищей Тарзана и к огромному неудовольствию Тублата.

Первое, что сделал Тарзан, вновь обретя свободу передвижения — это пустился на поиски того чудесного оружия, которое помогло ему, маленькому и слабому, одержать верх над могучим зверем.

Кроме того, мальчик всей душой стремился снова побывать в хижине, чтобы продолжать осмотр удивительных вещей, которые он там обнаружил.

Отправившись на розыски ножа, Тарзан скоро нашел поле достославного боя, где валялись начисто обглоданные кости его противника. А неподалеку, полуприкрытый опавшими листьями, лежал нож, слегка заржавевший от запекшейся крови гориллы.

Победитель Болгани очищал нож о кору ближайшего дерева, пока клинок не засверкал прежним серебристым блеском. Уж теперь-то Тарзану не придется спасаться бегством ни от кого в джунглях, ни от старого Тублата, ни от Керчака!

Еще через несколько минут маленький герой уже стоял возле хижины. Он отлично помнил, как открывается дверь, а войдя внутрь, даже сообразил опустить щеколду, чтобы никто из обитателей близких джунглей не смог его потревожить.

Мальчик не стал тратить времени на повторный осмотр хижины, а сразу устремился к книгам. Они обладали для него каким-то магическим непреодолимым притяжением, и сейчас его не интересовало ничего, кроме изумительной тайны разрисованных листов.

Тарзан снова и снова листал букварь, рассматривал другие детские книжки с картинками и подписями под ними. Картинки ему ужасно

нравились, но и странные маленькие букашки, покрывавшие страницы вокруг рисунков, вызывали его удивление и будили мысль.

Сидя с поджатыми ногами на столе в хижине своего отца, низко склонившись над раскрытой книгой, маленький приемыш обезьяны упорно пытался разгадать тайну напечатанных в книгах букв и слов. Этот нагой мальчуган с густой гривой черных волос и блестящими умными глазами представлял собой живую аллегория первобытного стремления к знанию сквозь черную ночь умственного небытия.

И его усилия не пропали даром. Каким-то невероятным интуитивным способом Тарзан наконец нащупал ключ к столь смущавшей его загадке шествия маленьких букашек по книжным листам.

Перед ним лежал букварь, а в букваре был рисунок маленькой обезьянки. Это животное смахивало на него самого, но было покрыто каким-то забавным цветным мехом. Над картинкой виднелись семь маленьких букашек:

М-а-л-ь-ч-и-к.

Тарзан заметил, что в тексте, на той же странице, эти семь букашек много раз повторялись в том же порядке.

Затем он постиг, что отдельных букашек было сравнительно мало, но они повторялись много раз — иногда в одиночку, а чаще в сопровождении других.

Он медленно переворачивал страницы, вглядываясь в картинки и текст и отыскивал повторение знакомого сочетания м-а-л-ь-ч-и-к. Вот он снова нашел его под другим рисунком: там опять была маленькая обезьяна и с нею какое-то неведомое животное, стоявшее на четырех лапах и походившее на шакала. Под этим рисунком букашки слагались в такое сочетание:

М-а-л-ь-ч-и-к и с-о-б-а-к-а.

Итак, эти семь маленьких букашек явно обозначали детеныша — почти такого же, как он сам!

Таким образом и продвигалось вперед учение Тарзана. Правда, оно шло очень медленно, ведь задача, которую он поставил перед собой, любому другому показалась бы невозможной: примыш обезьяны хотел научиться читать, не имея ни малейшего понятия о буквах или письме.

Миновали многие месяцы и даже годы, прежде чем Тарзан добился намеченной цели. И все-таки он ее достиг! Теперь тайна маленьких букашек больше не была для него тайной, а когда ему исполнилось пятнадцать лет, он уже знал все комбинации букв, сопровождавшие ту или иную картинку в маленьком букваре и в двух книжках для начального чтения.

Разумеется, он имел лишь самое туманное представление о значении и употреблении союзов, глаголов, местоимений, наречий и предлогов, но... Вскоре он смог похвастаться еще одним успехом.

Как-то раз Тарзан догадался остругать своим ножом маленькую палочку, найденную в одном из ящиков стола. Проведя острым концом по столешнице, он с восхищением увидел, что на гладкой поверхности остался черный след.

Тарзан так усердно занялся новой игрушкой, что вскоре все гладкие вещи в доме покрылись линиями, зигзагами и кривыми петлями, а кончик карандаша стерся до дерева. Но теперь примыш обезьяны уже знал, как его отточить. И ему пришла в голову новая забава.

Он решил изобразить некоторые из маленьких букашек, которые ползали на страницах его книг.

Это было трудное дело, прежде всего потому, что он держал карандаш так, как привык держать рукоять ножа, что далеко не способствовало облегчению письма или разборчивости написанного.

Однако Тарзан умел проявлять редкостное упорство в достижении намеченной цели. Он тренировался в изображении букв при каждом удобном случае, и в конце концов путем проб и ошибок научился правильно держать карандаш и очень похоже изображать знакомые буквы.

Так он упражнялся в правописании.

Роясь в разных книгах, Тарзан убедился в том, что ему теперь известны все породы букашек и все их комбинации. Он без труда располагал их в должном порядке. Ему было легко это сделать, потому что он часто перелистывал занимательный иллюстрированный букварь и даже заглядывал в словарь, где слова не сопровождались картинками.

Его образование таким образом шло вперед. Но самое главное открытие, которое он совершил в хижине своих родителей — это то, что на свете, оказывается, существует особая порода существ, к которым принадлежит он сам. Теперь Тарзан больше не презирал своего голого тела, не приходил в отчаяние при виде своего человеческого лица: раз где-то живут другие подобные ему создания, значит, он вовсе не выродок и не урод, как частенько называет его Тублат!

Просто он был ч-е-л-о-в-е-к, а Тублат — о-б-е-з-ь-я-н-а. Маленькие же сородичи племени Керчака, скачущие по верхушкам деревьев, назывались м-а-р-т-ы-ш-к-и. Тарзан узнал также, что свирепая Сабор — л-ь-в-и-ц-а, Хиста — з-м-е-я, а Тантор — с-л-о-н.

Так он учился размышлять и делать выводы.

Любой педагог мог бы гордиться таким учеником! С помощью большого словаря и упорной умственной работы Тарзан часто догадывался о многом, чего никогда не видел, и его догадки бывали очень близки к истине.

Конечно, в его учении случались большие перерывы, когда обезьянья стая далеко уходила от хижины, но даже вдали от книг живой ум мальчика продолжал работать над десятками занимавших его таинственных вопросов.

Куски коры, плоские листья и ровные участки земли служили Тарзану тетрадами, в которых он палочкой и острием охотничьего ножа выцарапывал «домашние задания», окончательно убедив Тублата, что приемыш Калы — ненормальная обезьяна!

Но, усиленно занимаясь умственным трудом, Тарзан не пренебрегал и практическими занятиями.

Он часто упражнялся с веревкой и с охотничьим ножом, который научился точить о плоские камни, и теперь Тублат высказывал свое мнение о мальчике лишь вполголоса. Старому самцу лучше всех других в стае было известно, как опасен может быть безволосый сын Калы, если его разозлить.

Надо сказать, что с того дня, как Кала усыновила Тарзана, ее племя окрепло и разрослось. Горные гориллы Болгани уже давно не тревожили народ Керчака: в последние годы и в низинных джунглях, и на горах был вдоволь еды, и обезьяны самки рожали здоровых и крепких детенышей.

Молодые самцы выросли, брали в жены самок своей стаи, но по-прежнему подчинялись Керчаку, чья сила ничуть не уменьшалась с годами.

Лишь изредка какой-нибудь самец, более свирепый, чем его товарищи, пытался оспорить власть у старого вожака, но пока еще никому не удалось одолеть эту свирепую и жестокую обезьяну.

Тарзан никогда не затрагивал Керчака и старался жить в мире со всеми обезьянами (кроме разве что старого Тублата), но чем старше он становился, тем больше чувствовал разницу между собой и гориллами. Хотя обезьяны и считали его своим, Тарзан слишком заметно от них отличался, чтобы не быть одиноким в их обществе. Старшие самцы либо не обращали на него внимания, либо отгоняли его прочь, и если бы не изумительная ловкость мальчика и не защита могучей Калы, которая оберегала его со всем пылом материнской любви, он был бы убит еще в раннем возрасте... Не по злему умыслу, а оттого, что легкий шлепок, каким обезьяны обычно наказывали своих шалунов, наверняка оказался бы смертельным для человеческого ребенка.

Но только Тублат настолько ненавидел маленького Тарзана, что не задумываясь убил бы его, представься ему такая возможность. Да еще следовало опасаться Керчака во время его приступов безумного неистовства, которыми страдали все самцы больших обезьян...

Правда, с возрастом Керчак стал спокойнее, и его сородичам уже реже приходилось спасаться от него на верхушках деревьев.

Однажды все обезьянье племя собралось в маленьком естественном амфитеатре: на широкой и чистой поляне, лежащей на дне поросшего кустарником котлована.

Площадка была почти круглой; со всех сторон ее окружали колючие кусты и мощные гиганты девственного леса, чьи огромные стволы были оплетены такой густой сетью лиан и ползучих растений, что пробраться на маленькую арену можно было лишь по ветвям деревьев. Здесь обезьянья стая чувствовала себя в безопасности.

Посередине амфитеатра лежал один из тех огромных пустых древесных стволов, из которых антропоиды любят извлекать адское подобие музыки. Иногда глухие удары этих примитивных барабанов доносятся из глубины джунглей до человеческого слуха, но никогда никто из людей не присутствовал на буйных празднествах больших обезьян.

И хотя многие путешественники слышали глухой барабанный бой, извлекаемый явно не рукой человека, ни одному из них не приходилось наблюдать буйный разгул громадных человекообразных властителей джунглей. Так что Тарзан, лорд Грейсток, был первым человеческим существом, которое не только видело это удивительное зрелище, но и участвовало в опьяняющем танце Дум-Дум.

Должно быть, на заре человеческой цивилизации, в седой глубине веков наши свирепые волосатые предки при ярком свете луны выплясывали похожий танец под звуки примитивных барабанов в глубине девственных джунглей. Все религиозные таинства и обряды человека начались в ту давно забытую ночь, когда наш первый мохнатый предок спрыгнул с ветки на мягкую траву и ударил по пустому стволу упавшего дерева.

А для Тарзана праздник Дум-Дум стал тем днем, когда он добился уважения всего обезьяньего племени.

Настроение, в котором танцуют Дум-Дум, обычно овладевает обезьянами в ночь полной луны, и тогда племя Керчака молча

движется по деревьям к лужайке среди холмов и бесшумно занимает места на этой естественной танцплощадке.

Той ночью, о которой пойдет речь, все так и случилось. Однако стая прибыла на место слишком рано, и гориллы разлеглись в густой траве, чтобы подремать, пока не взойдет луна.

Долгие часы на поляне царил полнейшая тишина, нарушаемая лишь нестройными криками мартышек и щебетом еще не уснувших птиц, которые порхали среди ярких орхидей и гирлянд огненно-красных цветов, ниспадавших с покрытых мохом пней и стволов.

Наконец на джунгли опустилась ночь.

Одна за другой обезьяны зашевелились, поднялись и расположились вокруг барабана. Самки и детеныши уселись на корточках с внешней стороны амфитеатра, а взрослые самцы устроились внутри полянки, прямо напротив них. Три самых могучих гориллы направились к барабану, сжимая в лапах толстые суковатые ветки длиной не меньше тридцати дюймов.

С первыми слабыми лучами восходящей луны, посеребрившей вершины деревьев, обезьяны стали медленно и ритмично ударять по гулким бокам «барабана».

Чем выше поднималась луна и чем ярче озарялся ее сиянием лес, тем сильнее и чаще били в барабан гориллы, пока наконец дикий гулкий грохот не разнесся по джунглям на много миль кругом. Хищные звери, прижав уши и оскалив зубы, тревожно прислушивались к далеким глухим ударам, оповещающим обитателей леса о том, что большие обезьяны пляшут танец Дум-Дум.

По временам какой-нибудь зверь испускал пронзительный визг или громовый рев в ответ на быстрый стук древесного барабана. Но никто из живших в джунглях зверей не осмеливался даже близко подойти к тому месту, где неистовствовали при свете луны большие обезьяны.

Грохот достиг наконец силы грома и, казалось, раскачал луну в небесах; и тогда Керчак выскочил на лужайку перед барабаном.

Выпрямившись во весь рост, запрокинув голову и глядя на полную луну, обезьяний вождь ударил себя кулаком в грудь и испустил страшный крик. Долгий вопль пронесся над испуганно притихшими джунглями, а Керчак, подпрыгивая, побежал вдоль круга.

Следом за ним на арене очутился второй самец, во всем подражавший движениям вожака. За ним вошли в круг другие — и теперь джунгли почти непрерывно оглашались лихими криками.

Ко взрослым самцам присоединилась молодежь, и вскоре почти все племя кружилось и подпрыгивало под грохот барабанов.

Тарзан тоже участвовал в этом диком, скачущем танце. Его смуглая мускулистая фигурка блестела от пота при свете луны, выделяясь гибкостью и изяществом среди неуклюжих, грубых, волосатых звериных тел.

По мере того, как грохот и быстрота барабанного боя увеличивались, плясуны пьянели от дикого ритма и от своего свирепого воя. Их прыжки становились все быстрее, с оскаленных клыков стекла слюна, пена выступила в уголках толстых губ.

Пляска Дум-Дум продолжалась уже около часа, все танцоры выбились из сил, барабанщики тоже... Еще немного — и обезьяний разгул мало-помалу пошел бы на убыль, но тут случилось то, чего никто не ожидал.

Охотившаяся неподалеку пантера загнала оленя прямо в кусты, окружавшие танцевальную площадку горилл. Перепуганный олень запутался в колючках, но хищница не успела воспользоваться своим успехом — распаленные танцем антропоиды посыпались с ветвей деревьев, мгновенно ее в бегство.

Оленя тут же прикончили, и Керчак, похваляясь своей силой, затащил добычу на дерево и перебросил на поляну, где только что танцевало его племя. Огромные обезьяны никогда не упускали шанса полакомиться мясом, однако представлялся такой случай племени Керчака до обидного редко.

И вот теперь гориллы всей стаей ринулись на тушу, стараясь урвать по возможности большой кусок добычи.

Огромные клыки вонзались в мясо, более сильные пожирали сердце и печень, слабые вертелись около дерущейся и рычащей толпы, выжидая удобный момент, чтобы тоже подцепить лакомый кусочек.

Тарзан даже больше, чем его товарищи-обезьяны, любил мясо и испытывал в нем потребность. Плотоядный по природе, он еще ни разу в жизни, как ему казалось, не поел этого лакомства досыта. И теперь, ловкий и гибкий, возбужденный не меньше других, он пробирался между рычащих и воющих обезьян.

На боку у него висел охотничий нож, и, добравшись до туши оленя, он быстро отсек изрядный кусок. Он и не надеялся, что ему достанется такая богатая добыча — целое предплечье, высывавшееся из-под ног могучего Керчака! Обезьяний вожак был так занят обжорством, что даже не заметил содеянного Тарзаном.

И мальчик благополучно улизнул из толпы со своей добычей.

Но среди обезьян, которые вертелись за пределами круга пирующих, был старый Тублат. Он уже успел отхватить и сожрать отличный кусок, но этого ему показалось мало, и он вернулся, чтобы пробить дорогу к новой порции мяса.

Вдруг он заметил Тарзана: мальчик выскочил из царапающейся и кусающейся кучи переплетенных тел, крепко прижимая к груди предплечье оленя.

Маленькие свинные глазки Тублата налились кровью и злобно засверкали при виде ненавистного приемыша. Нет, он не потерпит, чтобы наглому безволосому ублюдку достался такой жирный кусок!

Однако Тарзан тоже заметил своего злейшего врага и проворно прыгнул к самкам и детенышам, надеясь спрятаться среди них. Тублат гнался за ним по пятам, Калы нигде не было видно...

Убедившись, что спрятаться не удастся, Тарзан понял, что ему остается одно — бежать.

Он со всех ног помчался к ближайшим деревьям, ловко подпрыгнул, ухватился рукой за ветку и с добычей в зубах стремительно полез вверх.

Однако Тублат не пожелал отказаться от преследования.

Тарзан поднимался все выше и выше на раскачивающуюся верхушку гигантского дерева и, увидев, что его тяжеловесный враг в нерешительности остановился на более прочных ветвях десятью футами ниже, стал осыпать обезьяну язвительными насмешками.

Тублат, еще не остывший после танца Дум-Дум, впал в неистовое бешенство.

С ужасающими воплями он бросился вниз и врезался в толпу самок и детенышей. Он расшвыривал их направо и налево, отыгрываясь на более слабых созданиях за обиду, нанесенную ему Тарзаном.

С вершины дерева Тарзан видел, как самки и детеныши бросились наутек, стараясь найти безопасные места на деревьях — а затем и большие самцы тоже позорно бежали от своего обезумевшего товарища. Вскоре все обезьяны, даже Керчак, скрылись среди черных теней окрестного леса, только одна замешкавшаяся самка осталась в амфитеатре, где свирепствовал Тублат. С бешеным ревом самец кинулся на эту жертву, и Тарзан с ужасом увидел, что улепетывающая от Тублата обезьяна — никто иная, как Кала!

С быстротой падающего камня мальчик бросился вниз на помощь матери.

Кала уже достигла дерева, подпрыгнула, ухватилась за нижнюю ветку... Но тут раздался сухой громкий треск, ветка обломилась, — и самка свалилась прямо на голову подбежавшего к дереву Тублата.

Прежде чем они успели вскочить, Тарзан уже стоял на земле, и, поднявшись, громадный разъяренный самец гориллы очутился лицом к лицу с ребенком человека.

Отлично! Тублат давно ждал подобной минуты!

С торжествующим ревом обезьяна кинулась на маленького лорда Грейстока. Но его клыкам не суждено было вонзиться в обнаженное,

коричневое от загара тело.

Маленькая мускулистая рука молниеносно выхватила острый охотничий нож и вонзила клинок в мощную волосатую шею. Надо признать скорее счастливым случаем, чем точным расчетом то, что нож угодил попал прямо в сонную артерию антропоида. Алая кровь брызнула мощной струей, и вскоре вслепую хватающие воздух огромные лапы в последний раз загребли землю и разжались... Тублат лежал мертвым на площадке танца Дум-Дум.

Тогда Тарзан, обезьяний приемыш, поставил ногу на шею своего врага, обратил лицо к круглой луне и испустил дикий, пронзительный победный клич своего народа. Одна за другой из своих поднебесных убежищ спускались обезьяны. Они окружили Тарзана и убитого им самца, и приемыш Калы обвел всех вызывающим взглядом.

— Я — Тарзан! — крикнул он. — Я — великий боец! Теперь все должны почитать Тарзана и его мать Калу! Среди вас нет никого, кто может сравниться со мной в отваге и силе!

И, в упор посмотрев на озадаченного Керчака, молодой лорд Грейсток ударил себя кулаком в грудь и снова испустил тот торжествующий крик, которым всегда встречают свою победу гориллы.

VIII. Охота на вершинах деревьев

На следующее утро после танца Дум-Дум и сопровождавших ему необычайных событий обезьяны медленно двинулись через лес назад к берегу океана. Мертвый Тублат остался лежать на поляне: хотя среди обезьян случаются жестокие драки, порой кончающиеся смертью одного из участников, антропоиды никогда не едят себе подобных.

Невыспавшиеся обезьяны были заняты ленивыми поисками пищи. Капустные пальмы, серые сливы, визанг и сентамин в изобилии встречались в джунглях; иногда попадались дикие ананасы, но самым лучшим лакомством считались птичьи яйца, пресмыкающиеся и большие улитки. Орехи тоже входили в каждодневный рацион горилл: они легко раскалывали скорлупу могучими челюстями, не прибегая к помощи камней.

Однажды путь стаи пересекла старая Сабор, заставив молодежь и самок с детенышами поспешно искать убежище на деревьях.

Тарзан сидел на самой нижней ветке, и когда львица, пробираясь через густые заросли, оказалась под ним, швырнул в исконного врага обезьяньего племени недавно сорванный ананас. Огромная желтая кошка остановилось и окинула грозным взглядом хрупкую фигуру своего обидчика.

Сердито вильнув хвостом, Сабор обнажила клыки и сморщила в рыке усатую морду. Ярко-зеленые глаза львицы превратились в две узкие щели, в которых горела бешеная ненависть.

Прижав уши, львица некоторое время смотрела на Тарзана, а потом нырнула в джунгли, и чаща поглотила ее, как океан поглощает брошенный камень.

Но в уме Тарзана уже зародился потрясающий план. Раз он убил свирепого Тублата, почему бы ему не выследить и не убить ужасную Сабор? Вот тогда он станет воистину великим охотником, и никто из обезьян никогда не посмеет даже пальцем тронуть его или его мать!

К тому же, убив Сабор, он сможет содрать ее красивую желтую шкуру и прикрыть ею свою наготу.

Из книжек с картинками Тарзан узнал, что все люди прикрыты одеждой, так же как мартышки и обезьяны покрыты шерстью. И раз уж природа не дала ему такого густого жесткого меха, каким щеголяют его товарищи, значит, он должен восполнить этот недостаток при помощи чужой шкуры!

Да, Тарзану очень хотелось иметь шкуру львицы Сабор, или льва Нумы, или пантеры Шиты, чтобы прикрыть свое безволосое тело. Тогда он перестал бы походить на отвратительную змею Хисту! Конечно, приятно ходить голым, подставляя тело освежающему ветру, и все же он должен постараться завладеть львиной шкурой и сделать из нее одежду.

Итак, пока племя продолжало свой медленный путь сквозь джунгли, Тарзан был полностью поглощен разработыванием сложных планов выслеживания и убийства львицы.

Только обрушившийся на джунгли ураган ненадолго отвлек его мысли.

Средь бела дня на лес внезапно опустилась темнота, все звуки стихли. Деревья замерли, словно в ожидании надвигающейся катастрофы; не шевелилась ни единая ветка. Но вот издалека слабо донеслось стенание ветра, которое постепенно нарастало, пока ураган с бешеным ревом не забушевал прямо над головами обезьяньей стаи.

Большие деревья гнулись и трещали, из несущихся над их вершинами черных туч вслед за молниями обрушивались раскаты грома. Эти удары потрясли джунгли, как канонада. А потом хлынул ливень, что для горилл было хуже всего.

Дрожащие от холода обезьяны сбились в кучу, пытаясь найти убежище под деревьями. Вспышки молний освещали раскачивающиеся ветки и гнущиеся от ветра стволы.

Время от времени один из лесных патриархов, пораженный ударом молнии, с треском рушился, увлекая за собой окружавшие его более

тонкие деревья и путаницу лиан и неся гибель укрывшимся под ним мелким обитателям джунглей.

Ураган бесновался долго, и обезьяны в ужасе и смятении жались друг к другу, парализованные яркими вспышками и раскатами грома.

Конец бури был таким же внезапным, как и начало. Ветер мгновенно прекратился, выглянуло солнце, и все пережитые страхи тут же забылись.

Мокрые листья и влажные лепестки цветов засияли в ярких солнечных лучах. Природа ликовала, и все звери и птицы джунглей занялись своими обычными делами.

Но для Тарзана неприятности, пережитые во время бури, были лишним толчком для воплощения в жизнь его охотничьих планов. Как тепло и уютно было бы ему во время дождя, если бы он мог укрыться тяжелой шкурой Сабор!

С того дня Тарзан часто оставлял свое племя и скитался по джунглям, держа наготове веревку и нож. Но хотя немало мелких животных попало в его аркан, желанная добыча все еще разгуливала на свободе.

Однажды петля обвила жесткую шею кабана Хорта, но клыкастый зверь бешено атаковал ствол дерева, на котором прятался Тарзан, и толчок был так силен, что сбросил охотника с ветки. Кабан тут же кинулся на молодую безволосую обезьяну, посмевающую разозлить его своей глупой петлей, но Тарзан мгновенно запрыгнул обратно на дерево.

Благодаря таким случаям он постигал тонкости и опасности охоты, учась на своих ошибках.

В случае с кабаном мальчик лишился только веревки, но если бы на месте Хорта оказалась Сабор, он непременно был бы убит! Значит, со львицей надо действовать по-другому.

Тарзану потребовалось много дней, чтобы свить новую прочную веревку. Когда же она была наконец готова, охотник залег среди густой листвы на большой ветке, нависавшей над звериной тропой к водопою.

Он равнодушно смотрел на идущих к воде мелких зверей: такая дичь его сейчас не интересовала.

Но вот наконец появилась та, которую он так долго и терпеливо ждал. Играя мышцами под бархатной песчаного цвета шкурой, к водопою кралась могучая львица Сабор. Ее большие лапы мягко ступали по тропе, в такт движениям длинного гибкого тела подрагивал толстый хвост.

Все ближе и ближе львица подходила к месту, где затаился Тарзан, держа наготове сложенную кольцами веревку с петлей на конце — неподвижный, как бронзовый идол, непреклонный, как сама смерть.

Вот Сабор уже под ним.

Вот она делает шаг, другой, третий...

И тут прочная веревка, устремившись на цель со стремительностью атакующей змеи, со свистом охватывает желтую шею!

В следующий миг Тарзан крепко затянул аркан, привязанный свободным концом к ветке.

Сабор была поймана!

Зверь кинулся в джунгли, но веревка рванула ее за шею, и, перевернувшись в воздухе, Сабор рухнула на бок.

План Тарзана явно сработал, и он попытался закрепить успех, ухватившись за веревку и попробовав подтянуть львицу повыше. Он тут же понял, что подтащить к дереву и подвесить мощного зверя, который яростно сопротивлялся, кусался, царапался и извивался — непосильная для него задача.

Старая Сабор весила столько же, сколько самая большая горилла, а когда она упиралась в землю всеми четырьмя лапами, пожалуй, только слон Тантор мог бы стащить ее с места.

Львица металась на конце веревки, воя от бешенства, и пыталась запрыгнуть на дерево, чтобы достать охотника. Но ее обидчик предусмотрительно перебрался повыше, на более тонкие ветки, где его

не достала бы даже пантера. Оттуда Тарзан бросал сучья и ветки в свою беснующуюся пленницу.

Но Сабор уже догадалась, что ее держит. Вцепившись в веревку, она в два счета ее перегрызла, а Тарзан бранился и визжал с вершины дерева, огорченный тем, что хитроумный план окончился неудачей.

Сабор целых три часа расхаживала взад и вперед под деревом, надеясь поквитаться с человеком-обезьяной.

Мальчику первому приелась эта забава. Запустив напоследок в львицу гнилым плодом, он помчался по деревьям на высоте ста футов над землей и в скором времени оказался среди соплеменников.

Он рассказал обезьянам о своем приключении, привирая и хвастаясь, как любой цивилизованный охотник. Рассказ произвел впечатление даже на самых недоверчивых горилл, а Кала, поверившая каждому слову приемыша, раздувалась от гордости.

Кто посмеет теперь сказать, что ее Тарзан — слабый никчемный заморыш?! Ни у одной матери обезьяньего племени нет такого сильного, смышленного и смелого сына, как у нее!

IX. Смерть Калы

Тарзан, обезьяний приемыш, продолжал жить в джунглях, становясь все сильнее и умнее, и все это время мальчик черпал из книг знания о диковинных краях, находящихся где-то за пределами его страны.

Его лесная жизнь никогда не казалась ему ни однообразной, ни скучной. У него было множество занятий — охотиться, искать плоды, ловить в многочисленных ручейках и озерах рыбу — и все это никогда не приедалось Тарзану. Кроме того, приходилось постоянно остерегаться Сабор и других хищников, что придавало остроту и вкус существованию в джунглях.

То звери охотились за Тарзаном, то он охотился за ними. И хотя их острые когти за последние два года ни разу не коснулись его, бывали жуткие мгновения, когда только дюйм или два отделяли его от оскаленной смерти.

Львица Сабор была очень быстра, Нума и Шита — хитры и проворны, но Тарзан всякий раз оказывался хитрей и проворней всех своих врагов.

Но в джунглях его окружали не только враги: например, он крепко подружился со слоном Тантором. Как? Об этом никто не знал. Но обезьян уже давно не удивляло то, что в солнечные дни и в лунные ночи Тарзан и огромный слон подолгу странствовали вместе. Тантор даже позволял человеку кататься на своей могучей спине.

Да, Тарзан немало достиг к своим восемнадцати годам!

Он свободно читал как книгу джунглей, так и те книги, что хранились на полках в хижине его отца.

Он мог довольно уверенно писать, но только печатными буквами. Рукописи он тоже пытался разбирать, но тщетно. И, конечно, он не знал звучания ни единого английского слова.

Тем не менее, если бы Тарзан мог говорить, он назвал бы себя человеком — а ведь этот молодой английский лорд никогда не видел другого человеческого лица, кроме своего отражения в озере. Та

территория, по которой кочевало его племя, лежала вдалеке от цивилизованных мест, и даже дикие туземцы никогда не показывались в этих краях.

Высокие холмы замыкали прибрежную долину с трех сторон, океан — с четвертой. Эту лесную страну населяли лишь львы, леопарды, обезьяны и прочие дикие обитатели джунглей.

Но однажды, когда Тарзан сидел на вершине высокого дерева, он увидел внизу странное шествие,двигающееся гуськом через лес.

Впереди шли пятьдесят черных воинов, вооруженные длинными копьями; кроме того, каждый нес большой лук и колчан со стрелами. На спинах негров висели овальные щиты, в носсах блестели большие кольца, в коротких, как шерсть, черных волосах красовались пучки ярких перьев. Их лбы были пересечены тремя параллельными цветными полосками татуировки, на груди желтели три концентрических круга. Такие же желтые зубы казались острыми, как клыки хищников, а большие и отвислые губы придавали внешности пришельцев еще более зверский вид.

За воинами плелось несколько сотен детей и женщин. Последние несли на головах всевозможный груз: кухонную посуду, домашнюю утварь и большие тюки слоновой кости. Замыкала шествие сотня воинов, по поведению которых становилось ясно, что они опасаются погони и атаки сзади.

Так оно и было.

Эти чернокожие, принадлежавшие к одному из самых диких и свирепых туземных племен, спасались бегством от колонизаторов, которые давно грабили и притесняли их, отнимая слоновую кость и заставляя собирать каучук. Наконец негры восстали против своих угнетателей, перебили белых солдат и несколько дней объедались человеческим мясом. Но потом большой отряд карателей напал на поселок каннибалов, чтобы отомстить за смерть своих товарищей.

В ту ночь черные солдаты, служившие белым людям, в свою очередь обожрались мясом убитых, а жалкие остатки некогда могущественного

племени нашли убежище в мрачных джунглях, чтобы поселиться на новом месте.

Уже три дня отряд пробирался сквозь дебри. Вряд ли преследователи стали бы гнаться за ними в здешнюю глушь, и когда негры добрались до небольшого участка близ реки, который показался им менее заросшим, чем остальные, вождь велел своим людям остановиться.

Чернокожие пришельцы занялись постройкой жилищ. Через месяц они расчистили большую площадку, выстроили хижины и окружили их крепким частоколом. За оградой женщины возделали поля и засеяли их просом, ямсом и маисом — так же, как на своей прежней родине. Зато здесь не было ни колонизаторов, ни их войск; здесь не было и обязательного сбора каучука для жестоких жадных хозяев.

Но прошло несколько месяцев, прежде чем черные люди отважились забраться подальше в леса, окружавшие их поселок. Джунгли были полны свирепыми львами и леопардами, и негры опасались уходить далеко от своих надежных палисадов.

Но однажды Кулонга, сын старого вождя Мбонги, рискнул отправиться на многодневную охоту. Он осторожно двигался сквозь заросли, держа копьё наготове, а другой рукой крепко сжимая длинный овальный щит. За спиной воина висел лук, его колчан был полон стрел, смазанных темным смолистым веществом, благодаря которому даже легкий укол становился смертельным.

Ночь застигла Кулонгу далеко от поселка отца, и он влез на развилку большого дерева, устроив нечто вроде гнезда, в котором улегся спать.

А на расстоянии трех миль к западу ночевало племя Керчака.

На следующее утро обезьяны, как всегда, поднялись с зарей и разбрелись по джунглям в поисках пищи. Тарзан же направился к поселку чернокожих, которые с самого первого дня вызывали его жадный интерес.

Все взрослые самцы народа Керчака часто удалялись на большие расстояния от своей стаи. Но самки и детеныши даже в поисках пищи

старались держаться поблизости друг от друга, чтобы в случае опасности можно было позвать на помощь.

Кала медленно брела по слоновой тропе, поглощенная переворачиванием гнилых стволов, под которыми можно было найти съедобных насекомых. Вдруг какой-то странный шум привлек ее внимание, она подняла голову и увидела подкрадывающуюся к ней фигуру какого-то невиданного существа.

Кала никогда раньше не видела негров, но не стала терять времени на разглядывание Кулонги, а повернулась и быстро побежала назад, к деревьям, с которых недавно спустилась. По обыкновению своих соплеменников она предпочитала уклониться от столкновения, тем более от столкновения с таким непонятным и странным врагом.

Но Кулонга бросился за Калой с копьем, занесенным для удара — он совсем не собирался упустить добычу!

Если бы горилле удалось добраться до больших деревьев, она бы спаслась, но Кулонга застиг ее среди кустов и подлеска. Копье полетело вдогонку улетающей обезьяне, но удар был плохо рассчитан, и острие только слегка оцарапало мохнатый бок.

Однако этого хватило, чтобы страх гориллы сменился яростью. С громким криком боли Кала остановилась и повернулась лицом к своему врагу. А мгновение спустя из джунглей донесся ответный крик, и ветви деревьев затрещали под тяжестью устремившихся на помощь соплеменнице больших обезьян.

Кулонга с невероятной быстротой выхватил из-за плеча лук и наложил стрелу на тетиву. На этот раз ему никак нельзя было промахнуться! И он не промахнулся. Отравленный наконечник угодил прямо в сердце огромного человекообразного зверя.

Кала с ужасающим стоном упала ничком на глазах у примчавшихся ей на выручку горилл.

А дикарь уже бежал вниз по тропе, словно испуганная антилопа, подгоняемый криками стопившихся вокруг Калы антропоидов. Кулонга достаточно знал о свирепости этих диких созданий, чтобы его

единственным желанием в тот момент было как можно больше увеличить расстояние между собой и гориллами.

Обезьяны не преследовали его.

Никто из них ни разу не видел черных людей, никто не подозревал о смертоносном действии лука и стрел, потому сородичи Керчака никак не могли связать действия странного чернокожего существа со смертью Калы.

Тарзан услышал издали слабые, но тревожные звуки. Догадавшись, что с кем-то из его племени случилась беда, он поспешил туда, где выли и лопотали его соплеменники.

Добравшись до места происшествия, он ворвался в круг обезьян — и увидел тело своей убитой матери.

Тарзан застыл от горя и некоторое время стоял неподвижно, полными слез глазами глядя на безжизненно распростертую Калу. Потом он бросился к ней и горько зарыдал, уткнувшись лицом в жесткую черную шерсть той, которую любил, как родную мать. Что из того, что Кала была свирепым страшным зверем! Для Тарзана она была заботливой, доброй мамой, казавшейся ему такой же прекрасной, какими все мамы кажутся своим сыновьям. Юноша никогда не знал иной привязанности и отдал Кале все то, что принадлежало бы леди Элис, если бы она была в живых.

Потом горе Тарзана уступило место страшной злобе.

Вскочив, он обвел соплеменников таким свирепым взглядом, что обезьяны испуганно шарахнулись. Ударив себя кулаком в грудь, приемьш Калы проревел свой страшный боевой клич.

Он сразу понял то, чего не могли понять гориллы, безошибочно связав тонкую палочку, торчащую из груди Калы, с поселком черных людей. И тот негодяй, что поразил его мать смертоносной стрелой, наверняка бежал с быстротой оленя Бары по направлению к этому поселку!

Тарзан взметнулся на дерево и вихрем понесся по лесу. Он хорошо знал все изгибы слоновой тропы, по которой мчался убийца, и

старался двигаться через лес напрямик, чтобы пересечь дорогу черному воину. В глазах Тарзана загорался страшный огонь, когда он думал о том, что будет, когда он настигнет беглеца.

Спустя час человек-обезьяна спустился на землю и принялся внимательно осматривать тропу.

Маленькие комочки земли все еще скатывались с края следа в его углубление — отпечаток босой ноги был свежим, человек, за которым гнался Тарзан, прошел здесь совсем недавно.

Осиротевший приемыш Калы взлетел на дерево и быстро, почти бесшумно, понесся высоко над тропой.

Он не одолел и мили, когда увидел внизу черного воина. Человек стоял на открытом месте, держа лук с натянутой тетивой. А напротив него рыл копытами землю разъяренный вепрь Хорта.

Тарзан замер на дереве, с удивлением глядя на странное чернокожее существо, которое он впервые видел так близко. Оно походило на него и телом, и лицом, но как отличалось во всем другом! Правда, в книжках он уже видел рисунки, изображавшие негров, но те мертвенные отпечатки и отдаленно не напоминали лоснящееся, черное, ужасное живое существо!

К тому же человек с туго натянутым луком напомнил Тарзану не столько «негра», сколько «стрелка» из его иллюстрированного букваря: «С „С“ начинается стрелок».

Буря новых ощущений и чувств приковала Тарзана к месту, и он широко раскрытыми глазами смотрел на развернувшееся внизу невиданное действо.

Мускулистая черная рука еще сильнее натянула тетиву, и когда вепрь бросился вперед, стрела вонзилась в щетинистую шею зверя.

Кулонга мгновенно наложил на тетиву вторую стрелу, а едва Хорта устремился в атаку, перескочил через него и уже из новой позиции всадил в спину вепря еще одну стрелу.

Зверь сделал несколько неверных шагов, словно удивляясь чему-то, качнулся и упал на бок. Несколько судорожных подергиваний мышц —

и Хорта застыл без движения.

Кулонга опустил лук.

Ножом, висевшим у него на боку, он вырезал из туши несколько больших кусков, ловко и быстро развел огонь посреди тропы и стал жарить мясо. Поселок был уже совсем близко, и дикарь явно чувствовал себя в безопасности.

Он и не подозревал, что с вершины дерева за ним наблюдают горящие от ярости глаза. Но кроме жажды мести в этих глазах светилось любопытство.

Желание прикончить убийцу матери по-прежнему одолевало Тарзана, однако он знал, как важно уметь сочетать в своих поступках храбрость и осторожность. Он непременно убьет это дикое существо, но потом, когда при чернокожем не будет его лука и отравленных стрел.

Покончив с едой, Кулонга взвалил на плечи солидную часть туши, а то, что не смог унести, оставил на месте охоты. Вскоре он исчез за ближайшим поворотом тропы, и тогда Тарзан спустился на землю. Он отрезал несколько кусков мяса от туши, но жарить не стал.

Тарзан видел огонь и раньше, когда Ара, то-есть молния, ударяла в дерево во время грозы. Но каким образом негр мог добывать красно-желтые острые клыки, пожирающие деревья и ничего не оставляющие после себя, кроме тонкой черной пыли? И для чего враг Тарзана испортил свое восхитительное кушанье, отдав его в зубы огню? Может, Ара была союзницей стрелка, и он делил с нею добытую пищу?

Размышляя над этим, лорд Грейсток прикончил солидную порцию сырого мяса, вытер окровавленные пальцы о траву и снова отправился по следам Кулонги.

А в это же самое время в далеком Лондоне другой лорд Грейсток, младший брат Тарзана, велел отослать обратно клубному повару поданные ему котлеты, заявив, что они недожарены. А потом, окончив

обед, окунул пальцы в серебряный сосуд, наполненный душистой водой, и вытер их куском белоснежного камчатного полотна...

Тарзан упорно преследовал Кулонгу, бесшумно двигаясь над ним по веткам, словно злой дух лесов. Еще два раза он видел, как негр пускал свои стрелы: один раз в Данго, гиену, в другой раз в мартышку Ману. В обоих случаях животные умирали почти мгновенно. Яд Кулонги, очевидно, был свеж и очень силен.

Тарзан размышлял об этом странном способе убийства, раскачиваясь на ветвях на высоте сорока футов над землей. Он понимал, что маленький укол стрелы не мог сам по себе так быстро убивать диких обитателей джунглей. Лесные твари нередко выходили из сражений друг с другом истерзанными самым страшным образом — и все-таки выживали.

Нет, в этих маленьких деревянных щепочках крылось что-то таинственное. Недаром одной царапиной они причиняли смерть! Тарзан обязательно должен был выяснить, в чем тут дело.

И когда на следующий день Кулонга опять покинул поселок, чтобы отправиться в кишачие дичью джунгли, на дереве его уже поджидал Тарзан.

Кулонга охотился долго, но на этот раз удача отвернулась от него, и наконец он решил заночевать в лесу. Забившись в самые густые и непроходимые колючие кусты, он уснул, а после пробуждения увидел, что его копье, лук и стрелы бесследно исчезли.

Черного воина охватил панический страх. Он был безоружен! Правда, у него оставался еще нож, но теперь негр и не помышлял об охоте. Его единственным желанием было как можно скорее добраться до селения Мбонги.

Быстрой рысью Кулонга пустился по тропе, ведущей к родному поселку.

А на расстоянии нескольких ярдов от него, перепрыгивая с ветки на ветку, бесшумно неся мститель за убитую Калу.

Лук и стрелы Кулонги теперь покоились на вершине гигантского дерева, крепко-накрепко привязанные к развилке. У подножия этого дерева Тарзан срезал острым ножом полоску коры со ствола, а повыше надломил ветку. Такими отметками он всегда обозначал места, где оставлял какие-либо запасы.

Кулонга продолжал путешествие, больше похожее на бегство, а Тарзан направлял свой полет по ветвям все ниже и ниже, пока наконец не оказался почти над головой чернокожего. Теперь он держал наготове сложенную кольцами веревку.

И вот лес кончился, впереди показались возделанные поля.

Надо было действовать быстро, иначе добыча могла ускользнуть!

И едва Кулонга радостно крикнул, приветствуя спасение, тонкие извилистые круги веревки полетели на него с нижней ветки могучего дерева у самой окраины полей Мбонги. Сын вождя больше не издал ни звука — прочная петля сдавила ему шею, не позволив издать вопль испуга.

Тарзан, обезьяний приемщик, быстро выбирая веревку, тянул отчаянно упиравшегося чернокожего, как когда-то тянул львицу Сабор. Кулонга оказался куда слабее львицы.

Тарзан легко втопил свою извивающуюся хрипящую жертву под густой полог листвы и всадил охотничий нож в самое сердце негра. Кала была отомщена.

Дикий торжествующий рев заставил задрожать всех обитателей поселка, и далеко в джунглях на этот пронзительный крик откликнулись обезьяны племени Керчака.

Утолив терзавшую его жажду мести, Тарзан тщательно осмотрел труп чернокожего, висящий перед ним в развилке дерева на высоте десяти футов над землей.

Прежде всего его внимание привлек нож — Тарзан немедленно забрал его себе. Медный обруч тоже понравился ему, и он надел его на ногу. Затем он рассмотрел татуировку на груди и на лбу дикаря, любовался на его остро отточенные зубы, осмотрел и забрал

головной убор из перьев. После чего Тарзан задумался, не съесть ли ему убитую жертву?

Будь перед ним не Кулонга, а вепрь Хорта или олень Бара, приемьш Калы не колебался бы ни минуты. Но законы обезьяньего народа запрещают пожирать сородичей, и теперь Тарзан пытался решить, принадлежит ли этот чернокожий к ему подобным?

Обезьяны не едят обезьян, люди не едят людей... Тарзан долго сидел в нерешительности: разрисованный негр не был похож ни на обезьяну, ни на человека — такого, каким был он сам... И все-таки инстинкт, выработавшийся на протяжении многих поколений, уберег питомца джунглей от нарушения того правила этики цивилизованных людей, о существовании которого он не знал.

Он быстро снял петлю с тела Кулонги и сбросил труп на землю.

Х. Тени страха

Удобно устроившись в высокой развилке, Тарзан в который раз рассматривал тростниковые хижины селения, за которыми тянулись возделанные поля. Он уже не раз наблюдал за странными животными, обитающими в этих логовищах.

Жизнь среди свирепых тварей леса невольно заставляла его видеть в чернокожих существах врагов; теперь, когда один из них убил его приемную мать, Тарзан ненавидел их всей душой. И его ненависть вовсе не уменьшилась со смертью Кулонги.

Человек-обезьяна отнюдь не страдал сентиментальностью и ничего не знал о братстве людей. Все не принадлежавшие к его племени были потенциальными врагами — или хищниками, или добычей. Умерщвление — вот закон дикого мира, в котором он вырос. В этом мире постоянно кто-то охотился, кто-то спасался бегством.

Но такая жизнь не сделала Тарзана ни угрюмым, ни кровожадным. Чаще всего он убивал, чтобы добыть пищу — вожделенное мясо. Или чтобы получить теплую шкуру для одежды (что, впрочем, пока ему не удалось). Или из самозащиты.

Сегодня же Тарзан впервые убил из мести — и не чувствовал по этому поводу никаких угрызений совести.

Пронаблюдав какое-то время за поселком Мбонги, он спустился на землю и стал осторожно подкрадываться к хижинам. Он двигался совершенно бесшумно, как на охоте, не желая стать мишенью для острых деревянных палочек, несущих смерть.

Наконец, преодолев открытое пространство, Тарзан добрался до большого дерева, с ветвей которого свисали плети лиан. Он вскарабкался на ветку, распростертую горизонтально над землей, притаился в густой листве и засмотрелся на диковинную жизнь внизу. Впервые он осмелился подойти к поселку чернокожих так близко!

Прямо под ним резвились голые ребяташки. Женщины мололи сушеное просо в грубых каменных ступах и пекли из муки лепешки.

Вдали, на полях, негритянки мотыжили землю, пололи и жали. Юбочки из травы прикрывали их бедра, почти у всех на руках и ногах поблескивали медные и латунные кольца. На груди у некоторых висели круги проволоки. Вдобавок у многих в носы были продеты огромные кольца.

Приемыш обезьяны с интересом смотрел на этих странных созданий.

Он видел также мужчин, которые беспечно дремали в тени. А на самом краю открытой поляны Тарзан заметил вооруженных воинов. Они, очевидно, выполняли обязанности дозорных — на случай неожиданного нападения врагов.

Странно, что у этих чернокожих почему-то трудились одни только женщины. Никто из мужчин не работал, если, конечно, не считать работой расхаживание туда-сюда с копьем в руке.

Внимание Тарзана привлекла старуха, сидевшая прямо под его деревом.

Перед ней над маленьким костерком висел небольшой котелок, в котором кипела густая красноватая смолистая масса. Рядом лежала груда оперенных деревянных стрел. Женщина брала их одну за другой, обмакивала острия в дымящуюся массу и складывала на узкие козлы из веток, стоявшие по другую сторону костра.

Тарзан наблюдал за этой процедурой с жадным интересом. Перед ним раскрывалась тайна разрушительной силы маленьких метательных снарядов Стрелка! Было ясно, что женщина старается даже случайно не коснуться кипящего в котле варева; один раз, когда крошечная капля варева брызнула ей на палец, она немедленно окунула его в сосуд с водой и быстро вытерла пучком листьев.

Тарзан не имел ни малейшего понятия о ядах, но его острый ум подсказал ему, что убивает именно это вещество, булькающее в котелке, после того как попадает в тело жертвы на кончике маленькой стрелы.

И ему страстно захотелось получить хотя бы несколько таких смертоносных палочек! Если бы женщина на минуту оставила свою работу, он бы мигом спустился на землю, схватил пучок стрел и снова вернулся на дерево прежде, чем чернокожие успели поднять тревогу. Он уже обдумывал, чем отвлечь внимание старухи, как вдруг дикий крик донесся со стороны джунглей. Под деревом, на том месте, где был умерщвлен убийца Калы, стоял черный воин, кричал и размахивал копьем. Он наткнулся на труп Кулонги!

Весь поселок мгновенно оказался на ногах. Вооруженные люди выбегали из хижин и мчались сломя голову через поля к вопящему часовому. За мужчинами устремились женщины, дети, старухи — в мгновение ока селение опустело.

Тарзан понял, что это самый подходящий момент для воровства. В деревне не осталось никого, кто мог бы помешать ему стащить разложенные для просушки стрелы. Быстро и бесшумно спустился он на землю и с минуту стоял неподвижно, с интересом осматриваясь по сторонам. Взгляд его остановился на открытой двери ближайшей хижины. Жгучее любопытство повлекло Тарзана ко входу в эту невиданную берлогу. Он крадучись подошел, постоял у входа, чутко прислушиваясь... Ни звука! Тогда он скользнул в полумрак жилища черного человека.

По стенам висело оружие — длинные копья, странного вида ножи и узкие щиты. Посреди хижины стоял котел, а у дальней стены лежала подстилка из сухих трав, покрытая плетеными циновками, очевидно, служившими владельцам постелью и одеялом. На полу валялось несколько человеческих черепов.

Тарзан быстро ощупал и обнюхал все заинтересовавшие его предметы, ведь он «видел» ноздрями не хуже, чем глазами. Сперва он решил было взять одно из длинных острых копий, но потом отбросил его ради колчанов с стрелами — их ему непременно хотелось унести. Повесив на спину три колчана, не забыв прихватить лук, он нагромоздил посередине комнаты множество вещей, а поверх водрузил перевернутый котелок, на который поставил один из черепов, украшенный головным убором из перьев.

Затем приемыш обезьяны отошел в сторону, любуясь на свое произведение, и весело ухмыльнулся. Тарзан умел не только убивать, но и шутить!

И тут он услышал снаружи множество голосов вперемешку с жалобным воем. Пора было уходить!

Быстро выскочив из дверей, человек-обезьяна на прощание опрокинул котелок с отравленным варевом и молниеносно исчез в древесной листве как раз в тот момент, когда первый дикарь появился в воротах поселка. Покачиваясь на ветке, он наблюдал за траурным шествием.

Впереди четверо туземцев несли мертвое тело Кулонги. За ними следовали женщины, испускавшие страшные вопли, прерываемые громкими причитаниями. Но крики грянули в десять раз громче, когда люди вошли в хижину Кулонги — ту самую, на которую Тарзан совершил свой набег. Переступившие порог туземцы почти тотчас в диком смятении выскочили обратно, визжа и вопя. Их сразу окружила взволнованная толпа. Все яростно жестикулировали и голосили, а потом несколько воинов с опаской заглянули в жилище сына вождя.

Наконец старик, обвешанный металлическими украшениями, с ожерельем из сухих человеческих рук на груди, решился войти внутрь. То был великий вождь Мбонга, отец убитого Кулонги.

В течение нескольких минут оставшиеся снаружи чернокожие напряженно молчали. Но вот Мбонга выскочил из хижины с перекошенным от гнева и страха лицом — и крики зазвучали с новой силой. Вождь что-то повелительно бросил своим воинам, и те бросились обыскивать каждую хижину и каждый уголок поселка.

Вскоре была обнаружен опрокинутый котелок, в котором варился яд для стрел. Правда, это ничего не прояснило в загадочном и страшном происшествии. Взволнованная толпа окружила своего вождя, который тоже пребывал в полном недоумении.

Мбонга никак не мог объяснить все эти ужасные и таинственные события: странную смерть сына, зарезанного и обобранного чуть ли не на пороге отцовского дома, груды вещей, увенчанную черепом,

оказавшуюся в хижине Кулонги... Все это наполнило сердце вождя и его подданных таким суеверным страхом, что они боялись даже кричать.

Столпившись кучками, чернокожие вполголоса переговаривались, испуганно вращая вытаращенными глазами.

Тарзан все это время насмешливо наблюдал за ними со своей ветки, радуясь тому, какой переполох он устроил в поселке врагов.

Но солнце уже стояло высоко, и он сильно проголодался. Пожалуй, пора вернуться к тому месту, где он предусмотрительно запрятал остатки туши вепря Хорты...

И Тарзан повернулся спиной к поселку Мбонги и исчез в чаще леса, унося свои драгоценные трофеи.

XI. Обезьяний царь

Еще засветло Тарзан добрался до своего племени.

Нагруженный трофеями, он спрыгнул с дерева и принялся рассказывать о своих славных приключениях, похваляясь богатой добычей. В племени Керчака не было рассказчиков, равных Тарзану, и все обезьяны тесным кольцом окружили приемыша Калы.

Только Керчак, ворча, пошел прочь. Этот безволосый хвостун с каждым годом становился все несноснее! Эдак, чего доброго, он скоро осмелится посягнуть на его верховную власть!

А Тарзан вдруг прервал описание своих подвигов на полуслове и, сникший и помрачневший, поплелся в чащу. Среди горилл больше не было Калы, так гордившийся его рассказами, и человек-обезьяна испытывал нестерпимое чувство одиночества, никогда еще не мучившее его с такой силой.

На следующее утро с первыми лучами зари он принялся упражняться в стрельбе из лука. Сначала у Тарзана ничего не получалось, но постепенно дело пошло на лад.

С каждым днем стрелы ложились все ближе и ближе к цели, и через пару месяцев Тарзан был уже вполне сносным стрелком. Однако в результате упорных тренировок он извел почти весь запас стрел.

Племя Керчака продолжало кочевать вдоль берега моря, так как здесь всегда было вдоволь съедобных плодов, и человек-обезьяна чередовал упражнения в стрельбе с чтением имевшихся в отцовской хижине книг.

Он уже давно нашел запрятанную в глубине одного из ящиков шкафа металлическую шкатулку, но только сейчас сумел ее открыть. Внутри он обнаружил поблекшую фотографию гладко выбритого молодого человека, усыпанный бриллиантами золотой медальон на короткой золотой цепочке, несколько писем и маленькую книжку.

Тарзан все это внимательно рассмотрел, хотя, конечно, ему и в голову не пришло, что улыбающийся на фотографии молодой человек

— его отец.

Медальон приемыш обезьяны немедленно повесил на шею в подражание украшениям, которые он видел у черных людей.

Но содержания писем он так и не смог разобрать и положил их назад в шкатулку вместе с фотографией и книжкой, исписанной тонким почерком.

Если бы только Тарзан знал, что эта маленькая книжка в крепком переплете из тюленьей кожи заключала в себе ключ к его происхождению и ответ на многие мучившие его вопросы! То был дневник Джона Клейтона, лорда Грейстока, написанный по-французски.

Тарзан убрал шкатулку обратно в шкаф, но с той поры уже не забывал милого и мужественного лица, улыбавшегося с листка пожелтевшего картона.

Тем временем запас стрел у него полностью иссяк, и он решил наведаться в поселок Мбонги, чтобы раздобыть новые смертоносные палочки.

Обезьяний приемыш влез на то же большое дерево, что и в прошлый раз, и опять его глазам предстали сценки жизни чернокожих дикарей, а прямо под ним, как и два месяца назад, бурлил котелок с ядом.

Несколько часов Тарзан провел на ветке, терпеливо выжидая удобного момента для кражи, но сегодня не случилось ничего такого, что могло бы отвлечь жителей поселка. Внизу все время было полно народу, и оставалось только ждать.

День уже угасал, а Тарзан все еще лежал над головой ничего не подозревающей женщины, которая хлопотала у котла.

С полей потянулись работницы. Охотники один за другим возвращались из джунглей, и когда они вошли в палисад, ворота за ними накрепко заперли. По всей деревне зажигались костры, над огнями повисли вкусно пахнущие котелки. Почти перед каждой хижинкой женщины варили похлебку или пекли на углях лепешки из маниоки и проса.

Неожиданно послышался громкий крик.

Отряд запоздавших охотников спешил из леса к деревне, волоча за собой какое-то упирающееся животное.

Ворота распахнулись, чтобы впустить воинов, и при виде добычи, которую они притащили, весь чернокожий народ вождя Мбонги испустил неистовый крик радости: дичь оказалась человеком.

Когда пленника поволокли по улице, женщины и дети стали бросать в него камнями, и Тарзан, обезьяний приемщик, выросший в диких джунглях, удивлялся бесцельной жестокости существ схожей с ним породы.

Из всех обитателей джунглей один только леопард Шита мучил свою жертву, прежде чем съесть; законы всех других хищных тварей предписывали убивать быстро и милосердно.

Из своих книг человек-обезьяна извлек отрывочные и скудные сведения об образе жизни человеческих существ, живущих в огромных домах или плавающих по морю на штуках, которые называются к-о-р-а-б-л-я-м-и.

«С „К“ начинается Корабль!»

Поэтому он был жестоко разочарован жалким тростниковым поселком, который появился в его родных джунглях — все жилища там были куда меньше его собственной хижины на далеком берегу.

Тарзан давно убедился, что населяющий эту деревню народ куда злее, чем самая свирепая обезьяна, и все-таки сейчас с удивлением смотрел на сцену, разыгрывающуюся внизу.

Чернокожие притащили визжащую и орущую добычу, с виду точь-в-точь похожую на любого негра из их поселка, на середину деревни и привязали к большому столбу. Потом все воины, потрясая копьями и ножами, начали с воем и криками плясать и прыгать вокруг пленника.

Внешний круг образовали женщины: они били в барабаны и тоже выли.

Это сразу напомнило Тарзану танец Дум-Дум, но он и представить себе не мог, что последует дальше.

А кольцо вокруг пленника сужалось все больше и больше под умопомрачительный грохот барабанов. Вдруг мелькнуло копье и укололо жертву... Это послужило сигналом для взмаха пятидесяти других копий.

Каждый дюйм тела пленника стал мишенью для жестоких ударов, а дети и женщины визжали и выли от восторга. Все облизывали толстые губы в предвкушении ожидавшего их угощения, но не спешили прикончить несчастную жертву...

И тогда Тарзан решил, что удобное время настало. Все были слишком заняты тем, что происходило у столба; что же касается его, он был сыт по горло гнусным зрелищем! Дневной свет сменился темнотой безлунной ночи, и только горящие костры освещали дикую сцену пыток.

Человек-обезьяна спрыгнул на мягкую землю в конце деревенской улицы. Он быстро собрал стрелы, связал в пучок и уже хотел вернуться в джунгли, как вдруг какой-то озорной бесенок шевельнулся в его душе.

Ему захотелось устроить каверзу этим отвратительным созданиями, поглощенным мучением себе подобного существа.

Положив связку стрел у подножия дерева, Тарзан стал пробираться по затененной стороне улицы, пока не дошел до той самой хижины, в которой он уже однажды побывал.

Внутри царил полная тьма, и все-таки он нашел предмет, который искал...

Но выйти не успел. Его чуткие уши уловили совсем рядом звук приближающихся шагов, и вход заслонила женская фигура.

Тарзан отступил к дальней стене, сжимая рукоять ножа.

Женщина что-то искала по всем углам и наконец подошла так близко, что обезьяна-человек почувствовал тепло ее голого тела. Он

замахнулся ножом, но тут спокойное гортанное восклицание возвестило о том, что поиски увенчались успехом.

Негритянка быстро вышла, унося горшок для варки пищи.

Тарзан двинулся за ней, выглянул наружу и увидел, что все женщины спешат к центру поселка с горшками и котелками. Пытка кончилась, теперь намечался пир.

Выбрав удобную минуту, Тарзан выскользнул из хижины, подхватил связку стрел и взобрался на дерево — как и в прошлый раз, опрокинув по пути котелок.

Он устроился в высокой развилке, откуда сквозь просветы в листве мог наблюдать за тем, что происходит в поселке.

Женщины рубили истерзанное тело пленника на куски и раскладывали их по горшкам. Мужчины стояли кругом, отдыхая от разгульного танца. В деревне воцарилось сравнительное спокойствие.

Тогда Тарзан высоко поднял предмет, который прихватил в хижине, и с меткостью, достигнутой годами упражнений в швырянии плодов и кокосовых орехов, бросил его в группу дикарей.

Предмет упал среди них, ударив одного из воинов по голове. Затем покатился по земле и остановился у изрубленного тела, которое дикари разделявали для пиршества.

Оцепенев, все в ужасе смотрели на человеческий череп, который свалился как будто прямо с неба и теперь весело скалил зубы.

Очередное злое чудо произвело на чернокожих людоедов такое впечатление, какое не произвел бы и удар молнии с безоблачных небес. С перепуганным воем все бросились наутек и забились в хижины.

До утра никто не смел высунуть носа наружу, а на рассвете, когда обнаружился перевернутый котел и очередная пропажа стрел, в бедном мозгу каннибалов зародилась мысль, что они оскорбили какого-то могущественного бога, живущего в здешних джунглях. Наверняка он мстит за то, что они построили в его владениях поселок, не подумав умилостивить лесное божество богатыми дарами!

С той поры народ Мбонги стал ежедневно оставлять пищу под большим деревом, откуда исчезли стрелы, и просить Могучего Лесного Духа о жалости и снисхождении.

А «Могучий Дух» в ту ночь заночевал в джунглях недалеко от поселка и на рассвете двинулся в обратный путь. Он был страшно голоден, а ему, как назло, попадались только ягоды да мелкие орехи...

Увлеченный поисками пищи, Тарзан забыл об обычной осторожности, как вдруг внутренний голос заставил его вскинуть голову — на тропе менее чем в двадцати шагах от него стояла львица Сабор.

Большие зеленые глаза дикой кошки были устремлены на зазевавшуюся безволосую обезьяну; Сабор уже подобралась для прыжка, оскалив острые зубы...

Но Тарзан и не думал бежать. Наконец-то ему представился случай, о котором он мечтал столько лет!

Он быстро скинул висящий на плече лук и наложил на тетиву отравленную стрелу. И когда львица прыгнула, маленькая острая палочка встретила ее на полпути, а Тарзан мгновенно отскочил в сторону.

Это был свежий, очень сильный яд — громадная кошка, перевернувшись в воздухе, упала на землю у ног человека. С яростным рыком Сабор попыталась ударить противника лапами, но вторая стрела угодила ей в морду, и вскоре огромное желтое тело перестало содрогаться в конвульсиях, вытянулось и безжизненно замерло.

Тогда Тарзан поставил ногу на бок львицы и, запрокинув голову, проревел страшный победный клич обезьяньего племени. Все обитатели джунглей отозвались на этот дикий крик — кто щебетом, кто рыком, кто лопотаньем...

Лорд Грейсток, приемыш обезьяны, убил свою первую львицу.

А в Лондоне в это время другой лорд Грейсток держал речь в палате лордов, доказывая обоснованность своих тезисов негромким бархатистым баритоном.

Мясо Сабор оказалось неважной пищей, но голод — лучшая приправа, и вскоре человек-обезьяна наевшись доотвала, захотел отдохнуть. Однако прежде всего он должен был снять с добычи шкуру — великолепную мягкую шкуру, которая послужит ему одеждой!

Тарзан давно набил руку, свежая мелких животных, и вскоре его трофеей уже висел на нижней ветке дерева. Затем, устроившись на развилке пятью футами выше, юноша крепко уснул.

Он проспал до следующего дня и, взглянув вниз, увидел, что от туши львицы остались лишь начисто обглоданные кости.

Но победителю Сабор в последнее время везло: после недолгой охоты он сразил отравленной стрелой молодого окапи и попировал еще лучше, чем вчера.

После этого, взвалив на плечо свернутую шкуру, Тарзан поспешил туда, где кормилось его племя, и с гордостью продемонстрировал всем свою удивительную добычу.

— Обезьяны Керчака, — крикнул он, — смотрите! Вы видите, что совершил Тарзан, могучий убийца! Разве кто-нибудь из нашего народа когда-нибудь убил хоть одну самку из племени Нумы? Тарзан сильнее всех в джунглях! Он храбрее и умнее всех вас!..

Обезьяны удивленно и опасливо трогали львиную шкуру — и вдруг хвастливая речь Тарзана была прервана самым бесцеремонным образом.

Керчак уже давно кипел от бешенства, слушая выкрики приемыша Калы. Он усматривал в них вызов, который эта наглая безволосая обезьяна осмеливалась бросать ему, непобедимому вождю! Наконец ярость старого самца достигла предела, и он впал в неистовство, как во время танца Дум-Дум.

С оглушительным ревом огромный антропоид обрушился на толпу, окружившую Тарзана. Кусаясь и раздавая удары направо и налево, Керчак заставил всех обезьян разбежаться и искать спасения на деревьях.

Но Тарзан и не подумал бежать, он спокойно повернулся к брызжущему слюной вожаку. И такая твердость была в его взгляде, что громадный самец остановился и стал бить себя кулаками в грудь, распаляясь для битвы.

— Сразись со мной, великий убийца! — проревел Керчак. — Докажи, что ты могучий охотник! Нет, ты просто жалкий трус и бахвал! Безволосый и отвратительный, как змея Хиста!

И горилла испустила боевой клич, от которого посыпались листья с деревьев.

Едва отзвучало эхо, разбуженное в джунглях страшным воплем, старый самец бросился на противника.

У Керчака были короткие ноги, но все-таки он достигал почти семи футов в высоту. То была огромная глыба стальных мускулов, увенчанная небольшой круглой головой — сгусток ярости и первобытной мощи. Рядом с этим чудовищем Тарзан казался совсем маленьким и хрупким.

Но человек не отступил перед бешеным натиском исполинского зверя.

Лук и стрелы Тарзана лежали в стороне под деревом, и он встретил атаку вожака обезьян, вооруженный лишь охотничьим ножом и своим человеческим разумом.

В тот миг, когда волосатое тело гориллы должно было столкнуться с обнаженным загорелым телом юноши, приемыш Калы отскочил в сторону и вонзил длинный нож в тело промелькнувшей мимо обезьяны.

Разумеется, этого удара было недостаточно, чтобы убить такое могучее животное, как Керчак — и горилла и человек сцепились в смертельной схватке, за которой с ужасом и любопытством наблюдали все обезьяны с ветвей ближайших деревьев.

Свирепый самец пытался дотянуться громадными клыками до горла Тарзана, но мускулистые пальцы молодого лорда крепко сжимали шею Керчака, не давая оскаленным зубам приблизиться к вождьенной

цели. Эта невероятная битва длилась несколько минут, в течение которых кровь хлестала из раны на теле гориллы. И наконец по грузному телу Керчака пробежала судорога, он захрипел и безжизненно обмяк, навалившись на своего противника.

Вождь обезьяньего племени был мертв.

Тарзан вскочил, поднял окровавленный нож, который потерял во время рукопашной схватки, и поставил ногу на шею побежденного врага.

Джунгли, только что в ужасе услышавшие боевой клич Керчака, теперь вздрогнули снова от победного крика приемьша Калы.

Так молодой лорд Грейсток победил самую сильную гориллу в этих лесах и занял ее место, сделавшись предводителем обезьян.

ХII. Человеческий ум

Теперь все гориллы относились к Тарзану с опасливым уважением, но все же среди его подданных был один самец, который осмеливался вставать ему поперек дороги.

Это был Теркоз, сын Тублата.

Теркоз так же боялся острого ножа и смертоносных стрел нового властелина горилл, как и остальные обезьяны, но постоянно выражал свое недовольство мелочным непослушанием и коварными проделками исподтишка. Было ясно, что он только выжидает подходящего случая, чтобы открыто напасть на ненавистного повелителя.

И все же долгие месяцы жизнь обезьяньего племени текла спокойно и ровно. Благодаря оружию и охотничьей ловкости Тарзана его стае больше не приходилось голодать, у горилл всегда было вдоволь не только плодов, но и мяса. Самки рожали здоровых сильных детенышей, и все чувствовали себя в большей безопасности, чем когда-либо — никто в джунглях не смел посягнуть даже на самую слабую обезьяну народа, предводителем которого был могучий Тарзан.

По ночам человек-обезьяна водил свое племя в набеги на поля чернокожих людей. Здесь гориллы наедались досыта, но никогда не уничтожали того, что не могли съесть, как это делают легкомысленные мартышки.

Поэтому, хотя дикари и досадовали на ущерб, нанесенный их полям, они ни разу не пытались ставить ловушки на больших антропоидов. И под деревом Могучего Духа Лесов по-прежнему появлялись дары, приносимые неграми в дар зловещему божееству джунглей. Никто из чернокожих, конечно, и подумать не мог, что именно это божеество приводит по ночам горилл на их плантации ямса.

Иногда Тарзан посещал поселок и для своих личных целей, чтобы пополнить запас стрел. Скоро он заметил, что негры постоянно оставляют под деревом пищу, и с удовольствием съедал разнообразные

приношения. Так он познакомился со вкусом лепешек и жареного мяса, которое вскоре полюбил не меньше сырого.

Когда дикари убедились, что принесенная к Священному Дереву еда регулярно исчезает, они пришли в еще больший ужас. Ни одно из их прежних божеств не забирало оставляемых ему приношений! А этот прожорливый дух явно отличался хорошим аппетитом, к тому же то и дело воровал из поселка стрелы, копья и луки.

Странные повадки здешнего бога довели чернокожих до такого взвинченного состояния, что Мбонга и старейшины стали поговаривать о том, как бы им оставить эти места и обосноваться где-нибудь подальше к югу, куда еще ни разу не забредали даже самые смелые охотники их племени.

Разведчики, посланные вождем, забирались все дальше и дальше на юг, вторгаясь на исконную территорию народа Тарзана.

Появление этих незваных пришельцев очень беспокоило обезьян, не забывших таинственную смерть Калы. Под сводами девственного леса все чаще стали раздаваться человеческие голоса, не похожие на привычные голоса зверей и птиц. Одно дело — совершать набеги на людские поля, но совсем другое дело, когда сами люди нарушают границы стародавних мест отдыха и кормежки горилл, их поляны и тропы, от которых даже слоны стараются держаться подальше...

Человек издавна является самым беспощадным и страшным врагом звериного племени. При появлении людей многие из животных инстинктивно покидают родные места и уходят, чтобы никогда не возвращаться; так же в конце концов поступили и большие антропоиды. Как ни жаль им было покидать насиженные места, они бежали от человека, и даже Тарзан не смог удержать их от такого решения.

Некоторое время обезьянья стая еще держалась вблизи бухты, потому что Тарзан и думать не хотел о том, чтобы навсегда оставить маленькую хижину на берегу океана, ставшую ему таким же родным домом, как джунгли.

Но однажды чернокожие добрались и сюда, разбив лагерь на берегу речки, впадающей в океан, и после этого никакие силы не могли бы заставить обезьян тут остаться. Тарзан увел свой народ далеко на запад, в глубину джунглей, в земли, еще не оскверненные ногами человеческих существ.

Но раз в месяц, быстро перепрыгивая с ветки на ветку, обезьяний вождь мчался в свою хижину, чтобы провести день-другой над книгами, а также проверить, все ли его сокровища целы.

Он был оскорблен не меньше обезьян нарушением границ их территории и никогда не упускал случая покарать чернокожих нарушителей, явившихся непрошеными на эту землю. Могучий Дух джунглей часто ловил самых сильных охотников длинными веревками с петлей на конце, и, обобрав трупы, бросал их ночью посреди поселка.

Все это до того напугало чернокожих, что если бы не долгие передышки между визитами Тарзана в хижину, они уже давно покинули бы свою деревню.

Но кроме дикарей еще кое-кому не нравилось, что Тарзан то и дело навевается в дом на берегу океана. Во время отсутствия вожака в стае горилл часто вспыхивали ссоры и распри, не говоря уж о том, что на новом месте обезьянам приходилось часто сталкиваться со свирепыми хищниками, еще не научившимися уважать их вождя.

Обычно обязанности властителя антропоидов не трудны и немногочисленны. Например, один самец сцепится с другим из-за того, что тот украл у него жену. Тогда дело вожака разнять драку и уладить дело так, чтобы все остались довольны.

Обезьяны считают непреложным любое решение вождя и, удовлетворенные, возвращаются к своим занятиям.

Или прибежит с криком молодая самка, прижав руку к боку, из которого хлещет кровь. Она жалуется, что на нее напала подруга и жестоко укусила. А подруга в ответ кричит, что она это сделала защищаясь, потому что терпеть не может, когда во время игры ее царапают и дергают за шерсть!

И Тарзан бранит обоих горилл, грозя им ужасными карами, если они не будут осторожней и не научатся пускать в ход клыки только против врагов обезьяньего племени!

Так и идет день за днем спокойная жизнь горилл, если это однообразие не нарушает нападение какого-нибудь крупного хищника — например, львицы Сабор.

Тарзана вскоре начинали тяготить вереницы похожих друг на друга дней, и, забывая о своих обязанностях вожака, он устремлялся к морю, озаренному ласковым солнцем, и к нескончаемым чудесам книг.

Обезьянам были чужды те странные и чудесные грезы, которые мелькали в деятельном мозгу их вождя. Их язык был так беден, что Тарзан даже не мог поговорить с ними о новых истинах и о широких горизонтах мысли, которые чтение открывало перед его пытливым умом.

У него уже давно не осталось друзей и товарищей среди горилл.

Будь жива Кала, Тарзан старался бы подольше оставаться рядом с ней. Но ее не было, а резвые друзья его детства превратились в свирепых и грубых животных, поэтому его куда больше привлекало спокойное одиночество хижины, чем докучливые обязанности вождя стаи диких зверей.

Надо сказать, что один из самцов этой стаи очень обрадовался бы, если б Тарзан вообще не вернулся из своей очередной отлучки. Но вожак неизменно возвращался, и каждый раз Теркоз, сын Тублата, разочарованно морщил лоб.

Тарзан давно мечтал сломить этого злобного строптивого зверя, не прибегая к ножу или стрелам. Он часто задумывался: под силу ли ему победить грозного Теркоза в рукопашной схватке? Если бы не огромные клыки, дававшие такое превосходство антропоиду перед плохо вооруженным в этом отношении человеком!

Но однажды обстоятельства сложились таким образом, что сомнения Тарзана разрешились сами собой и он смог спокойно оставить пост вождя племени, не запятнав при этом своей чести.

Случилось это так.

Обезьяны занимались поисками пищи, когда пронзительный крик заставил их побросать все дела. Тарзан, ловивший рыбу в ручье неподалеку, вместе со своими подданными бросился на жалобный вопль и увидел Теркоза, злобно лупившего молоденькую самку, еще подростка.

Вожак в два прыжка оказался рядом и отвесил самцу могучего тумака. Законы обезьяньего племени запрещали обижать детей и самок, и все гориллы встретили поступок своего вожака одобрительным лопотанием.

Теркоз понимал не хуже других, что его поступок заслуживает наказания, но, видя, что у Тарзана на этот раз нет при себе ни лука, ни копья, ни ножа, с kloкочущим рычанием свирепый самец кинулся на стародавнего врага.

С того давно минувшего дня, когда горная горилла Болгани так страшно его истерзала, Тарзану не приходилось выдерживать такого ужасного боя.

Схватка продолжалась несколько бесконечных минут, во время которых противники катались на земле, колотя и кусая друг друга — два больших свирепых зверя, бьющихся не на жизнь, насмерть.

Теркоз и Тарзан были жестоко изранены, но не прекращали драки. И наконец юноша, изловчившись, применил прием, который мог бы вызвать восхищение любого борца-профессионала. Его рука оказалась пропущенной сзади под рукой гориллы, а предплечье и кисть обвилились вокруг мощной шеи антропоида. Это был классический полунельсон, случайно примененный в пылу битвы несведущим в борьбе человеком-обезьяной. Но его божественный разум мгновенно подсказал ему, что от этого приема зависит сейчас его жизнь.

Тарзан постарался добиться такого же положения для своей левой руки, и мгновенье спустя бычья шея Теркоза затрещала под целым нельсоном. И вот уже голова Теркоза пригибается все ближе и ближе к груди, а попытки обезьяны вырваться становятся все слабее и...

Тарзан понял, что еще мгновение — и он сломает противнику шею. Но, на счастье сына Тублата, азарт боя слегка поостыл в жожаке, уступив место способности к здоровым рассуждениям.

— «Если я его убью, — подумал Тарзан, — какая мне от этого будет польза? Племя лишится могучего бойца, вот и все. К тому же живой Теркоз сможет послужить хорошим примером для других обезьян!»

— Ка-го-да? — прошипел он в ухо обезьяны, что в вольном переводе с языка горилл значит: «Сдаешься?».

Ответа не последовало, и победитель усилил нажим на шею зверя, вырвав у того ужасающий крик боли.

— Ка-го-да? — повторил Тарзан.

— Ка-го-да! — пронзительно взвыл Теркоз.

Тарзан разжал руки и вскочил.

— Я, Тарзан, верховный вождь обезьян, могучий охотник, великий боец! — торжествующе крикнул он. — Во всех джунглях никто не может тягаться со мной в храбрости и силе! Теркоз сказал: «Ка-го-да». Вы все это слышали! Я дарю ему жизнь, но если он снова будет обижать соплеменников и ссориться со мной, я сверну ему шею! Ты понял, Теркоз?

— Ху, — подтвердил огромный самец.

— Хорошо понял?

— Ху, — повторила обезьяна.

Теркоз с трудом поднялся с земли, и все гориллы снова занялись своими делами, как будто ничто не произошло.

Но с тех пор в сознании обезьян еще глубже укоренилось убеждение, что Тарзан — самый могучий боец и самое странное создание в джунглях. Вместо того, чтобы убить поверженного врага, он его отпустил — кто еще из самцов был способен проделать такое?

На закате дня, когда вся стая стала устраиваться на ночлег, Тарзан повелительным криком подозвал к себе обезьян.

— Вы убедились сегодня, что Тарзан — самый великий среди вас, — сказал он.

— Ху, — ответили все в один голос, — Тарзан — самый великий.

— Но теперь, — продолжал юноша, — вы должны избрать себе нового вождя. Тарзан возвращается в свое логово на берегу океана и больше не будет вашим вожаком!

И, вскинув на плечо лук, повесив за спину колчан со стрелами, молодой лорд Грейсток покинул народ, среди которого вырос, направившись к океану, навстречу своей человеческой судьбе.

ХIII. Его народ

Через два дня Тарзан добрался до хижины.

Пару дней он почти не выходил, дожидаясь, пока заживут раны, нанесенные ему страшными клыками Теркоза.

Но вскоре человек-обезьяна был уже совершенно здоров, только на лице у него остался полузаживший шрам, начинавшийся над левым глазом и тянувшийся до правого уха. То был след, оставленный Теркозом, пытавшимся сорвать с врага скальп.

Тарзан давно с сожалением отказался от планов смастерить себе одежду из шкуры Сабор — он ничего не знал о дублении, и шкура стала твердой, как древесная кора. И теперь, избавившись от нудных обязанностей обезьяньего вожака, он решил отобрать какую-нибудь одежду у одного из чернокожих поселка Мбонги.

Раз даже эти жалкие дикари прикрывают тело шкурами и листьями, почему он, победитель львов и горилл, не носит таких знаков отличия?

Когда человек-обезьяна почувствовал, что совершенно поправился после кровавого боя с Теркозом, он направился к поселку Мбонги. На этот раз вместо того, чтобы прыгать по деревьям, юноша шагал по извилистой звериной тропе — и вдруг за очередным ее поворотом столкнулся лицом к лицу с бесшумно двигавшимся черным воином.

Изумленный взгляд дикаря был исполнен комизма, но и Тарзан сначала растерялся, а в следующий миг негр с истошным криком уже улепетывал со всех ног.

Тарзан взметнулся на дерево и с его вершины увидел троих удирающих через джунгли людей.

Рванувшись по ветвям, человек-обезьяна легко обогнал чернокожих и бесшумно пронесся над их головами, а потом притаился на длинной ветке, низко нависающей над тропой.

Первым двум воинам он дал пробежать, но горло третьего охватила прочная петля, которая увлекла дикаря вверх.

Негр испустил придушенный крик, и его товарищи, обернувшись, успели увидеть, как трепыхающееся черное тело взмыло над тропинкой и скрылось в густой листве.

В безмерном ужасе они бросились бежать еще быстрее, даже не пытаясь выяснить, какая судьба постигла их товарища.

Тарзан же снял с убитого прекрасную замшевую набедренную повязку и надел ее на себя. Потом, взвалив мертвое тело на плечи, он продолжил путь по вершинам деревьев и вскоре достиг знакомого обнесенного частоколом поселка.

Сюда только что примчались задыхающиеся от страха и усталости беглецы и теперь наперебой рассказывали сородичам про ужасное происшествие в джунглях.

— Миранда шел впереди нас, и внезапно мы услышали его крик. Он вопил, что его преследует страшный белый человек, огромный и совсем голый! Все мы бросились бежать, и вдруг...

Рассказ был прерван на самом интересном месте пронзительным криком ужаса одного из воинов, и чернокожие увидели, как из-за частокола вылетело тело убитого Миранды и шлепнулось в пыль у их ног.

В поселке началась дикая паника, которую с трудом удалось унять старому Мбонге.

Мудрый вождь сделал вид, что не верит словам вернувшихся из джунглей охотников.

— Вы рассказали нам длинную сказку потому, что не посмели сказать правды. Вам стыдно признаться, что когда большая обезьяна прыгнула на Миранду, вы удрали, бросив его. Вы жалкие трусы!

Охотники пытались оправдаться, но внезапно от джунглей раздался громкий шум. Все глаза обратились на чащу, и зрелище, представившееся взорам дикарей, заставило онеметь даже старого Мбонгу. Нет, не обезьяна, а белокожий человек с обезьяньей ловкостью раскачивался на самых верхних ветвях дерева на краю леса,

громко смеялся, корчил рожи — и при этом размахивал ожерельем убитого Миранды!

Оцепенение дикарей длилось недолго.

Могучий Дух джунглей впервые явился людям!

Правда, не все это сразу поняли. Самые смелые воины вскинули луки, готовые пустить в существо на дереве отравленные стрелы, но старейшины остановили их криками ужаса: разве можно злить лесное божество!

В тот вечер вокруг Священного Древа было оставлено столько горшков с пищей, сколько никогда не оставлялось раньше. До утра весь поселок не сомкнул глаз, прислушиваясь к звукам за порогами тростниковых хижин, а наутро тело Миранды, оставленное в центре деревни, было обнаружено у ворот поселка: окоченевший мертвец стоял, прислонившись к изгороди, как будто вглядывался в близкие и грозные джунгли.

После этого жители деревни единодушно решили, что Миранда погиб от руки Могучего Лесного Духа, властвующего над этими местами. Это объяснение показалось им самым разумным.

Старейшины постановили также, что отныне они будут снабжать лесное божество не только пищей, но и стрелами, чтобы смягчить его гнев. И с тех пор людоеды так и поступали.

Если вам когда-либо случится побывать в этом поселке, затерянном в африканских джунглях (чего вряд ли можно вам пожелать), то вы увидите перед тростниковой хижинкой, стоящей у ограды, небольшой горшок с пищей, а рядом колчан, полный стрел — доказательство того, что память о страшных делах Могучего Духа до сих пор жива в сердцах племени каннибалов.

Тарзан, весьма довольный смятением, которое он вызвал среди дикарей, направился к океану, чтобы следующую ночь провести в своей хижине...

Но когда он поднялся на откос, под которым блестел океан, его глазам предстало необычное зрелище.

В бухте стояло большое судно, на берегу, как уснувший крокодил, лежала длинная лодка. Но самое удивительное — между берегом и хижиной сновали несколько похожих на него белых людей!

Тарзан упал в густую траву, бесшумно подкрался ближе и жадно уставился на созданий, виденных им прежде только на картинках в книжках.

Их было десять человек. Смуглые, загорелые, громко галдящие люди явно были очень сердиты. Они громко спорили друг с другом, бурно жестикулируя, и особенно громко вопили двое: маленький тщедушный человек и чернобородый гигант, возвышавшийся над ним почти на две головы.

Маленький человек распалялся все больше и больше и вдруг, выхватив из-за пояса револьвер, выстрелил в голову гиганта.

Великан без единого звука рухнул на землю, а Тарзаном при звуке выстрела едва удержался, чтобы не броситься в джунгли. Он был храбр, но такой молниеносный и громкий способ убийства заставил его содрогнуться.

Всего в тридцати шагах, под поросшим травой пригорком, стояли его белые сородичи, которых он так давно мечтал увидеть — однако приемьш Калы не испытывал ни малейшего желания познакомиться с этими людьми поближе.

Поведение чужеземцев казалось ему совершенно непонятным.

Тарзан глядел на них с изумлением и тревогой.

По-видимому, эти создания мало чем отличались от черных людей и были куда более жестоки, чем обезьяны. Только что один из них ни с того ни с сего убил другого, но это как будто не вызвало никакого осуждения остальных белых, и человеческий вожак (если, конечно, у этой стаи был вожак) почему-то не поспешил наказать убийцу.

Разговоры внизу продолжались как ни в чем не бывало, но вот люди пришли к какому-то решению, спустили лодку, прыгнули в нее и стали грести по направлению к большому кораблю, на палубе которого острые глаза Тарзана различили других белокожих людей.

Он воспользовался удобным моментом и подполз к хижине — так, чтобы она служила ему прикрытием. Как знать, насколько далеко мог разить вылетающий из оружия белый гром, и что они сделают, если увидят человека-обезьяну?

Скользнув в хижину, Тарзан увидел, что пришельцы здесь уже побывали: внутри царил величайший разгром. Свежий шрам на лбу приемщика Калы налился ярко-малиновой краской, когда он обнаружил, что многие из вещей пропали.

Он бросился к шкафу и стал шарить на нижней полке.

К счастью, металлический ларчик, в котором лежали самые большие его сокровища, не попал в руки чужакам! Фотография улыбающегося молодого человека и загадочная черная книжечка были совершенно целы.

Но что это?

Чуткое ухо Тарзана уловило слабый звук.

Подбежав к окну, он увидел, что с большого корабля спустили вторую лодку, полную белых людей.

Когда шлюпка отчалила от корабля, человек-обезьяна схватил кусок бумаги и написал на нем карандашом несколько строк. Прикрепив записку к двери наконечником стрелы, он взял вынул из ларчика фотографию, сунул ее в колчан и поспешно исчез в лесу.

Обе шлюпки ткнулись носами в серебристый прибрежный песок, и из лодок вылезла необычайно пестрая публика.

Всего на берег высадилось человек двадцать: грубые матросы с отталкивающими лицами, пожилой седой человек в очках, пальто и блестящем цилиндре — самом подходящем наряде для путешествия в африканских джунглях, — высокий молодой человек в парусиновом костюме, сухопарый старик с суетливыми манерами, толстая пестро одетая негритянка, испуганно таращившая глаза на громогласных моряков, которые выгружали на берег тюки и ящики...

И, наконец, на песок ступила юная девушка лет девятнадцати, молча принявшая помощь молодого человека.

Все эти люди направились прямо к хижине — впереди матросы с ящиками и тюками, а за ними трое сильно отличающихся от них прилично одетых мужчин и двое женщин — черная и белая. Матросы опустили свою ношу на землю, и тут один из них заметил записку на двери.

— Это еще что такое? — воскликнул он. — Час назад этой бумаженции здесь не было!

Его товарищи разразились подтверждающими ругательствами, а так как мало кто из них мог читать, один из моряков подал сорванную с двери бумагу низенькому старику в пальто и цилиндре.

— Эй, профессор! — насмешливо крикнул он. — Прочтите-ка нам эту писульку!

Старик медленно и важно поправил очки, с достоинством принял бумажку, весьма внимательно ее изучил — и сунул в карман, пробормотав себе под нос: «Весьма замечательно, весьма!..»

— Что замечательно?! Я тебя спрашиваю, старая развалина! — гаркнул обратившийся к профессору матрос. — Что накарябано в этой чертовой записке? Отвечай!

— Ах, да! — спохватился старик. — Милостивый государь, приношу свои извинения. Но записка и в самом деле в высшей степени замечательна!

— Ну так прочтите ее вслух, старый осел! Да погромче!

— Конечно-конечно! — мягко ответил профессор и, достав из кармана бумажку, прочел:

— «Это дом Тарзана, убийцы зверей и многих черных людей. Не трогайте вещи, принадлежащие Тарзану. Подпись — Тарзан из племени обезьян».

— Какой еще к дьяволу Тарзан?! — рявкнуло сразу несколько голосов.

— Очевидно, какой-то туземец, немного знающий по-английски, — предположил молодой человек.

— Но почему там написано: «Тарзан из племени обезьян»? — удивилась молодая девушка.

— Не знаю, мисс Портер. Может быть, это обезьяна, сбежавшая из лондонского Зоологического Сада, которая привезла в свои родные джунгли европейское образование? Каково ваше мнение, профессор Портер? — добавил юноша, обращаясь к старику.

— Ах, вы все шутите, мистер Клейтон! — покачал головой профессор Архимед Кв. Портер. — А между тем...

— А между тем пора заняться делом! — буркнул один из матросов. — Так что пускай этот старикан больше не путается у нас под ногами со своей ученой галиматьей!

— Извольте быть повежливей, — процедил бледный от бешенства молодой человек. — Вы убили своих офицеров и ограбили нас. Мы в вашей власти, но я заставлю вас относиться с должным почтением к профессору Портеру и к мисс Портер! А если вы будете их оскорблять, я голыми руками сверну вашу подлую шею, есть ли у вас ружье или нет!

Вооруженный револьверами и ножом матрос, за спиной которого толпились товарищи, в смущении попятился при виде гнева молодого человека.

— Пожалуйста, не надо... — попыталась вмешаться девушка, но Клейтон вызывающе повторил:

— Вы все подлые трусы! Вы никогда не посмеете убить человека, пока он не повернется к вам спиной. Но я могу поспорить, что даже тогда у вас не хватит решимости выстрелить!

С этими словами он демонстративно повернулся к матросу спиной и пошел к хижине.

Рука моряка потянулась к торчащему за поясом револьверу, но он заколебался. В душе он был даже еще большим трусом, чем предполагал Уильям Сесиль Клейтон.

А в это время из густой листвы росшего вблизи дерева зоркие глаза внимательно следили за каждым движением пришельцев.

Тарзан видел, какое изумление вызвала его записка, и хотя не понимал слов, которыми обменивались чужаки, их жесты и выражения лиц сказали ему очень многое.

Он уже успел составить себе мнение о каждом из белых людей, и когда заметил, как матрос хватается за револьвер и целится в спину юноши, решил, что настала пора вмешаться.

Не успела девушка криком предупредить своего товарища об опасности, как длинное тяжелое копье вылетело из прибрежной чащи и пронзило насквозь плечо выхватившего револьвер моряка.

Выстрел грянул, никого не задев, а раненый схватился за плечо и заорал от ужаса и боли.

Негритянка Эсмеральда испустила пронзительный визг.

Перепуганные матросы, сжимая оружие, напряженно вглядывались в джунгли, пока их товарищ стонал и корчился на земле.

Клейтон правильно использовал всеобщее замешательство: он незаметно поднял револьвер, выпавший из руки покушавшегося на его жизнь мерзавца, и сунул оружие в карман, а потом встал рядом с Джейн Портер, дочерью старого чудака-профессора.

— Кто это сделал? — перепуганно шепнула Джейн — она не могла отвести широко раскрытых глаз от зеленой стены джунглей.

— Думаю, Тарзан из племени обезьян. Кто же еще?

— Мистер Клейтон, я серьезно!

— Я тоже. И я думаю, что если не произошло ошибки и копье предназначалось именно Снайпсу, то этот Тарзан — наш друг, и я ему обязан жизнью. Но... Где же ваш отец и мистер Филандер? Клянусь Юпитером, они нашли самое подходящее время, чтобы исчезнуть!

— Наверное, папа отправился в джунгли, чтобы исследовать здешнюю фауну! — всплеснула руками Джейн. — Ох, иногда он бывает просто несносен! А его секретарь Самюэль Филандер — такой же большой ребенок, как и он!

— Мистер Филандер! Профессор! Мистер Филандер! — громко позвал Клейтон.

Ответа не последовало.

— Что же нам делать, мисс Портер? — нерешительно проговорил молодой человек. — Я не могу оставить вас одну с этими разбойниками! И тем более не могу тащить вас с собой в дикие джунгли. Но кто-то должен отправиться на поиски вашего отца...

— Конечно! Кто знает, какие чудовища скрываются в этом лесу? — со слезами на глазах вскричала девушка. — Мой бедный, милый папа, не колеблясь ни минуты, отдал бы за меня жизнь, но иногда его непрактичность просто меня убивает! Что же нам делать?!

— Ладно, — сквозь зубы проговорил Клейтон. — Вы умеете вы обращаться с револьвером?

— Конечно, умею. А почему вы спрашиваете?

— Мне удалось подобрать оружие Снайпса. С револьвером вы и Эсмеральда будете в сравнительной безопасности. Запритесь в хижине и никого не впускайте, а я пойду разыскивать вашего отца и мистера Филандера. Они не могли уйти далеко.

Джейн Портер в точности выполнила это распоряжение, а Клейтон, подождав, пока дверь за белой девушкой и ее служанкой не закроется, решительно направился в джунгли. Так как он отдал Джейн револьвер, все его вооружение состояло из окровавленного копья, которое матросы выдернули из плеча Снайпса. Сжимая это первобытное оружие, сын тогдашнего лорда Грейстока вошел в джунгли, где никогда раньше не бывал.

Каждые несколько минут он громко звал профессора и его ассистента, и женщины из хижины на берегу некоторое время слышали его голос, пока крики не пропали за пугающими звуками первозданного леса.

Когда профессор Архимед Кв. Портер внял настойчивым уговорам своего ассистента Самюэля Т. Филандера и все-таки решил повернуть

стопы к лагерю, он с удивлением осознал, что и он, и его секретарь безнадежно заблудились в запутанном лабиринте джунглей.

Еще чудо, что два пожилых джентльмена направились к западному берегу Африки, а не к Занзибару на противоположной стороне Черного Континента.

Когда же они наконец добрались до берега и не нашли там хижины, Филандер стал уверять, что искомая точка находится на побережье к югу от них — хотя на самом деле она была в двухстах ярдах к северу.

Двум теоретикам даже не пришло в голову громко крикнуть, чтобы привлечь внимание друзей. Вместо этого с непоколебимой уверенностью, основанной на дедуктивных умозаключениях, мистер Самюэль Т. Филандер крепко ухватил за руку профессора Архимеда Кв. Портера и, не обращая внимания на слабые протесты последнего, повлек его по направлению Кантоуна, находящегося в тысячи пятистах милях на юго-запад.

А Джейн Портер и Эсмеральда тем временем крепко заперли изнутри дверь хижины, которая должна была послужить им убежищем как от зверей джунглей, так и от не менее хищных и свирепых взбунтовавшихся матросов. Потом негритянка подумала, что для большей надежности неплохо бы забаррикадировать чем-нибудь дверь. Она обернулась, чтобы поискать в комнате какой-нибудь тяжелый предмет — и вдруг издала истошный крик ужаса, бросилась к своей госпоже и спрятала лицо у нее на плече.

Джейн Портер, напуганная диким воплем служанки, взглянула поверх плеча Эсмеральды — и увидела в углу человеческие кости, полуприкрытые парусиной.

— Успокойся, голубушка! — сказала девушка, глядя по голове рыдающую негритянку. — Уж лучше находиться рядом с чьими-то безобидными останками, чем рядом с теми ужасными грубыми людьми, не правда ли?..

На самом деле Джейн была напугана ничуть не меньше Эсмеральды, но кто-то из них двоих должен был быть сильным и смелым!

Поэтому, освободившись от объятий все еще всхлипывающей служанки, белая девушка храбро направилась в угол и поправила парусину, полностью покрыв грубой тканью кости и черепа.

О какой страшной трагедии говорили эти бедные кости? Кто и когда погиб в одинокой хижине на берегу океана? И что послужило причиной смерти этих людей?

Девушка усилием воли отогнала от себя мрачные мысли: сейчас она слишком тревожилась за пропавшего отца, за его ассистента и за блуждающего по лесу Уильяма Клейтона, чтобы как следует опасаться за собственную жизнь.

И, топнув маленькой ножкой, она постаралась самым строгим тоном призвать к порядку рыдающую Эсмеральду:

— Хватит плакать! Ведь ничего страшного пока не произошло! Мне кажется, что матросы уже ушли — ты слышишь, никто больше не ругается там, снаружи? Господи, господи, только бы с папой все было в порядке... И почему Уильям так долго не возвращается?

Последние слова, невольно вырвавшиеся у Джейн, успокоили Эсмеральду куда быстрее, чем самые суровые слова ее хозяйки. Негритянка сразу перестала всхлипывать и принялась уверять обожаемую госпожу, что, конечно, с профессором все будет хорошо и что масса Клейтон вот-вот вернется и приведет обоих старых джентльменов...

Наконец, совсем обессилив от тревог и волнений, обе девушки — белая и черная — сели, обнявшись, на скамейку и стали терпеливо ждать.

XIV. Во власти джунглей

Джейн была права: матросы покинули берег.

После того, как Клейтон исчез в зарослях, бунтовщики еще некоторое время спорили, что им делать дальше. Они соглашались друг с другом только в одном, а именно: лучше поскорей вернуться на борт «Арроу», где их не достанут копыя незримого врага.

Итак, вся шайка поспешила к шлюпкам, и вскоре моряки вскарабкались по трапу на палубу судна, где их споры немедленно возобновились. Затевя мятеж, они отрезали себе дорогу к честной жизни, но теперь никак не могли договориться, как воспользоваться богатством, из-за которого они пролили столько крови..

...В этот день Тарзан увидел столько нового, что в его душе царило смятение и голова шла кругом. Но самым удивительным зрелищем из всех, представших сегодня его глазам, было лицо красивой белой девушки.

Наконец-то он воочию увидел женщину своей породы! И она оказалась еще прекрасней, чем виделась в самых смелых его мечтах.

Юноша, который высадился на берег вместе с ней, и два пожилых человека тоже выглядели почти такими, какими Тарзан представлял себе белых людей — очень похожими на людей в его книжках.

«С „Л“ начинаются л-ю-д-и!»

Но остальные пришельцы, явившиеся на его землю... Тарзан колебался, можно причислить их к своей породе или нет. Интуитивно он чувствовал к матросам недоверие, готовое перейти в ненависть. По их угрожающим жестам, по свирепому выражению лиц, по резким каркающим голосам приемыш Калы определил, что эти субъекты могут быть так же кровожадны, как и любой чернокожий каннибал из знакомого ему поселка.

Потому он решил внимательно присматривать за ними, а если они надумают опять устроить разгром в хижине или причинить вред белой

девушке и ее спутникам — разобраться с негодьями так же быстро, как он разбирался с чернокожими дикарями.

Но даже белые мужчины, которые нравились Тарзану, вели себя очень странно. Наблюдая, как два пожилых человека блуждают по джунглям, он никак не мог постичь цели их путешествия. Ему и в голову не могло прийти, что старики заблудились. Как можно заблудиться в лесу, густо испещренным звериными тропами, каждая из которых была видна человеку-обезьяне так же ясно, как нам — любая улица в родном городе?

И тот юноша, что вошел в джунгли вслед за стариками, тоже вел себя совершенно непонятно! Вместо того, чтобы двигаться бесшумно и тихо, как делают все обитатели леса, он то и дело останавливался и издавал громкие крики... Ну совсем, как слон Тантор, когда он призывает подругу!

Но подруга молодого человека осталась в хижине на берегу, и он никак не мог этого не знать...

Подобное загадочное поведение соплеменника вконец заинтриговало Тарзана. Убедившись, что матросы наконец-то убрались на корабль, человек-обезьяна покинул берег и устремился в джунгли, откуда еле слышно доносился голос молодого человека.

Вскоре Тарзан настиг крикуна: тот в изнеможении прислонился к дереву, вытирая пот со лба; потом двинулся дальше.

Человек-обезьяна, следуя за ним по ветвям деревьев, внимательно изучал странный экземпляр своей породы, его одежду и внешность. Вскоре он понял, что юноша ищет старых мужчин, и уже собрался сам отправиться на поиски — как вдруг заметил желтый блеск лоснящейся шкуры, и в ноздри ему ударил тревожный запах леопарда Шиты.

Хотя Тарзан сидел высоко на дереве, а леопард крался по земле, прочно укоренившийся рефлекс заставил приемыша обезьяны мгновенно взлететь на самые тонкие ветки — туда, куда Шита не осмелился бы последовать за ним.

Но Клейтон продолжал идти как ни в чем не бывало прямо в зубы скрадывающему добычу леопарду!

Тарзан ничего не понимал. Неужели самец белого человека не слышит шуршания трав под мягкими лапами хищника? Неужели он не чует запаха желто-пятнистой смерти?

Нет, белый человек как будто оглох, ослеп и начисто лишился чутья!

Шита уже приготовился к прыжку, хлеща себя хвостом по бокам...

И тогда в тишине джунглей прозвучал пронзительный, леденящий кровь боевой крик человека-обезьяны.

Леопард хорошо знал этот вопль, как знали его все прочие обитатели леса: хищник развернулся, словно стальная пружина, и бесшумно исчез в кустах.

Еще большее впечатление клич Тарзана произвел на молодого человека.

Клейтон содрогнулся и судорожно стиснул копые. Кровь отхлынула от его сердца и молотом застучала в висках. Еще никогда в жизни он не слышал такого ужасающего крика!

Уильям Сесиль Клейтон, старший сын лорда Грэйстока, не был трусом, но в этот миг он впервые почувствовал, как дикий, первобытный страх готов затянуть черной пеленой его помутившееся сознание.

Он и не подозревал, что страшный крик, внезапно обрушившийся с небес, спас ему жизнь, и что издавшее этот вопль существо было его двоюродным братом, настоящим лордом Грейстоком.

Клейтон не сразу заставил себя продолжить путь. Наконец он снова зашагал по звериной тропе, хотя ноги его дрожали и подгибались. День клонился к вечеру, и воображение рисовало юноше тысячи смертельных опасностей, караулящих его за зеленой завесой листве и густым переплетением лиан. Разве может жалкое копые послужить защитой от чудовищ, способных издавать такие кошмарные крики?!

Растерянный и павший духом, Уильям уже подумывал о том, чтобы бросить безнадежные поиски профессора Портера и вернуться обратно в хижину, пока он еще хоть приблизительно представляет себе, где находится. Что будет с Джейн, если он тоже заблудится в джунглях, как уже заблудился ее бестолковый отец?

И в то же время вернуться к девушке без профессора и его ассистента казалось Клейтону позором.

Но, может быть, отец и Джейн и мистер Филандер уже возвратились на берег? Вполне вероятно! Может, он понапрасну блуждает в зарослях, ежеминутно подвергаясь риску стать жертвой хищных зверей и оставить Джейн без всякой помощи и защиты — ибо какой помощи и защиты она может ждать от такого большого ребенка, как ее отец?

Успокоив свою совесть подобным образом, молодой человек повернул обратно к хижине. Но, увы, долгие блуждания вконец лишили ориентации лорда Грейстока, который вырос в большом городе и выезжал в лес только на охоту в сопровождении большой толпы слуг и егерей. И вместо того, чтобы двинуться к океану, Клейтон, спотыкаясь и путаясь в густом подлеске, направился прямо к поселку Мбонги.

Час от часу не легче!

Что-то в этом роде подумал Тарзан, наблюдавший за своим сородичем из древесного поднебесья.

Похоже, за этими белыми созданиями нужен глаз да глаз.

Вот уже и лев Нума учуял след человека и крадется в кустарнике вдоль слоновой тропы!

Клейтон тоже услышал, что какое-то большое животное движется в чаще леса параллельно той еле видной стежке, по которой он брел. Он ускорил шаги, нервно озираясь вокруг в поисках любого, даже самого жалкого убежища... Но Нума, в отличие от Шиты, никогда не скрадывал жертву долго.

В вечернем воздухе раздался громовой рев зверя, предупреждая, что царь зверей готов броситься на добычу. Такой рык должен был парализовать жертву страхом, и лев своей цели достиг. Белый человек остановился, вскинув копье, круто повернувшись к кустам, из-за которых раздался страшный звук — и замер.

Клейтон напрасно пытался разглядеть в кустах ужасного врага и не смел шевельнуться.

Тени сгущались, темнота спускалась на землю.

Боже! Умереть в этих зарослях под клыками дикого зверя; ощущать на своем лице горячее дыхание хищника и чувствовать, как громадные когти разрывают его тело!

Вокруг была полная тишина. Клейтон стоял с копьем, вскинутым к плечу, и древко колебалось в его дрожащей руке, словно терзаемая ветром тростинка. Уильям ни на миг не надеялся, что такое жалкое оружие поможет ему в схватке с лесным чудовищем, однако другого у него все равно не было. Но... Как тихо кругом! Может, зверь охотился не на него, а на какое-нибудь животное?

Но тут слабый шорох известил оцепеневшую жертву, что хищник совсем рядом.

И вот кусты расступились, и Клейтон увидел льва всего в каких-нибудь десяти шагах от себя — мощное великолепное тело самого крупного охотника здешних джунглей и огромную голову в обрамлении черной гривы. Лев медленно приближался к добыче, глядя на нее горящими желтыми глазами.

Против такого противника копье было так же бесполезно, как тонкая спичка!

Похолодев от ужаса и отчаяния, человек смотрел в глаза своей смерти, не имея сил ни вскрикнуть, ни побежать.

В ветвях над его головой раздался какой-то шум, но юноша не смел отвести взгляд от приближающегося зверя.

Лев подобрался для прыжка...

И вдруг резкий звук, словно от лопнувшей струны мандолины, разорвал воздух, и в желтую шкуру над лопаткой вонзилась стрела.

С ревом боли и гнева хищник сделал гигантский скачок, но на спину ему откуда-то сверху спрыгнул голый мускулистый гигант — и взору Клейтона предстала одна из самых невероятных и фантастических сцен, какая вряд ли смогла бы привидеться даже курильщику опиума!

Загорелая рука, перевитая железными мускулами, обхватила гривастую шею, и огромное животное, бессильно рвущее когтями воздух, было поднято в воздух так же ловко, как сам Клейтон поднял бы комнатную собачку.

Напавший на льва человек являлся олицетворением физического совершенства и гигантской силы, но не на этом зиждилась его уверенность в бою с громадной кошкой: как ни могучи были его мускулы, они все же не могли сравниться с мускулами Нумы. Только ловкости, уму и длинному острому ножу приеммыш обезьяны обязан был своим превосходством.

И вот уже коричневая блестящая рука несколько всадила нож в незащищенный бок зверя, в то время как вторая рука продолжала удерживать разъяренного льва на весу.

Если бы этот бой продлился еще хоть немного дольше, исход его мог бы стать иным. Но яд, которым были смазаны стрелы, проделал свою смертоносную работу очень быстро, и прежде чем Уильям успел вскрикнуть, лев бездыханным вытянулся на земле.

Тогда его победитель поставил ногу на мохнатую гриву и, откинув назад длинноволосую голову, издал тот самый ужасающий крик, который однажды уже так испугал Клейтона.

На этот раз боевой вопль Тарзана явно не грозил юноше смертью, но все же переживания последних часов оказались для него слишком сильными. Не успел клич человека-обезьяны отзвучать под сводами джунглей, как молодой лорд Грейсток выронил копье и потерял сознание.

Когда Уильям очнулся, все происшедшее сначала показалось ему кошмарным сном. Но мало-помалу его сознание прояснилось, и он стремительно вскочил на ноги при виде могучего загорелого человека, чью наготу прикрывала только повязка на бедрах: тот сидел перед безжизненным телом льва и с аппетитом поглощал окровавленные полоски сырого мяса. Спутанные черные волосы падали на высокий лоб странного юноши, на груди, ярко выделяясь на гладкой коричневой коже, сверкал золотой усыпанный бриллиантами медальон. На боку у победителя льва болтался охотничий нож в кожаных ножнах, поодаль лежали лук и колчан со стрелами.

Клейтон не сразу собрался с мыслями, чтобы обратиться к своему спасителю.

Наконец он все-таки решился и заговорил с незнакомцем по-английски — ведь несмотря на свой густой загар, тот был несомненно белым человеком, а черты его лица были так же тонки, как и черты самого Клейтона. Лорд Грейсток сбивчиво поблагодарил за свое спасение и выразил восхищение изумительной силой юноши и его ловкостью.

Но все это красноречие пропало впустую: единственным ответом был внимательный взгляд синих глаз и легкое пожатие могучих плеч. Молодой богатырь явно не понимал английского языка. Значит, он не мог быть тем Тарзаном, который прикрепил записку к двери хижины.

Клейтон попытался завести разговор по-французски, но ответ, прозвучавший из уст лесного юноши, был похож скорее на обезьянье бормотание вперемешку с рыками дикого зверя.

Нет, это явно не Тарзан!

Но тогда кто же?

Наконец победитель льва насытился, вытер руки о мохнатую гриву, встал и, указывая на джунгли, произнес непонятную фразу. Он явно хотел, чтобы Клейтон последовал за ним в заросли, окутанные почти уже ночным мраком.

Некоторое время Уильям колебался, но мысль о том, что он может остаться один в ночном лесу, полном диких зверей, заставила его торопливо догнать дикого человека и пойти рядом.

Путь через темные джунгли давался Тарзану куда легче, чем Клейтону. Плохо приспособленный к путешествию в зарослях даже при свете дня, к тому же смертельно уставший, молодой человек чувствовал себя теперь совершенно беспомощным. Они пробирались сквозь полную пугающих звуков чащу, а мягкая мантия непроницаемой лесной ночи все плотнее окутывала их. Кругом раздавались крадущиеся шаги мягких лап, смешанные с похрустыванием ломающихся веток (а может, это хрустели на зубах хищника чьи-то кости?). Исполненные значения для Тарзана, голоса и зовы лесных тварей приводили Клейтона в ужас. Он боялся хоть на шаг отстать от своего провожатого, который двигался легко и быстро, то и дело подгоняя неуклюжего спутника нетерпеливым ворчанием.

Уильям чувствовал, что его силы на исходе, он уже готов был в изнеможении лечь на траву, а потом взобраться на дерево, чтобы дожидаться там утра... Но страх отстать от лесного богатыря заставлял его переставлять непослушные ноги.

Внезапно Клейтон и Тарзан услышали слабый треск револьверного выстрела. Человек-обезьяна уже однажды слышал этот звук и не мог ошибиться!

Вслед за первым выстрелом раздался еще один, потом еще и еще...

Даже уверившись, что матросы покинули берег, две девушки не решились открыть дверь и выйти из хижины.

Негритянка то и дело принималась рыдать, оплакивая злосчастный день своего отъезда из дорогого родного Мэриленда, а Джейн, храня внешнее спокойствие, в душе терзалась мучительными предчувствиями. Она боялась не только за себя, но и за тех троих людей, что бродили сейчас в смертельно опасных зарослях ночных джунглей. Снаружи совсем стемнело, в комнате тоже царил темнота, и было слышно, как в близких зарослях раздаются чьи-то вскрики и рев, лай и завывание диких зверей, вышедших на ночной промысел.

Внезапно Эсмеральда прекратила всхлипывать: совсем рядом, за самым порогом хижины, прозвучало kloкочущее рычанье. На мгновение внутри и снаружи наступила тишина, нарушаемая только неистовым стуком двух сердец. А потом девушки ясно услышали фырканье и царапанье чьих-то когтей, испытывающих прочность двери.

Джейн и Эсмеральда крепко прижались друг к дружке.

— Тс... тише! — шепнула Джейн.

Зверь снова зацарапал дверь и порог, но вскоре понял, что преграда непреодолима, и тогда тихая поступь огромных лап сказала женщинам о том, что их враг крадется вдоль стены хижины. Зверь остановился под окном, и туда устремились испуганные взоры обеих девушек.

— Боже милостивый! — взвизгнула негритянка.

За частым переплетом веток, которыми было забрано окно, на фоне огромной луны мелькнул силуэт большого зверя. Джейн поняла, что это львица, и зажала рот визжащей служанки.

Инстинкт молодой девушки, видевшей до той поры львов только в зоопарке, подсказывал, что надо замереть, затаиться и не дышать... Может, тогда это ужасное чудовище, которое бродит вокруг дома, уйдет и отправится в джунгли на поиски более легкой добычи?

Но негритянка, повинувшись другому инстинкту — в минуту опасности звать на помощь — упрямо порывалась завопить... Как вдруг сквозь щели между ветвями окна прямо на нее уставились горящие голодным вожделением глаза огромной львицы. Это зрелище оказалось слишком ужасным для бедной негритянки.

— О, Габриелле! — сдавленно вскрикнула она и без чувств соскользнула со скамейки на пол.

А Джейн осталась сидеть неподвижно, сжавшись в комочек и замерев под пристальным взглядом хищника. Ей бы очень хотелось тоже потерять сознание, но она не могла.

Долго, бесконечно долго стояла львица у окна, положив на подоконник лапы... Наконец решила, что добыча, спрятавшаяся в

доме, пожалуй, стоит того, чтобы попытаться до нее добраться, и заскребла когтями решетку.

Джейн перестала дышать.

Но вот, к ее невероятному облегчению, царапанье прекратилось, и она услышала удаляющиеся шаги. Однако не успела бедняжка перевести дыхание, как львица снова приблизились к окну и возобновила свои попытки с удвоенной силой. Видно, хищница была очень голодна, потому что все яростнее атаковала переплетенные ветки, коротко порывивая и утробно ворча.

Револьвер!

Джейн метнулась к сундуку, на котором оставила оружие, полученное от Уильяма, и схватила маленький тяжелый предмет, от которого теперь зависела ее жизнь.

А зверь рычал все громче и громче — и вдруг львица бросилась всей тяжестью на расшатанную когтями решетку, ветки в одном месте подались, и помертвевшая от ужаса девушка увидела, как большая лапа и голова животного протиснулись в пролом.

Джейн подняла револьвер...

В этот драматический миг очнулась негритянка.

Первое, что она увидела, открыв глаза, были покрытые пеной клыки громадного зверя.

Сейчас самое время было бы снова упасть в обморок, но вместо этого Эсмеральда вскочила на четвереньки и побежала в дальний угол комнаты, пронзительно вопя:

— О, Габриелле! О, Габриелле!

Негритянка весила около двухсот восьмидесяти фунтов, что не придавало ее фигуре воздушной стройности, даже когда она ходила выпрямившись. Но когда Эсмеральда находила нужным передвигаться на четвереньках, она превращалась в поистине комический персонаж.

Львица перестала рычать, озадаченно разглядывая топчущее по комнате странное существо. Подбежав на четвереньках к шкафу,

служанка попыталась втиснуть в него свое огромное тело. Ценой невероятных усилий ей удалось всунуть между полками голову, после чего с неистовым визгом, перед которым бледнели визги любой самой крикливой гориллы из племени Тарзана, Эсмеральда снова упала в обморок.

Львица, отскочившая было при этом ужасном звуке, снова попыталась пролезть сквозь решетку.

Но Джейн уже была готова к самозащите, и как только лапа и голова просунулись в отверстие между ветвями, прицелилась прямо в морду львицы и нажала на спуск.

Сверкнуло пламя, грохот выстрела силился с ревом боли и ярости огромной кошки.

Нет, Сабор не была убита! Пуля только нанесла ей болезненную рану в плечо и донельзя разозлила.

Едва львица отскочила от окна, девушка несколько раз выстрелила ей вслед, нажимая на спусковой крючок до тех пор, пока в револьвере не кончились патроны. Однако все эти выстрелы, сделанные наугад, в темноту, вовсе не задели львицу. А в следующее мгновение хищница всем телом бросилась на решетку и стала протискиваться в окно. Дюйм за дюймом, издавая непрерывный бешеный рев, Сабор продиралась сквозь остатки плетеных ставней. Вот вслед за головой в хижину пролезло одно предплечье, затем другое, потом когтистая лапа коснулась пола...

Джейн глядела на это в полубеспамятстве от страха, выронив из руки бесполезный револьвер и даже не пробуя бежать.

Да и куда ей было бежать?

Все, что она могла делать — это шаг за шагом отступать в дальний конец комнаты, пока наконец не уперлась спиной в стену.

Еще минута невыразимого ужаса — и длинное гибкое тело скользнет в хижину.

XV. Лесной БОГ

Когда Клейтон услышал выстрел, его усталость как рукой сняло.

Конечно, выстрелить мог кто-нибудь из матросов, но что, если это сделала Джейн? Что, если ей угрожает опасность? А какие опасности могут подстерегать человека на этом диком берегу, он недавно испытал на собственной шкуре. Вдруг в этот миг девушка пытается защититься от нападения человека или хищного зверя?

Судя по всему, те же мысли мелькнули и в голове его спутника, потому что тот резко ускорил шаг и теперь скорее бежал, чем шел, через густой подлесок.

Клейтон изо всех сил старался не отставать, но вскоре понял, что это невозможно. Они уже и впрямь бежали — причем все быстрее и быстрее — через такие сплетения трав, колючих кустов и увитых лианами деревьев, что оставалось только дивиться, как обнаженный человек может скользить сквозь этот бурелом, оставаясь невредимым.

Уильям все больше и больше отставал от Тарзана, но продолжал бежать, шатаясь и спотыкаясь — его гнала как тревога за Джейн, так и страх остаться одному в ночных джунглях. Но в конце концов даже все это вместе взятое стало слабее усталости.

Уже не раз и не два молодой человек падал, и наконец, упав, оказался не в состоянии подняться. Тарзан вернулся, с нетерпеливым возгласом дернул его за руку, но Клейтон только прохрипел:

— Нет... Оставьте меня... Идите!

Он был уверен, что дикарь и впрямь покинет его, и мысль о том, какой легкой добычей он станет для любого проголодавшегося хищника, заставила его содрогнуться. Но встать юноша все равно не смог.

И тогда Тарзан сделал самую невероятную вещь, которой никак не ожидал от него Уильям Клейтон.

Он наклонился, легко взвалил юношу себе на спину — и не успел Клейтон вскрикнуть, как человек-обезьяна вместе с ним оказался на

верхушке огромного дерева и понесся вперед с быстротой ветра, прыгая с ветки на ветку.

То, что ему пришлось пережить во время этого воздушного путешествия, молодой англичанин не забудет до конца своих дней.

Он судорожно обхватил мускулистую шею Тарзана, а лесной человек мчался среди гнущихся и раскачивающихся веток, то и дело преодолевая одним прыжком бездонные черные пропасти между деревьями и используя лианы для самых немислимых скачков. Приключение со львом показалось Клейтону ничтожным переживанием по сравнению с тем, что ему приходилось испытывать теперь!

Кажется, он кричал, и встречный ветер вколачивал его крик обратно в горло, а сумасшедшее существо, неся его на спине, с легкостью перебрасывалось по головокружительной дуге с одной ветки на другую и балансировало, как канатный плясун, над черным морем дремучих зарослей.

Тарзан двигался к берегу по прямой так же верно, как сам Клейтон мог бы следовать по лондонской улице в яркий полдень. Эта прямая дорога порой пролегла на высоте сотни футов над землей, и тогда освещенная луной листва деревьев блестела далеко внизу; потом приемши обезьяны с разгону влетал в зыбкое переплетение ветвей со своей странной ношей на спине и окунался во тьму ночных дебрей.

Вскоре Тарзан убедился, что юноша, которого он несет, цепляется за его шею и плечи с такой же силой, с какой детеныши горилл хватаются за материнскую шерсть — и вовсе перестал придерживать Клейтона. Теперь он пустил в ход обе руки, увеличив и без того головокружительную скорость своего полубега-полуполета по деревьям.

Это были самые страшные и самые захватывающие мгновения в жизни Уильяма, лорда Грейстока. И чуть ли не каждую секунду он был уверен, что именно этот миг — самый последний в его жизни.

Один раз лиана, за которую ухватился Тарзан, не выдержала двойного веса, и они рухнули вниз сквозь толщу ветвей, под которыми

не видна была далекая земля. У Клейтона вырвался дикий вопль, но мгновенно спустя Тарзан небрежно схватился за подвернувшуюся ветку. Этот рывок едва не сорвал Уильяма с мокрой от пота спины, на которой он висел. Лишь невероятным напряжением мышц ему удалось удержаться — но не успел он перевести дыхание и немного расслабиться, как они уже снова мчались над джунглями, и кровь из расцарапанного лба заливала англичанину глаза.

Расслабляться было нельзя!

Но, боже правый, сколько еще он сможет продержаться? Будет ли конец этой безумной гонке? Несколько раз, когда они взлетали над верхушками деревьев, Клейтону казалось, что впереди поблескивает залитый лунным светом океан... Если это действительно так, и если они мчатся именно туда, может, он и доживет до тех пор, пока кончатся заросли... А может, и нет!

Клейтона снова завопил: его сумасшедший спаситель прыгнул, как казалось, в пустоту, где совершенно не за что было ухватиться!

Но рука Тарзана безошибочно нашла ветку, которая послужила ему опорой не больше четверти секунды. Потом дерево снова провалилось вниз, и Уильям еле удержался на спине дикаря.

Да, человек-обезьяна явно держал путь к берегу, откуда несколько минут назад донеслись звуки выстрелов... Но теперь Клейтон был совершенно уверен, что ему не увидать конца этого воздушного путешествия.

Онемевшие от напряжения руки совсем отказывались ему служить, а дикарь продолжал нестись по деревьям с той же бешеной скоростью. Уильям закричал, умоляя спуститься вниз, но так как юноша вопил почти непрерывно с тех пор, как они пустились в путь по деревьям, Тарзан не обратил внимания на новый крик своего беспокойного спутника.

Тревога за девушку, оставшуюся в хижине на берегу, гнала его вперед. Он безошибочно связал звук револьверных выстрелов с опасностью, угрожавшей этому прелестному созданию, и спешил, как только мог, почти позабыв про ношу у себя на спине.

И вдруг он почувствовал, как руки, обвивавшие его шею, разжались и соскользнули. Это случилось так внезапно, что он не успел подхватить падающего человека, и Клейтон, ломая ветки и тщетно пытаясь за что-нибудь ухватиться, полетел вниз с девяностофутовой высоты.

Это случилось во время очередного прыжка Тарзана, поэтому человеку-обезьяне понадобилось время, чтобы оттолкнуться от раскачивающейся ветки и метнуться обратно, на помощь погибающему соплеменнику.

Клейтон падал, как в дурном сне, когда изо всех сил пытаешься проснуться — и не можешь! Он почти не ощущал, как ветки царапают и рвут его кожу — ужас был страшнее боли. Он пролетел футов тридцать, захлебываясь криком, цепляясь за тонкие ветки, которые тут же ломались, лишь ненадолго задерживая его падение... И все-таки сумел ухватиться за сук, который затрепал и прогнулся, но выдержал. Однако Уильям понимал, что не сможет ни подтянуться, ни тем более добраться до ствола по раскачивающейся, зловеще потрескивающей ветке. Его болтающиеся в воздухе ноги не находили опоры, и все, что он мог — это цепляться за ветку с отчаянной силой утопающего и молить бога, чтобы тот послал ему помощь.

Помощь свыше подоспела в тот момент, когда ветка начала ломаться. Стальная рука схватила Клейтона за шиворот, рванула вверх... И мгновение спустя юноша снова вцепился в плечи человека-обезьяны, хотя только что ему казалось, что он уже не в состоянии за них держаться.

Инстинкт самосохранения — могучая вещь!

Отбросив в сторону последние остатки самолюбия, Уильям не только обвил руками шею Тарзана, но и обхватил его туловище ногами — точь-в-точь, как это делают подростки обезьян, перебравшиеся из объятий матерей на их спины.

И таким образом двое людей продолжали путь сквозь джунгли — один по-обезьяньи перебрасываясь с дерева на дерево, а другой — судорожно за него цепляясь.

Заросли кончились.

Тарзан проворно спустился с последнего дерева, отмечавшего границу леса, и сбросил со спины доставившего ему столько хлопот молодого человека. Его мнение о самцах своей породы во время недолгого путешествия в обществе Уильяма Клейтона сильно изменилось в худшую сторону. Даже самый бестолковый детеныш гориллы наверняка вел бы себя в такой ситуации толковее и храбрее! Да, белые люди, как и черные, далеко уступали в силе и выносливости народу его матери!

Человек-обезьяна презрительно фыркнул, когда белый юноша попытался встать на четвереньки и тут же снова повалился на песок.

Однако ему некогда было возиться с этим недотепой — и, оставив лорда Грейстока приходить в себя, приемыш Калы бросился к хижине на берегу, откуда доносился рассерженный рев Сабор.

Вдруг рев смолк.

Почти полностью протиснувшись в окно, львица перестала рычать, так как отлично видела, что ее добыча никуда не убежит.

А Джейн в смертельном ужасе пожалела, что израсходовала все патроны в револьвере, не оставив ни одного для себя. Уж лучше кончить жизнь от собственной руки, чем почувствовать, как клыки и когти хищника рвут твоё тело...

Она зажмурилась и стала ждать смерти.

Вдруг Сабор издала ужасающий вой.

Девушка широко распахнула глаза и увидела, как кто-то медленно вытаскивает огромное животное обратно в окно, за которым в лунном свете она рассмотрела силуэт высокого мужчины.

Сабор выла, редела, вслепую молотила когтями, но тот, кто стоял за окном, упорно тянул ее наружу.

Потом к человеку, дерзнувшему вступить в единоборство с огромной кошкой, подскочил второй...

Это Клейтон, все еще не пришедший в себя после воздушного путешествия, но увидевший, какая страшная опасность грозит Джейн, пришел на помощь вцепившемуся в львиный хвост Тарзану.

Впрочем, подмога от человека, который до сих пор шатался от слабости, была невелика, а Тарзан бросил в джунглях все оружие перед тем, как начать свой бешеный бег по деревьям.

Только нож был при нем, и он мог бы всадить длинный клинок в бок или спину Сабор, но понимал, что тщедушному белому ни за что не удержать львицу, если он отпустит хвост и потянется к ножнам.

Однако львица медленно уступала усилиям могучих мышц Тарзана. Вот уже и плечи ее оказались снаружи...

И тогда Клейтон увидел нечто такое, чего небеса не видели со времен юности нашего мира.

Человек-обезьяна еще сильнее рванул зверя, полностью выдернув его из окна — и молниеносно вспрыгнул на спину львицы!

Тем приемом, который подарил ему когда-то победу над свирепым Теркозом, Тарзан обхватил шею зверя.

С воем терзая когтями землю, Сабор бросалась туда-сюда в попытке сбросить с себя противника. Но стальные мышцы напрягались все крепче и крепче, неумолимо пригибая вниз голову хищницы.

Клейтону оставалось только стоять и смотреть, как стальные предплечья удивительного человека поднимались все выше к затылку огромной кошки, а ее попытки вырваться становились все слабее.

И наконец шейные позвонки львицы с резким хрустом переломились. Длинное желтое тело обмякло, человек разжал стальной хват...

Тарзан вскочил на ноги, и море, джунгли и берег услышали его торжествующий победный вопль.

А в ответ на этот душераздирающий крик из хижины раздался слабый вскрик Джейн.

Клейтон вздрогнул и пришел в себя.

С лихорадочной поспешностью он бросился к двери, окликнул девушку, услышал шум поднимаемого засова — и дрожащая, чуть живая Джейн упала ему на грудь.

Не скоро до ее сознания дошли уверения, что теперь она в полной безопасности.

Какое-то время Уильям и Джейн стояли обнявшись, пытаясь прийти в себя после всего, что им обоим довелось сегодня пережить. Потом Клейтон вспомнил, кому они обязаны своим спасением.

— Похоже, добрый дух здешних лесов взял нас под свое покровительство, — пробормотал он. — Я думаю, нам стоит поблагодарить человека, который спас нам жизнь, мисс Портер.

— Но кто же он?

— Ах, если бы я знал! Он самое удивительное и невероятное существо — вот все, что я могу вам сказать. Я думаю, вы должны посмотреть на него сами, сейчас я попробую его позвать...

Однако девушка и слышать не хотела о том, чтобы остаться в хижине, в которой она пережила столько кошмарных минут. По-прежнему тесно прижимаясь к молодому человеку, она вышла из дома вместе с Клейтоном... И при виде распростертого тела мертвой львицы то ли всхлипнула, то ли застонала.

Но где же тот, кто голыми руками убил эту огромную кошку? Он бесследно исчез, и Уильям напрасно звал его.

Наконец молодые люди вернулись в хижину, где по-прежнему в глубоком и безмятежном обмороке лежала чернокожая служанка.

А Джейн, едва за ней закрылась дверь, впервые за эту страшную ночь разразилась рыданиями и долго не могла успокоиться. Наконец ее слезы иссякли, и она сбивчиво рассказала Клейтону обо всем, что пережила с момента его ухода, а тот, в свою очередь, поведал о своих невероятных приключениях.

— Но кто же все-таки человек, спасший жизнь и вам, и мне? — прошептала Джейн.

— Понятия не имею! Сначала я думал, что это тот самый Тарзан из обезьяньего племени, который прикрепил к дверям записку. Но наш лесной полубог не говорит и не понимает по-английски, так что это никак не может быть он...

— Что ж, кем бы он ни был, мы обязаны ему жизнью, и да благословит его бог! Да хранит его всевышний в этих диких и свирепых джунглях!

— Аминь, — горячо заключил Клейтон.

— И...

— Что, Джейн?

— О, если бы ваш странный лесной человек — или кто-нибудь еще, кто угодно — позаботился о спасении моего бедного отца! И о спасении дорогого мистера Филандера...

— Будем на это надеяться, Джейн, — тихо ответил Клейтон. — Завтра утром я снова отправляюсь на поиски, а пока...

— Господи боже, на каком я свете? — раздался жалобный голос.

Оба обернулись и увидели, что Эсмеральда наконец-то очнулась и села на полу, вращая глазами.

— Вы пропустили самое интересное, Эсмеральда, — устало улыбнулся Уильям. — Но вы все еще в земной юдоли! А теперь всем нам необходимо выспаться и отдохнуть. Надеюсь, в ближайшее время здешняя гостеприимная земля не преподнесет нам никаких сюрпризов!

XVI. «В высшей степени замечательно»

В нескольких милях южнее хижины на песчаной косе пустынного берега стояли два старых джентльмена и очень старались рассуждать логически.

Перед ними расстилался безбрежный Атлантический океан, за их спинами был Черный Континент, окаймленный непроницаемой стеной джунглей. В зарослях ревели и рычали дикие звери, но, должно быть, бог любит и хранит чудачков — ни один хищник не наткнулся этой ночью на профессора и его ассистента.

Однако оба старика все равно были в отвратительном настроении. Они проделали бесконечный путь в поисках лагеря, стерли ноги и ужасно устали, но так и не отыскали потерянной хижины. Хотелось бы знать, что же именно потерялось — хижина или они сами?

В любом случае ситуация была не из лучших, и, несомненно, каждая клетка их серого вещества должна была сосредоточиться на решении жизненно важного вопроса: как вернуться домой? Но поскольку этот вопрос пока что не удалось решить позитивно, ученые сделали передышку, посвятив ее обсуждению куда более важных (в мировом масштабе) вещей.

Даже в таком затруднительном положении Самюэль Т. Филандер не лишился присущего ему дара красноречия.

— Дорогой мой профессор, я продолжаю отстаивать прежнюю точку зрения: если бы не победа Фердинанда и Изабеллы над маврами, цивилизованный мир в настоящий момент стоял бы на неизмеримо более высокой ступени культуры. Мавры по существу были терпимым и либеральнейшим народом земледельцев, ремесленников и торговцев — то-есть, тем народом, который создал культуру, подобную современной культуре Европы и Америки. В то время как фанатичные католики-испанцы...

— Бросьте, дорогой мистер Филандер, — перебил своего секретаря профессор Портер, — сама сущность мавританской религии уже

исключала ту возможность, о которой вы говорите. Ислам был, есть и будет могилой научного прогресса, и я всегда утверждал...

— Господи боже, профессор, — в свою очередь прервал патрона мистер Филандер, обративший случайно взор в сторону джунглей, — по-моему, к нам кто-то крадется!

Профессор Архимед Кв. Портер рассеянно обернулся в направлении, указанном близоруким мистером Филандером, и снова вернулся к обсуждаемому предмету.

— Итак, относительно мавританской культуры... Кстати, вы должны научиться достигать той полной сосредоточенности умственных способностей, которая помогает направлять всю силу своего интеллекта на решение конкретной проблемы, а не глазеть то и дело по сторонам! Я неоднократно указывал вам на это. И вот теперь вы прерываете мою речь только для того, чтобы указать на обычного представителя *Panthera leo*. Итак, что касается культуры мавров...

— Господи боже, да ведь это лев! — воскликнул мистер Филандер.

— Ну хорошо, лев — если вы настаиваете на употреблении вульгарных слов вместо того, чтобы обратиться к научной классификации.

— Но... Но... Профессор, при всем уважении к вам позвольте заметить, что мавры, разбитые в пятнадцатом веке, вряд ли понесут большой ущерб, если мы отложим обсуждение их культуры до того времени, когда этот великолепный экземпляр *Panthera leo* будет от нас подальше.

А вышедший из джунглей лев уже успел приблизиться к ученым и с величавым спокойствием остановился в десяти шагах от громко беседующих людей.

В лунном свете, заливающим берег, его мощная фигура и пышная грива представляли на редкость эффектное зрелище.

На двух пожилых джентельменов оно произвело такое сильное впечатление, что они стали говорить немного тише.

— Крайне предосудительно, крайне предосудительно! — раздраженно воскликнул профессор Портер. — Еще никогда мне не приходилось видеть, чтобы этим зверям позволяли выходить из клетки и бродить на свободе. Надо обязательно доложить о такой возмутительной небрежности местным властям!

— Вполне справедливо, — согласился мистер Филандер. — И чем скорей мы это сделаем, тем лучше. Пойдемте же!

Схватив профессора за руку, секретарь повлек его прочь.

Старики отошли на несколько шагов, и, бросив взгляд назад, обнаружили, что лев следует за ними.

— На редкость навязчивое животное, — проворчал профессор Портер. — Итак, как показало мое собственное тщательное исследование мавританской культуры...

Мистер Филандер снова обернулся и убедился, что лев не отстает. Зверя явно заинтересовали рассуждения ученого о мавританской культуре. Казалось, он с любопытством прислушивается, шевеля большими круглыми ушами.

— Он идет за нами! — пискнул мистер Филандер.

— Что? — удивился профессор. Взглянул назад и пожал плечами. — Я усматриваю в ваших репликах упорное стремление увести разговор от обсуждаемого предмета. Если вы чувствуете слабость своих позиций, так и скажите, вместо того, чтобы...

Но тут у секретаря сдали нервы.

— Бежим! — взвизгнул он и, ухватив патрона за рукав, рысцой припустил по берегу.

— Ах, мистер Филандер, мистер Филандер, — на бегу увещевал профессор, — эта неприличная поспешность вовсе вам не к лицу! Если в городе вы не позволяете себе таких легкомысленных прыжков, почему же здесь вам то и дело отказывает чувство собственного достоинства?

Но мистер Филандер не отвечал — и мчался все быстрее. Что же касается льва, то, увидев, как два почтенных джентльмена перешли на бег, он тоже сменил величавый неторопливый шаг на легкую рысь.

Должно быть, он стремился не упустить ни единого слова из ученой беседы.

Однако обоим ученым было сейчас не до бесед! Мистер Филандер несся с такой быстротой, которая бы сделала ему честь на состязаниях в беге, а профессор Портер совершенно неожиданно для себя тоже припустил со всех ног.

В близости черногривого льва он наконец-то уловил смутную угрозу своей безопасности и поэтому развил совершенно неприличную скорость. С развевающимися фалдами пальто, сверкая цилиндром, профессор Архимед Кв. Портер мчался вслед за улепетывающим вдоль берега мистера Самюэлем Т. Филандером.

Перед ними выдавался узкий мысок, заросший деревьями — к этому-то убежищу и направил мистер Самюэль Т. Филандер свои несолидные прыжки...

А из тени рожицы за паническим бегом стариков с интересом наблюдали два зорких глаза.

Тарзан, улыбаясь, смотрел на забавную пробежку наперегонки со львом. Он знал, что оба джентльмена вне опасности — Нума явно был сыт и просто забавлялся, ленивой трусцой следуя по пятам двух удирающих во все лопатки стариков. Скорее всего, ему скоро наскучит забава, и он скроется в джунглях.

Единственной опасностью для людей было то, что они могли споткнуться и упасть — Тарзан уже убедился, как неуклюжи эти белые...

Поэтому он быстро спустился на нижнюю ветку, и когда запыхавшийся мистер Самюэль Филандер очутился под ним, Тарзан нагнулся, схватил его за шиворот, втащил на дерево и посадил в развилку под собой.

Еще минута — и та же участь постигла профессора, а *Panthera leo*, лишившись игрушек, лениво потрусил к своему логову в прибрежных зарослях.

Несколько минут двое беглецов, тяжело дыша, цеплялись за ствол дерева, на котором так неожиданно очутились, в то время как Тарзан смотрел на них сверху со смесью насмешки и любопытства.

Первым прервал молчание профессор:

— Я глубоко огорчен, мистер Филандер, что вы проявили такое отсутствие мужества и самообладания в присутствии одного из низших существ. Из-за вашей робости мне пришлось забыть о своем достоинстве, присущем любому просвященному человеку с истинно научным складом ума!

— Профессор Архимед Кв. Портер! — ледяным тоном перебил мистер Филандер. — Вы, кажется, обвинили меня в трусости? Вы намекнули, что бросились бежать только затем, чтобы догнать меня, а не для того, чтобы спастись от разъяренного льва? Берегитесь, профессор Архимед Кв. Портер! Это граничит с намеренным оскорблением!

— Ну, ну, мистер Филандер, — проворчал профессор. — Не будем ссориться. Вполне понятно, что человек, стоящий на ошибочных позициях в оценке мавританской культуры, ухватился за первый попавшийся предлог, чтобы сменить тему разговора, прежде чем его оппонент смог его разгромить...

— На ошибочных позициях?! Ухватился за первый попавшийся предлог?! Честное слово, если бы не ваш почтенный возраст, я бы... Я!..

— Послушайте, Скиппи Филандер! Если хотите драться, снимайте сюртук и спускайтесь на землю! Я живо расшибу вам голову, как сделал это шестьдесят лет назад в переулке за гумном Норка Эванса!

— Арк! — воскликнул мистер Филандер. — Господи, как мило с вашей стороны, что вы изволили вспомнить ту драку за гумном старого Эванса! Но если вы как следует напряжете память, вам

придется признать, что тогда плакал и просил пощады вовсе не я! Да-да!

— Уж не я ли? — вскричал профессор, воинственно сдвигая цилиндр на затылок.

Вдруг с вершины дерева, на котором они сидели, раздался звук, очень похожий на смех, заставивший старых спорщиков сразу умолкнуть.

— Хм... Хм... Наверное, я слишком погорячился, — проговорил наконец профессор, всматриваясь в листву над своей головой. — Надо сказать, что вы втащили меня на дерево как раз вовремя. Мне следовало бы не ругать, а поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь!

— Но я не втаскивал вас на дерево! — возразил мистер Филандер. — Вы не давали мне вставить ни слова, иначе я уже давно сказал бы, что мы оба очутились здесь весьма загадочным и странным образом. Меня как будто подняла в воздух могучая невидимая рука, и...

— Со мной произошло то же самое, коллега!

— Так кто же нас сюда поднял, коллега? И вдруг это существо до сих пор находится здесь, на дереве?!

— Не думаю, что это утверждение достаточно обосновано, мистер Филандер! — возразил профессор, в котором страсть к дискуссиям снова начала брать верх.

— Быть может, оно недостаточно обосновано, но тем не менее вполне вероятно! — живо парировал ассистент. — И я думаю, нам следует поблагодарить за свое спасение ото льва это третье лицо... Которое, может быть, сидит в данный момент как раз нам нами.

— Где? Что? — беспокойно завертел головой профессор Портер и придвинулся поближе к своему секретарю.

Как в это время обезьяний приемыш услышал, как леопард Шита ползет по веткам соседнего дерева. Следовало предупредить голодного хищника, что ему лучше не соваться к владыке горилл, а поискать добычу послабее. И Тарзан издал страшный крик, так хорошо

известный всем в джунглях, а теперь — и Джейн Портер и Уильяму Клейтону.

Зато старикам подобный вопль был внове — и поразил их, подобно грому.

На сей раз красноречивый мистер Филандер не сумел выдавить не слова, а его патрон перепуганно ухватился за лацканы пиджака секретаря... И, потеряв равновесие, оба тяжело рухнули с развилки на землю.

Прошло несколько минут, прежде чем незадачливые джентльмены решились пошевелиться, так как оба были уверены, что таковая попытка выявит у них столько переломов и вывихов, что всякое дальнейшее движение окажется невозможным.

Наконец профессор Портер попытался согнуть и разогнуть правую ногу. К его удивлению, нога исправно повиновалась. Он согнул левую ногу и так же легко ее распрямил.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал он.

— Слава богу, профессор, вы живы! — прошептал секретарь.

— Пока еще не уверен... А вы?

Мистер Филандер предпринял осторожное обследование своего организма и убедился, что все его органы функционируют нормально.

— Все в порядке! — заверил он. — Это и впрямь в высшей степени замечательно!

Вдруг его взгляд упал на странную фигуру, стоявшую возле ствола того дерева, с которого они свалились. Тарзан поспешил убедиться, все ли в порядке с его подопечными.

Вид мускулистого гиганта, одетого лишь в набедренную повязку и весело наблюдающего за двумя пожилыми джентльменами, начисто лишил секретаря дара речи.

А профессор Портер, ничего не замечая, поднял блестящий шелковый цилиндр, заботливо почистил его рукавом, поплотнее

нахлобучил на голову... И тут обнаружил, что мистер Филандер безмолвно и отчаянно указывает на что-то пальцем. Обернувшись и встретившись взглядом с обнаженным загорелым человеком, чей подбородок приходился вровень с верхушкой его цилиндра, ученый тут же вежливо приподнял упомянутый предмет своего гардероба и поклонился.

— Добрый вечер, милостивый государь! — сказал он.

Ответом ему был блеск белых зубов, приоткрытых в улыбке.

Потом гигант выразительным жестом велел обоим почтенным джентльменам следовать за ним и направился к берегу.

— Думаю, он хочет, чтобы мы шли за ним, — высказал предположение мистер Филандер.

— Да, но куда он может нас привести? — немедленно возразил профессор. — Вы же сами недавно весьма логически обосновали предположение, что лагерь находится к югу отсюда! Значит, этот неразговорчивый молодой человек движется в неприемлемом для нас направлении.

— И все-таки рискну утверждать, что этот туземец — а он, несомненно, туземец — ориентируется в данной местности лучше, чем вы или я. Поэтому предлагаю...

— Хорошо, мистер Филандер, вы можете довериться вашему туземцу, но для меня доводы разума стоят превыше слепого инстинкта дикаря. Я буду двигаться в прежнем направлении!

И профессор явно собирался изложить множество аргументов в защиту своего мнения, но Тарзан, увидев, что оба старика остались стоять на месте, вернулся и прервал речь ученого самым невежливым образом.

Он уже достаточно пронаблюдал за этими людьми, чтобы понять, что с ними нужно действовать так же решительно, как с расшалившимися обезьяньими детенышами.

И прежде чем профессор Портер успел промолвить:

— Итак, во-первых... — железная рука ухватила его за запястье, а вторая мускулистая коричневая рука так же прочно стиснула предплечье его ассистента.

И Тарзан зашагал к хижине на берегу океана, ведя за руки тщетно протестующих ученых.

Надо признать, присутствие духа не изменило старикам даже в такой отчаянной ситуации. Увидев, что их протесты ни к чему не приводят, они перестали взывать к своему странному поводырю и вернулись к обсуждению мавританской проблемы, так некстати прерванному львом.

К тому времени, как они вконец охрипли в напрасных попытках переубедить друг друга, за крутым изгибом берега показался маленький домик, покинутый ими вчера.

А их молчаливый спутник разжал тиски стальных пальцев, и, убедившись, что старики увидели хижину, исчез в ближайших кустах.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — хрипло произнес профессор. — Должен признать, мистер Филандер, что вы были правы — туземец двигался в нужном направлении.

Мистер Самюэль Т. Филандер, готовый обнять весь мир от радости, что их бесконечное путешествие наконец-то завершилось, дрожащим голосом ответил:

— По зрелом размышлении я пришел к выводу, что мне и впрямь нужно пересмотреть кое-какие свои воззрения на некоторые аспекты мавританской культуры, профессор!

И, заключив таким образом мир, оба друга устремились ко вновь обретенному дому, где их с восторгом и облегчением встретили Джейн и Уильям Клейтон.

После объятий, расспросов и сумбурных рассказов о пережитых приключениях остался лишь один невыясненный вопрос, который мучил всех собравшихся в хижине, не исключая двоих ученых спорщиков: кем был тот таинственный защитник и покровитель,

который так самоотверженно оберегал от всех опасностей очутившихся на этом диком берегу людей?

Только Эсмеральду не тревожили никакие сомнения. Она не раздумывая и весьма категорично заявила, что их спас никто иной, как ангел господень, ниспосланный свыше со специальной миссией оберегать слабых и гонимых.

— Если бы вы видели, голубушка, как этот «ангел» пожирал сырое львиное мясо, — засмеялся Клейтон, — вы бы убедились, что он вполне материален.

— Я ничего об этом не знаю, масса Клейтон! — возразила служанка. — Но ведь даже ангел мог забыть захватить с собой спички. Может быть, он слишком спешил, когда улетал на землю! А зажарить мясо, не имея спичек, не под силу даже божьему посланцу...

— В его голосе нет ничего небесного, — пробормотала Джейн Портер, содрогнувшись при воспоминании об ужасающем реве, возвестившем о победе загадочного юноши над львицей.

— К тому же воззрения современной науки не допускают вмешательства небесных сил в дела людей, — заметил профессор Портер.

Это был тот редкий случай, когда его коллега и не подумал немедленно кинуться в спор, а наоборот, энергично закивал, соглашаясь с мнением патрона.

XVII. Похороны

За всеми этими треволнениями обитатели хижины совсем забыли про бунтовщиков с «Арроу». А на борту судна давно кипела лихорадочная работа, перемежавшаяся ссорами и перебранками, то и дело вспыхивавшими между матросами.

Как только обитатели хижины выспались и немного пришли в себя, они немного удивились, увидев «Арроу» на прежнем месте: все были уверены, что, избавившись от пассажиров, мятежники поспешат поднять паруса и отправиться восвояси. Но даже Клейтон недолго размышлял о причине такой задержки: следовало как можно скорее заделать сломанную львицей решетку окна... И, конечно, убрать из комнаты человеческие кости — мрачное свидетельство трагедии, разыгравшейся здесь в стародавние дни.

Профессор Портер и мистер Филандер с огромным интересом приступили к осмотру скелетов. Большие скелеты, по их единодушному мнению, принадлежали мужчине и женщине белой расы, тогда как кости поменьше...

— Я склонен думать, что это останки детеныша одного из крупных человекообразных обезьян, — высказал предположение профессор.

— Совершенно с вами согласен, коллега, — подхватил ассистент. — Однако я затрудняюсь определить вид данного животного...

— Быть может, какая-нибудь разновидность горилл? Правда, даже при поверхностном осмотре видны некоторые существенные отличия этих костей от костей всех известных в данное время науке антропоидов...

Пока ученые исследовали удивительную находку, Клейтон тоже нашел нечто весьма примечательное: массивное кольцо на пальце большого скелета. Молодой человек осторожно снял кольцо и вдруг вскрикнул от изумления: на перстне красовался его собственный герб!

А Джейн Портер обнаружила в шкафу книги и, открыв заглавный лист одной из них, увидела надпись: «Джон Клейтон. Лондон».

— Боже мой, Уильям, что это значит? — воскликнула она, демонстрируя Клейтону свою находку. — На этих книгах имена ваших родственников!

— А это, — тихо и серьезно ответил он, — большой родовой перстень Грейстоков. Насколько я знаю, его всегда носил на пальце мой дядя Джон Клейтон, бывший лорд Грейсток, который сгинул в море вместе с пропавшим без вести судном «Фувальда».

— Так значит...

— Думаю, да. Покойный лорд Грейсток вовсе не утонул. Он умер здесь, в этой хижине, и эти скелеты — останки моего родственника и его молодой жены.

— Боже!.. — прошептала Джейн, прижимая руки к груди.

— Я много слышал об изумительном обаянии и доброте леди Элис, — продолжал Клейтон. — Слышал от ее несчастных родителей. Но я никогда и подумать не мог, что найду ее кости здесь, на безлюдном африканском побережье. Как причудливо порой переплетаются нити людских судеб и в жизни, и в смерти...

С большой торжественностью печальные останки покойных лорда и леди Грейсток были погребены у стен маленькой хижины, а поодаль был похоронен скелетик детеныша Калы.

Оба ученых так и не пришли к окончательному мнению, какому же существу принадлежал этот странный скелет. Напрашивалось самое простое объяснение — то был ребенок погибших в этой хижине людей, но... Но!

Профессор Портер прочел похоронную службу над свежевыкопанными могилами, и некоторое время все стояли, низко склонив головы, и молча молились.

А с верхушек деревьев обезьяний приемьш Тарзан наблюдал этот торжественный и непонятный обряд, чаще всего останавливая взгляд на милом лице и изящной фигуре Джейн Портер.

В его наивной душе просыпались новые, дотоле неведомые человеку-обезьяне чувства. Он удивлялся, почему его так интересуют

эти люди и почему он опекает их?

Несомненно, белые мужчины глупы и никчемны. Даже мартышка Ману сообразительней и проворней их! Если таковы все существа его породы, ему нечего гордиться своим происхождением.

Но девушка была как будто создана, чтобы находиться под чьей-нибудь защитой! А он, Тарзан, создан, чтобы защищать ее.

Лесной человек дивился, зачем белые люди вырыли в земле большую яму и спрятали туда кости. Все равно никакая самая голодная гиена не позарится на такую добычу! Зачем же прятать то, что не представляет ценности? Другое дело, если бы это было свежее мясо...

Повадки его белых соплеменников все больше и больше интриговали Тарзана. Право слово, с ними не соскучишься, не то что с чернокожими, чьи поступки всегда предсказуемы, как поступки любого зверя из джунглей!

Когда могила была засыпана землей, маленькое общество направилось к хижине, и Эсмеральда, все еще горько плакавшая по покойным, которых она никогда не знала, случайно взглянула на бухту. Ее плач немедленно смолк.

— Взгляните-ка! — взвизгнула она, указывая на «Арроу». — Они уходят!

Действительно, корабль медленно направлялся из бухты в открытое море.

— Уходят, так и не оставив нам обещанных ружей и патронов, — устало проговорил Клейтон. — Скоты!

— Это дело рук Снайпса, я уверена, — заявила Джейн Портер. — Кинг тоже был негодяем, и все же в нем оставалась хоть маленькая капля человечности. Если бы его не убили, он никогда не бросил бы нас здесь на поживу диким зверям...

— Нда, очень жаль, что все так получилось, — вздохнул профессор Портер. — Теперь, когда наши деньги в руках этих негодяев, я совершенно разорен!

Джейн Портер с грустью посмотрела на отца.

— Не жалею об этом, папа. Главное, что все мы живы и целы, правда?

— Ты права, моя милая девочка. И к тому же человек с истинно научным складом ума, несомненно, может найти применение своим способностям даже в этом заброшенном месте!

И профессор Портер, заложив руки под фалды пальто, медленно направился к джунглям.

— Пожалуйста, не уходите далеко! — умоляюще обратилась Джейн к устремившемуся за патроном мистеру Филандеру. — С нас довольно вчерашних переживаний!

— Постараюсь за ним присмотреть, мисс Портер, хотя это нелегко! — вздохнул секретарь. — Наверное, сейчас он направился к директорам здешнего зоологического сада, чтобы сообщить, что один из их львов разгуливает на свободе. О, мисс Джейн, он большой ученый, но иногда бывает просто невыносим!

— Я знаю, мистер Филандер... Но, пожалуйста, приглядывайте за ним! Несмотря на ваши вечные споры, папа искренне уважает вас, прислушивается к вашим суждениям...

— Сделаю, что смогу, мисс Портер!

И преданный секретарь присоединился к старому профессору.

— Не знаю, может, стоило запереть обоих в хижине? — пробормотал Клейтон, наблюдая за величавой прогулкой двух ученых, следующих вдоль берега.

— Не думаю, чтобы они смогли уйти далеко после своего вчерашнего многомильного путешествия! — сказала Джейн, с тревогой глядя вслед отцу. — И... Я надеюсь, что наш добрый гений, кем бы он не был, не оставит нас своими заботами и впредь!

Но Тарзан в этот миг был уже далеко.

Он очень заинтересовался отчалившим кораблем, который сам по себе был для него интересной диковиной. Человеку-обезьяне очень

хотелось осмотреть эту большую пловучую штуку вблизи, и он отправился к северу от входа в бухту. Переносясь с дерева на дерево, он достиг мыска одновременно с медленно плывущим кораблем и отчетливо увидел, как люди бегают взад-вперед по палубе и тянут какие-то веревки.

Дул легкий ветер, и матросы решили поднять все паруса, чтобы ускорить ход.

Тарзан с глубоким восхищением следил за плавным скольжением корабля и мечтал очутиться на его борту. Потом его зоркие глаза заметили на далеком северном горизонте легкий намек на дым, и вахтенный «Арроу», должно быть, тоже заметил этот дымок. Несколько минут спустя паруса были вновь спущены и закреплены, и судно повернуло к берегу.

Человек на носу время от времени опускал в море веревку, к концу которой был привязан какой-то небольшой предмет. Тарзан не понимал, зачем он это делает? Наконец судно встало на якорь, паруса убрали, на палубе началась бестолковая суматоха. В спущенную на воду лодку поместили большой сундук, дюжина матросов села на весла, и шлюпка понеслась к тому месту, где в ветвях дерева прятался человек-обезьяна.

У руля сидел матрос с острым крысиным лицом — тот самый, плечо которого ранило копье Тарзана.

Вскоре лодка причалила, матросы выскочили на берег и выволокли на песок сундук. Несколько минут они сердито спорили между собой, а потом человек с крысиной мордочкой (это был Снайпс) повел всех прямо на тот пригорок, где в ветвях высокого дерева притаился Тарзан.

— Здесь самое подходящее место, — бросил Снайпс. — Если они застигнут нас с кладом на борту, его тотчас конфискуют, а нас повесят. Закопаем профессорские монеты здесь, а когда все уляжется, вернемся.

Возражений не последовало; к дереву живо перетасчили вынутые из лодки лопаты и кирки.

— Пока будете копать, пусть Питер сделает карту этой местности, чтобы мы потом могли быстро найти это место, — распорядился Снайпс. — А вы, Том и Биль, возьмите еще двух или трех людей и тащите сюда сундук! Да поживее, лентяи!

— А ты что будешь делать, пока мы будем вкалывать? — огрызнулся один из матросов. — Корчит из себя хозяина, джентльмена?

— Делай, что говорят! — взвизгнул вожак бунтовщиков. — Иначе отправишься вслед за Гарри!

Спорщик сплюнул сквозь зубы, проворчал что-то про мразь, которая строит из себя адмирала, но хмуρο взялся за дело.

Никто из матросов не любил Снайпса, и его власть над товарищами с тех пор, как он убил Гарри Кинга, первого главаря мятежников, держалась исключительно на наглости и звериной жестокости этого маленького злобного человечка. Даже теперь, с рукой на перевязи, Снайпс внушал своим сообщникам страх — все знали, что при первом же случае непослушания он не задумываясь пустит в ход револьвер; а стрелял этот тип без промаха.

Но наконец Снайпс, осыпавший руганью работавших матросов, хватил через край. Он пнул одного из них в бок, и тогда разъяренный моряк так быстро всадил острие кирки в череп своего обидчика, что тот умер прежде, чем успел понять, что произошло.

На минуту все остолбенели, уставившись на лежащий на песке труп главаря.

Затем один из бунтовщиков сплюнул и буркнул:

— Поделом мерзавцу!

— Да, Том, ты славно его уделал! — тут же поддержал другой.

— Давно было пора проломить ему башку!

— Пусть теперь корчит из себя адмирала на том свете!

И все снова принялись работать кирками и лопатами — еще дружнее и быстрее, чем под нетерпеливые крики своего главаря.

Когда яма была готова и в нее опустили сундук, Том Тарант — матрос, убивший Снайпса — посоветовал сбросить туда же мертвое тело.

— Так прежде всегда поступали пираты, — объяснил он. — Пусть дохлый хорек караулит наше сокровище, все равно ни на что другое он не был годен!

Другие с хохотом одобрили выдумку, и труп маленького человечка шлепнулся на крышку сундука. Потом яму засыпали и старательно утоптали, прикрыв сверху валежником.

Покончив с трудами, матросы вернулись в шлюпку и стали грести к обратно кораблю.

Ветер крепчал, дым на горизонте валил теперь большими клубами, и бунтовщики, подняв все паруса, поспешили отплыть на юго-запад.

Между тем Тарзан терялся в догадках о цели странных поступков этих непостижимых существ.

Что было в сундуке, зарытом матросами? Если сундук им не был нужен, почему они не бросили его в воду, а потащили на берег? Нет, наверное, в деревянном ящике хранится что-то ценное. Они спрятали его здесь потому, что хотят за ним вернуться. Но для чего им понадобилось зарывать вместе с сундуком мертвое тело?

Спустившись с дерева, Тарзан достал лопату, предусмотрительно спрятанную матросами в груди валежника, и попытался работать ею так, как это только что делали люди.

Сперва он вытащил из ямы труп и бесцеремонно отбросил в сторону. Вслед за трупом легко извлек сундук. Четверо матросов шатались под его тяжестью, но Тарзан поднял его, как будто то была пустая картонная коробка, и взвалив на спину, оттащил подальше в джунгли.

Почти без усилий сорвав заколоченную крышку, человек-обезьяна долго и задумчиво изучал содержимое ящика; снова опустил крышку, обвязал свою находку лианой и направился с ней на северо-восток.

После пары часов неторопливой ходьбы Тарзан достиг непроницаемой стены колючих кустов и подлеска. Привычно преодолев эту преграду по деревьям, он спрыгнул на землю в амфитеатре, где гориллы собирались в полнолуние для танца Дум-Дум.

Приемыш Калы вырыл яму почти в центре арены, опустил в нее сундук, забросал землей и хорошенько утрамбовал.

Поздно ночью после удачной охоты Тарзан вернулся к хижине, которая отныне не была его безраздельной собственностью.

В маленьком домике горел свет — Клейтон нашел там непочатую жестянку керосина и хорошо сохранившуюся лампу.

Когда Тарзан подкрался к окну, он с огромным изумлением обнаружил, что внутри хижины светло, как днем!

Он часто ломал себе голову, как пользоваться лампой? Картинки в книжках не подсказали ему этого, но обосновавшиеся в доме люди легко справились с загадочным предметом. Кроме того, комнату перегораживала занавеска из парусины; таким образом маленькое помещение было поделено на мужскую и женскую половины.

В мужской половине двое ученых, по обыкновению, о чем-то спорили, Клейтон же увлеченно читал одну из книг своего дяди.

А по другую сторону занавески, сидя за столом спиной к окну, Джейн покрывала листок за листком мелким убористым почерком. В дальнем конце комнаты на ворохе травы крепко спала негритянка.

Тарзан грустно смотрел на белокожую девушку. Волны густых золотистых волос ниспадали ей на спину — человек-обезьяна никогда еще не видел такой длинной и волнистой шерсти. Как бы ему хотелось заговорить с девушкой, коснуться ее кудрей! Но он не смел этого сделать, боясь ее испугать.

А Джейн писала своей подруге, от которой ее отделяла сейчас добрая половина земного шара:

«Западный берег Африки, около 10 градусов южной широты (так говорит мистер Клейтон). 8-го (?) февраля 18... года.

Дорогая Элоиза! Быть может, я напрасно пишу это письмо, ведь оно вряд ли попадет тебе в руки. Но я испытываю огромную потребность рассказать кому-нибудь обо всем, что произошло со мной с тех пор, как я отплыла из Европы на злосчастном „Арроу“.

Если мы никогда не вернемся домой (боюсь, что так и случится), это письмо поможет мне спокойнее взглянуть в лицо судьбе, что бы не ожидало меня в грядущем.

Как ты знаешь, мой отец решил отправиться в научную экспедицию в Конго, чтобы доказать существование какой-то неслыханно древней цивилизации, последние представители которой якобы обитают по берегам одной из конголезских рек. Но теперь я могу признаться тебе в другой, тайной цели нашей поездки.

Дело в том, что некий библиофил, владеющий в Балтиморе магазином книг и редкостей, нашел между страницами старинной испанской рукописи письмо, датированное 1550 годом. В нем подробно рассказывалось о приключениях взбунтовавшегося экипажа испанского галеона, шедшего из Испании в Южную Америку с большим грузом „дублонов“ и „монет в восемь“. Возможно, я неправильно употребляю эти названия, но согласись, они звучат как-то по-пиратски интригующе.

В письме, адресованном матросом галеона своему сыну, хозяину торгового судна, давалось подробное описание драгоценного груза. Со времени бунта на корабле прошло много лет, испанский матрос давно стал уважаемым гражданином маленького городка близ Толедо. Но любовь к золоту была в нем так сильна, что на склоне лет он рискнул ознакомить сына с историей того, каким образом он когда-то упустил огромное богатство.

В письме со множеством жутких подробностей говорилось о бунте экипажа галеона неделю спустя после отплытия из Испании. Матросы перебили всех офицеров и всех осмелившихся сопротивляться пассажиров. Этой бессмысленной жестокостью они расстроили собственные планы: на борту не осталось никого, кто бы мог прокладывать курс.

Галеон носило по волнам туда и сюда целых два месяца, пока наконец не выбросило на маленький островок. Больные, умирающие от цинги, жажды и голода бунтовщики — а выжило их всего десять душ — сумели вытащить из разбитого корабля на берег один из сундуков с золотом.

Они зарыли сокровище на берегу и еще три года прожили там, надеясь на спасение. Один за другим бедняги умирали от лихорадки и недоедания, и к исходу третьего года в живых остался только матрос, впоследствии написавший письмо.

Когда умер его последний товарищ по несчастью, страшное одиночество толкнуло моряка на безумное предприятие. Еще раньше матросы сколотили из остатков своего разбитого судна плот, но не рискнули пуститься на таком хрупком сооружении в море. Но теперь испанец решил, что лучше довериться волнам, чем погибать в одиночестве в этом пустынном месте — и поднял парус.

К счастью, он сразу взял верное направление и через неделю попал в полосу рейсов торговых судов, курсировавших между Вест-Индией и Испанией. Вскоре его подобрал испанский корабль, возвращающийся на родину.

Спасенный матрос рассказал обычную историю о кораблекрушении, в котором уцелел только он, но ни словом не упомянул ни о мятеже, ни о зарытом сундуке с кладом. Зато путем осторожных расспросов он выяснил, где находился островок, ставший могилой его товарищей.

Хозяин торгового судна был убежден, что, судя по всему, то был один из островов группы Зеленого Мыса, расположенный у западного берега Африки около 16 или 17 градусов северной широты.

Далее в своем письме сыну испанец подробнейшим образом описал и сам остров, и место, где они зарыли клад, и даже вложил в конверт карту с указанием точного места, где спрятано сокровище.

Вот это испанское золото и задумал отыскать мой дорогой отец — о чем сообщил мне лишь тогда, когда „Арроу“ была уже на полпути к цели!

Когда мне открылась истинная цель нашей экспедиции, я приуныла, потому что хорошо знала, каким непрактичным мечтателем всегда оставался мой милый папа. А узнав, что он отдал за карту и письмо чуть ли не все наши деньги, да к тому же занял целых десять тысяч долларов у Роберта Канлера, дав ему вексель на эту сумму, я ушла к себе в каюту, дорогая Элоиза, и, не буду скрывать, проплакала до утра.

Мистер Канлер не потребовал никакого обеспечения, и я знала, что грозит мне в том случае, если папа не сможет заплатить по векселю. О, как я ненавижу этого коварного и жестокого бизнесмена!

Но какой смысл плакать и жаловаться, если сделанного все равно не исправишь?

Я постаралась не впадать в отчаяние, хотя ни мистер Филандер, ни мистер Клейтон, который присоединился к нам в Лондоне, нисколько не верили в существование испанского клада.

Представь же себе наше удивление и ликование, когда мы легко обнаружили нужный остров и в самом деле нашли там клад!! В большом, обитом железом дубовом сундуке, завернутом в несколько слоев промасленной парусины, было полным-полно золотых старинных монет! Ящик оказался таким тяжелым, что четыре матроса еле сумели его поднять.

Я и теперь не могу удержаться от слез, моя дорогая подружка, когда вспоминаю, как радовались мы при виде этого сокровища и каким кошмаром вскоре обернулось наше ликование!

Этот злосчастный клад, уже послуживший причиной гибели стольких людей, и нам не принес ничего, кроме горя. Искушение завладеть богатством слишком сильно подействовало на невежественных, грубых матросов, из которых состоял экипаж „Арроу“, и через три дня после того, как судно покинуло бухту острова, моряки взбунтовались точно так же, как когда-то испанцы, и тоже перебили всех офицеров.

Я просто не в силах описать этот кошмар, и молю бога об одном: чтобы тебе, Элоиза, никогда не пришлось пережить ничего подобного!

Мятежники собирались убить и нас, но их главарь, дюжий громила по имени Кинг, воспротивился новому преступлению. Тогда они решили высадить нас в каком-нибудь пустынном месте и доставили на африканское побережье, где я сейчас и нахожусь. Кажется, это самое безлюдное, страшное и дикое место на всем континенте! Конечно, я не одна, со мной мой бедный папа, его преданный секретарь мистер Филандер, моя служанка Эсмеральда и мистер Клейтон... И все-таки очень трудно не падать духом в такой ситуации, в какой мы все оказались.

Сегодня бунтовщики отплыли, бросив нас на произвол судьбы и даже не оставив нам оружия и патронов. Мистер Клейтон говорит, что негодяев ждет та же участь, что и бунтовщиков испанского галеона, потому что Кинг, единственный человек, умевший управлять кораблем, пал от руки своего товарища сразу же после высадки.

Как бы мне хотелось, Элоиза, познакомить тебя с мистером Клейтоном. Он — милейший человек и, если я не ошибаюсь, очень сильно влюбился в твою несчастную подругу.

Уильям Клейтон — единственный сын лорда Грейстока, наследник его титула и поместья. Но могу признаться, это меня как раз не волнует. Ты знаешь, как я отношусь к американкам, выходящим замуж за иностранных аристократов и кичящихся потом своим глупым титулом. Уж лучше бы Клейтон был свободнорожденным американцем!

Правда, бедняга не виноват в своем происхождении. И, надо признаться, в том ужасном положении, в котором мы казались, он ведет себя ничуть не хуже любого из пионеров, осваивавших Дикий Запад. А это самый лестный отзыв, какой я могу дать о мужчине.

Теперь перехожу к самому интересному. С тех пор, как мы очутились на этом берегу, мы испытали множество приключений, о которых ты не прочтешь ни в одном из наших с тобой любимых романов.

В первый же день папа и мистер Филандер ухитрились заблудиться в джунглях, и за ними охотился настоящий лев.

Мистер Клейтон пошел на поиски и тоже едва не стал жертвой диких зверей, а Эсмеральда и я... У меня и сейчас начинают дрожать руки при одном воспоминании о том, что мы пережили! Пожалуй, ты не поверишь, если я в подробностях опишу, как в хижину, где мы прятались, пыталась ворваться львица. О, это была просто „ужасть“, как сказала моя Эсмеральда.

А теперь приготовься выслушать самое удивительное. Здесь, в джунглях, где полным-полно кровожадных зверей, живет какое-то изумительное существо, явно посланное нам во спасение. Папа, мистер Филандер и мистер Клейтон видели этого человека и говорят, что он — белый, очень молодой юноша, обладающий силой дикого слона, подвижностью обезьяны и храбростью льва.

Он не говорит по-английски и таинственно исчезает после совершения очередного доблестного поступка; так он бесследно исчез после того, как спас меня от разъяренной львицы, убив ее (Клейтон сам это видел!) голыми руками...

Элоиза, я вижу, ты качаешь головой и скептически улыбаешься, думая о том, какая же фантазерка твоя подруга. Но люди, никогда не покидавшие цивилизованных стран, даже представить себе не могут, какие загадочные и грозные чудеса таятся в местах, подобных тому, где я очутилась! О, как бы мне хотелось убедить тебя, дорогая, что каждое написанное мною слово — правда! И как бы мне хотелось наконец увидеть моего лесного спасителя... Папа и мистер Клейтон уверяют, что он красив, как молодой бог.

Но у нас есть еще другой, не менее таинственный сосед. Он прикрепил к двери нашей хижины записку, написанную по-английски печатными буквами. Вот о чем в ней говорится: „Это дом Тарзана, убийцы зверей и многих черных людей. Не трогайте вещи, принадлежащие Тарзану. Подпись — Тарзан из племени обезьян“.

Ну разве это не удивительно?

И мы думаем, что именно этот Тарзан спас мистера Клейтона, бросив копье в плечо матроса, который собирался выстрелить Уильяму

в спину... Я назвала наследника лорда Грейстока Уильямом? Право же, я не хотела.

Но теперь ты видишь, дорогая Элоиза, что твоя подруга никак не может пожаловаться на скуку.

Матросы оставили нам очень мало провианта, и мы не знаем, как будем добывать пищу, хотя мистер Филандер говорит, что мы сможем просуществовать до бесконечности на диких плодах и орехах, которыми изобилуют здешние джунгли.

А теперь я собираюсь отдохнуть на забавной постели из трав, сооруженной для меня мистером Клейтоном. А завтра обязательно продолжу письмо, которое, боюсь, ты никогда не прочтешь, дорогая Элоиза.

Тем не менее — не прощай, а до свиданья!

Любящая тебя Джейн Портер. Элоизе Стронг, Балтимор, М. Мэриленд.»

Джейн, донельзя утомленная пережитым, отложила карандаш, улеглась на покрытую охапками душистой травы кровать и заснула так крепко, что не услышала, как в окно скользнула чья-то быстрая тень. Впрочем, пришелец двигался так бесшумно и осторожно, что его не услышали ни мужчины за парусиновой занавеской, ни негритянка, громко храпящая в углу.

XVIII. Жертва джунглей

На следующее утро Джейн Портер разбудила всех мужчин и свою верную Эсмеральду громким криком.

На столе, где она вчера оставила свое письмо, лежали спелые плоды в количестве достаточном, чтобы доотвала накормить обитателей хижины... Но самым удивительным было не это!

Рядом с письмом, адресованном Элоизе, лежала бумажка, где четкими печатными буквами было выведено: «Я, Тарзан, из племени обезьян, люблю вас. Я хочу всегда жить с вами в этом доме. Я буду носить вам самые лучшие плоды, самых нежных оленей, самую вкусную дичь. Я буду охотиться для вас. Я — величайший из охотников джунглей. Я буду сражаться за вас. Я — самый могучий из бойцов джунглей. Тарзан, самый сильный боец из племени обезьян, любит вас.»

— Самое странное любовное послание, которое я когда-либо видел! — воскликнул Клейтон, ознакомившись с текстом записки. — И, по-моему, оно адресовано вам, мисс Портер... Если только этого загадочного Тарзана из джунглей не очаровала наша Эсмеральда.

Но Джейн было сейчас не до шуток.

Листок трепетал в ее пальцах, по спине пробежала холодная дрожь.

— Подумать только, — пробормотала она, — что это страшное существо, по-видимому, следило за мной, когда я писала. А потом проникло в нашу хижину... О господи!

— Но ведь этот гость не сделал вам ничего плохого, — поспешил успокоить Клейтон испуганную девушку. — И даже оставил доказательство своей любви в виде этих великолепных плодов... Надо признать, и в этой дикой глуши встречаются джентльмены!

В глубине души он тоже был встревожен странным поклонником мисс Портер, но старался говорить весело и спокойно, чтобы утешить бедняжку.

В тот же день Клейтон накрепко заделал пробитое львицей окно, однако ничего страшного не происходило. Наоборот — почти каждый день обитатели хижины получали таинственные подарки в виде свежей дичи и спелых плодов. Проблема продовольствия, таким образом, была разрешена, хотя ни разу людям не удавалось увидеть того, что доставляет им пищу.

Тарзан с удовольствием охотился за дичью для чужестранцев. Он чувствовал, что ни одна из его прежних забав не может сравниться с радостью заботы о благополучии и безопасности прекрасной белой девушки.

Но человек-обезьяна, бесстрашно ступавший в бой с диким львами, гориллами и леопардами, не мог преодолеть странную робость, заставлявшую его прятаться от соплеменников. День шел за днем, а Тарзан продолжал оставаться для обитателей хижины незримым загадочным существом.

Постепенно белые люди освоились в непривычной для них обстановке и осмеливались уходить от дома все дальше и дальше. Не проходило и дня без того, чтобы профессор Портер с озабоченно-безучастным видом не шел прямо в пасть смерти. А мистер Самюэль Филандер, тенью следовавший за патроном, начал думать, что джунгли вовсе не так опасны, как об этом можно судить из книг.

Уильям Клейтон собрал на высоком северном мысе бухты огромную грудку сухих веток, которую можно было зажечь, если на горизонте вдруг появится корабль. Молодой человек жил надеждой, что однажды это случится, и целыми днями дежурил возле своего импровизированного «маяка».

Джейн Портер и Эсмеральда чаще всего проводили дни в поисках съедобных плодов, хотя негритянка очень неохотно соглашалась переступить границу берега и джунглей.

Во время таких прогулок Тарзан обычно безмолвно сопровождал женщин, передвигаясь по веткам над их головами, и присматривал за безопасностью белой девушки.

Но и в те часы, когда он не видел Джейн, его мысли были постоянно полны ею. Если бы он мог с ней поговорить! Но человек-обезьяна не знал звуков людского языка, а карандаш, которым он единственный раз вывел свое неуклюжее признание в любви, оказался бессилён выразить вихрь противоречивых мыслей и чувств, обуревавших его с тех пор, как он впервые увидел Джейн Портер. И часто джунгли вздрагивали от дикого крика Тарзана, в котором тот пытался излить свою страсть и смятение.

Однако не только Тарзан часто появлялся рядом с хижинкой на берегу.

Маленькие, свирепые глазки из-под низко нависших бровей с некоторых пор тоже пристально следили за обитателями дома.

В тот день Тарзан с утра охотился в джунглях и, убив большого окапи, с удовольствием набил себе живот ещё теплым дымящимся мясом. Остальное он решил отнести белым людям.

Он легко взвалил на плечи тушу и двинулся по знакомой тропе. Вскоре ему в лицо повеяло дыхание океана...

И вдруг впереди раздался такой душераздирающий женский крик, что Тарзан, уронив свою добычу, вихрем кинулся на голос.

Клейтон тоже услышал вопль Эсмеральды, услышали его и профессор Портер, и мистер Филандер. Через несколько минут все мужчины собрались у хижины, забрасывая друг друга взволнованными вопросами. Джейн Портер и Эсмеральды нигде не было видно!

После короткого спора о том, откуда именно послышался крик, Клейтон бросился в джунгли в сопровождении обоих стариков, громко окликая Джейн и её служанку. И почти сразу мужчины наткнулись на распростёртое черное тело.

Эсмеральда была жива и, кажется, невредима, но лежала в глубоком обмороке. Юноша принялся звать:

— Эсмеральда! Эсмеральда, очнитесь! Что случилось? Бога ради, скажите, где мисс Портер?

Негритянка медленно открыла глаза. Посмотрела на Клейтона, на взволнованных ученых...

— О, Габриелле! — простонала она. — Хоть бы мне умереть, господи, только бы не видеть эту ужасную образину! Это был сам дьявол, говорю вам, это был дьявол!

— Какой еще дьявол? Что случилось? Говори же! — гаркнул Клейтон, трясая негритянку за плечи.

— Дьявол забрал мою бедную мисси Джейн! — взвизгнула Эсмеральда, отбивая дробь зубами. — Он схватил бедняжку и утащил туда, на деревья! Черный, мохнатый, страшный дьявол! О, моя бедная госпожа! — и негритянка принялась рыдать вперемешку с жалобными причитаниями.

— Кто унес мою дочь? — крикнул профессор Портер.

— Должно быть, это была горилла, — высказал здравое предположение мистер Филандер, и все мужчины с ужасом переглянулись.

— Горилла? Не знаю! — всхлипнула Эсмеральда. — Я-то, прости меня, господи, подумала, что это был дьявол... Но, может, это один из тех, кого вы зовете горильмантами. О, моя бедная крошка, моя маленькая птичка, моя бедняжка! — и Эсмеральда снова разразилась рыданиями.

Клейтон уже рыскал вокруг в поисках следов, но не нашел ничего, кроме примятой травы. Что это могло ему дать?

Не зная, куда бежать, где искать похищенную чудовищем девушку, трое мужчин тем не менее весь день прочесывали джунгли. Лишь когда спустилась ночь, они волей-неволей были вынуждены прекратить поиски и, уставшие, отчаявшиеся и исцарапанные, вернулись в хижину. Убитые горем близкие Джейн Портер безмолвно сидели в маленькой комнате, не зная, что им предпринять и на что решиться.

Наконец профессор Портер прервал молчание. Тон его уже не был тоном ученого педанта, разводящего теории об абстрактном и

неведомом. Это был голос человека действия, исполненный вместе с тем такой тоски, что больно было слышать тихие слова старика.

— Сейчас я лягу, — сказал он, — и постараюсь заснуть. А как только рассветет, возьму с собой немного еды и снова пойду искать Джейн. Я буду искать мою дочь, пока не найду ее живой или мертвой. Без нее я не вернусь!

Его товарищи ответили не сразу. Каждый из них был погружен в свои печальные мысли, и каждый знал, что старый профессор сделает, как сказал. А это значило, что отец Джейн никогда не вернется из джунглей.

Наконец Клейтон встал и, положив на руку на плечо старика, проговорил:

— Я пойду с вами.

— Я знал, что вы так скажете, мистер Клейтон, но думаю, вам не стоит этого делать. Вряд ли вы — или кто-нибудь другой — сможет помочь моей Джейн. Я иду лишь для того, чтобы погибнуть с ней вместе. Мне нестерпима мысль, что моя дорогая маленькая дочурка лежит одинокая и покинутая всеми в страшных джунглях. Одни и те же стебли и листья покроют нас с ней, и одни и те же дожди будут поливать наши кости. Я пойду потому, что она была моей дочерью, существом, которое я больше всего любил!

— Я пойду с вами, — повторил Клейтон.

Старик поднял голову и внимательно посмотрел на его энергичное суровое лицо. Быть может, впервые он прочел на этом лице любовь, давно таившуюся в сердце юноши.

Обычно профессор Портер был слишком занят своими учеными мыслями, чтобы замечать мелкие факты, случайные слова, которые давно бы подсказали любому другому отцу, что молодые люди становятся все ближе друг другу. Но теперь внезапное озарение открыло ему истину, и он кивнул.

— Хорошо, отправимся вдвоем.

— А меня вы не берете в расчет? — обиженно спросил мистер Филандер.

— Нет, мой дорогой старый друг, — возразил профессор Портер, — всем вместе идти не следует. Было бы слишком жестоко оставить здесь бедную Эсмеральду совсем одну; да и вряд ли трое смогут добиться большего результата, чем двое. И так уже слишком много костей покоится на этом берегу. Пойдемте, господа, попытаемся поскорей заснуть. С первыми лучами солнца я и мистер Клейтон отправимся в лес.

XIX. Бой

С того времени, как Тарзан, приемыш обезьян, ушел из племени горилл, стаю постоянно раздирали распри и ссоры. Теркоз оказался жестоким и капризным вожаком; многие из более слабых и робких обезьян, на которых он чаще всего срывал свой буйный нрав, покинули стаю, укрывшись в глубине джунглей.

Оставшимся гориллам тоже становилось совсем неважно терпеть постоянные придирки Теркоза, и наконец один из стариков вспомнил прощальный совет Тарзана.

— Если у вас будет жестокий повелитель, — сказал, покидая стаю, прежний вождь, — пусть никто из вас не пытается восстать против него в одиночку. Вместо этого соберитесь все вместе и задайте ему хорошую трепку. Тогда ни один властитель не осмелится больше преступать законы обезьяньего народа.

Вспомнив этот совет, гориллы только ждали подходящего случая — и дождались.

Теркоз набросился на молодую самку, очутившуюся у него на дороге, и стал дубасить ее. Лучшего повода для наказания вожака трудно было придумать!

Теркоз едва успел нанести визжащей обезьяне второй удар, как пять огромных горилл-самцов дружно бросились на него.

В душе сын Тублата был отъявленным трусом, какими обычно бывают задиры и среди обезьян, и среди людей. Он и не подумал принять бой, а сразу скрылся в ветвях деревьев, а вслед ему долго неслись насмешливые крики соплеменников.

На следующий день изгнанный вождь сделал три попытки вернуться, но стая была сыта по горло его злобными выходками — Теркоза вновь и вновь решительно прогоняли прочь. Наконец огромный самец навсегда бежал в джунгли, воя и рыча от ненависти и бешенства.

Несколько дней он скитался без цели, а гнев его рос и рос... Выйдя на берег океана, Теркоз увидел там деревянное логово, в которое когда-то захаживала его стая. Теперь в странной берлоге поселились белые люди, отдаленно напоминающие приемьша Калы Тарзана... При воспоминании об этом существе, так жестоко избившем и унижившем его, рычание само собой начинало клокотать в горле гориллы, и огромные лапы сжимались, словно стискивали горло ненавистного врага.

Теркоз долго наблюдал за обитателями хижины; а особенно пристально — за двумя женщинами. Когда он жил в стае, у него было четыре самки, но теперь он остался один... И все чаще в голове огромного антропоида ворочалась мысль о том, что одна из человеческих самок могла бы стать его новой женой. Некоторое время Теркоз колебался, кому отдать предпочтение — черной женщине или белой. Негритянка куда больше походила на обезьяну его племени и цветом и величиной...

На окончательный выбор гориллы повлиял случай. Однажды изгнанный вожак заметил ненавистного Тарзана, прячущегося в ветвях дерева на краю джунглей и наблюдающего за обеими девушками. И даже такой тупой зверь, как Теркоз, сразу заметил и правильно истолковал огонь, вспыхивающий в глазах его врага всякий раз, когда тот смотрел на маленькую белую самку со странной, очень длинной и светлой шерстью на голове.

Тарзан тоже хочет эту женщину? Значит, она достанется Теркозу!

Но, опасаясь в открытую столкнуться с таким могучим противником, как приемьш Калы, самец стал выжидать удобный момент...

И такой момент наступил.

Первым чудовище заметила Эсмеральда и издала свой знаменитый вопль, лишь немногим менее страшный, чем боевой вопль большой обезьяны. Джейн Портер взглянула туда, куда указывала ее служанка, и увидела громадного черного зверя, мягко спрыгнувшего на землю в пяти футах от нее. Джейн была храброй девушкой, но при виде

мохнатого монстра с длинными ручищами и злобно оскаленной пастью тоже издала слабый крик. Громче крикнуть она не смогла, потому что у нее прехватило дыхание.

А в следующий миг волосатые пальцы больно схватили ее за плечи и подняли в воздух. Горилла вспрыгнула на ветку и скрылась, унося свою драгоценную добычу.

Как только это случилось, Эсмеральда поступила так, как всегда поступала в критические моменты, требовавшие полного присутствия духа. А именно — упала в обморок.

Если бы Джейн Портер тоже потеряла сознание (что было бы вполне естественно в такой ситуации), ей не пришлось бы вынести кошмара путешествия по деревьям в объятьях огромной гориллы.

Она чувствовала нестерпимую боль от стискивающих ее грубых рук, ощущала зловонное дыхание зверя, слышала шелест веток, по которым мчался ее похититель, и ужас перед огромной гориллой смешивался с ужасом перед пустотой, над которой они летели.

То, что с ней происходило, было так невысказуемо и дико, что Джейн не кричала и не боролась. Да и как можно бороться, когда тебя тащат по вершинам деревьев?

Бедное дитя! Если бы она знала, кто и зачем несет ее все дальше и дальше в непроходимую глушь джунглей!

Крик, который встревожил Клейтона и обоих стариков, привел Тарзана прямо к месту, где лежала Эсмеральда, гораздо быстрее этих троих. Он почти не обратил внимания на целую и невредимую служанку, сосредоточившись на более важных вещах.

Быстро обследовав землю и ближайшие деревья, Тарзан понял все, что здесь случилось, так ясно, как будто видел похищение собственными глазами. И к тому времени, как трое мужчин прибежали на крик и нашли негритянку, приемьш обезьян уже мчался по свежему следу, который никакой другой человеческий глаз не смог бы заметить, а тем более правильно истолковать.

Больше всего следов обнаруживалось на концах ветвей, где антропоид перебрасывался с ветки на ветку, но по ним трудно было установить направление движения похитителя, потому что под тяжестью тела ветка склоняется вниз и неизвестно, подымалась или спускалась по ней обезьяна. Зато ближе к стволу виднелись следы, ясно указывавшие на направление движения Теркоза. Вот тут, на ветке, большой лапой беглеца раздавлена гусеница, и Тарзан инстинктивно чувствовал, куда обрушится потом та же большая лапа... И действительно находил на соседнем дереве микроскопическую частичку уничтоженного червя или несколько светлых волосинок.

Далее он видел маленький кусочек коры, сорванный ногтями — положение излома указывало на направление пути обезьяны. Там и сям на какой-нибудь большой ветке или на стволе, которых коснулось волосатое тело, виднелись черные шерстинки.

Так, почти не замедляя бега, Тарзан мчался по горячим следам.

Но больше всего помогал ему запах, потому что ноздри человека-обезьяны были так же чувствительны, как ноздри собаки.

Есть люди, которые думают, что существа низшего порядка от природы одарены природой лучшими обонянием, чем человек, но в известной степени это дело упражнения и тренировки. Жизнь людей не так сильно зависит от их органов чувств. Способность к рассуждению освободила человека от многих обязанностей; чувства его до известной степени атрофировались — например, мышцы, управляющие ушами и волосатым покровом головы, перестали выполнять прежние функции вследствие недостаточной тренировки.

Но Тарзан, обезьяний приемщик, был исключением из правил. С раннего детства его существование зависело от остроты зрения, слуха, обоняния, осязания. Менее всего у Тарзана было развито чувство вкуса, он мог с почти одинаковым удовольствием есть роскошные плоды и сырое мясо, долго пролежавшее в земле; в этом, впрочем, он мало чем отличался от некоторых утонченных гурманов! Зато все прочие чувства, очень слабо развитые у цивилизованных людей, служили Тарзану почти так же безотказно, как диким зверям, рядом с которыми он жил.

Теркоз услышал звук погони и понял, что ему придется или бросить добычу, или остановиться и принять бой. Некоторое время он колебался, потом принял решение и быстро спустился с дерева на небольшую открытую поляну, которую природа как будто нарочно создала для драки.

Он все еще крепко держал девушку, когда Тарзан, точно леопард, прыгнул на эту природную арену.

Внезапное появление белого человека подействовало как бодрящее вино на измученную, близкую к обмороку Джейн Портер.

По описаниям Клейтона, своего отца и мистера Филандера она сразу догадалась — это то самое загадочное существо, которое не раз спасло им жизнь. Девушка приветствовала появление Тарзана слабым возгласом и протянула руки к неожиданному защитнику.

Но Теркоз грубо оттолкнул ее и издал такой ужасающий рев, что закачались лианы на деревьях. Джейн Портер в ужасе зажала уши. Надежда, затеплившаяся в ее сердце при появлении лесного юноши, почти угасла. Разве человек, каким бы сильным он ни был, мог победить такого кошмарного зверя?

Они сшиблись, как два разъяренных быка и, как два волка, старались добраться до горла друг друга. Против длинных клыков обезьяны у человека было узкое лезвие ножа.

Джейн Портер прильнула к стволу большого дерева, крепко прижав руки к груди, и широко раскрытыми глазами смотрела на бой огромной обезьяны с лесным человеком.

Когда мускулы спины и плеч схватившегося с гориллой юноши вздулись от напряжения и огромный бицепс и предплечье остановили страшные клыки, завеса веков цивилизации и культуры лопнула и перестала существовать перед помутившимся взором девушки из Балтимора.

А когда длинный нож в третий раз упился горячей кровью Теркоза, и громадная туша рухнула на землю — спасенная женщина бросилась к

мужчине, который сражался за нее и отвоевал в жестоком бою, так, как это делали женщины сотни веков назад.

А Тарзан?

Впервые в жизни он не отпраздновал победу торжествующим диким кличем. Вместо этого он схватил девушку в объятия и стал осыпать поцелуями ее дрожащие губы.

Несколько мгновений Джейн не пыталась высвободиться из сильных загорелых рук. Прикосновения лесного юноши заставили ее трепетать от чувства, которого она никогда не испытывала прежде. И впервые — робко и неумело — дочь профессора Портера ответила на жадный нетерпеливый поцелуй мужчины.

А потом завеса воспитания, условностей и культуры упала так же внезапно, как и взвилась.

Лицо Джейн Портер вспыхнуло ярким румянцем, она отпрянула от Тарзана и попятилась.

Тарзан не понял, что произошло. Девушка, которую он любил, которую только что спас, которая минуту назад отвечала на его поцелуи, вдруг оттолкнула его, и в глазах ее вспыхнул такой же страх, как тогда, когда она смотрела на похитившую ее уродливую гориллу. Что он сделал не так? В чем он перед ней провинился?

Ужас в глазах Джейн ранил его сильнее клыков Теркоза. Тарзан нерешительно взял тонкую белую руку, на которой виднелись синяки от страшных пальцев гориллы... Но это прикосновение, вместо того, чтобы успокоить бедняжку, оказало совершенно противоположное действие. В безумном ужасе Джейн рванулась прочь, а когда лесной дикарь остановил ее, с тонким жалобным криком принялась колотить крошечными кулачками по его широкой загорелой груди.

У Тарзана вырвался сдавленный стон, какого не смогла бы исторгнуть самая жестокая полученная в схватке рана.

Буря противоречивых чувств бушевала в его душе, и наконец обезьяний приемыш сделал то, чего прежде не собирался делать.

Он подхватил женщину на руки и понес ее в джунгли.

Джейн, молчавшая, пока ее уносила обезьяна, на этот раз захлебнулась воплем и снова стала колотить кулаками по твердому, как скала, телу лесного дикаря. Но это было так же бесполезно, как осыпать ударами настоящую скалу.

Рано утром четверо людей в хижине у моря были разбужены пушечным выстрелом.

Клейтон первым выбежал наружу — и увидел, что за входом в маленькую бухту стоят на якоре два судна.

Одно было странно знакомым — ну конечно же, это «Арроу»! На борту второго корабля — небольшого военного крейсера — толпилось много людей.

Однако оба судна стояли на значительном расстоянии от берега, и Клейтон с ужасом подумал, что моряки могут не заметить хижину на берегу и людей возле дома.

И пока Эсмеральда бешено размахивала над головой красным фартуком, Клейтон бегом бросился к северному мысу бухты, к своему сигнальному костру.

Ему показалось, что прошла целая вечность, пока он добрался до огромного вороха сухих ветвей и кустарника. Трясущимися руками юноша разжег огонь — и с отчаянием увидел, что на «Арроу» поднимают паруса, а крейсер уже двинулся вперед. Он помчался на самую крайнюю точку мыса, снял с себя рубашку и, привязав ее к длинной ветке, размахивал самодельным флагом над головой, пока не онемели руки.

Однако суда все удалялись, и молодой человек потерял уже всякую надежду, как вдруг толстый столб дыма, поднявшийся над лесом черной колонной, привлек внимание дозорного на крейсере, и тотчас дюжина биноклей была направлена на берег.

Оба судна повернули обратно. Потом «Арроу» остановился, покачиваясь на волнах, а крейсер медленно направился к берегу.

В двадцати ярдах от мыса он встал на якорь, к мысу заскользила шлюпка. Первым из нее выпрыгнул молодой офицер и пошел к берегу

по колено в воде.

— Господин Клейтон, я полагаю? — спросил он.

— Слава богу, вы пришли! — был торопливый ответ. — Может быть, еще и теперь не поздно!

— Не поздно — что? — осведомился офицер. — Мы двинулись сюда, как только увидели ваш сигнал...

Натягивая рубашку, которую он отвязал от ветки, сбиваясь и путаясь в словах, Клейтон рассказал о том, что вчера была похищена юная девушка и что им нужны вооруженные люди, чтобы прочесать джунгли.

— Дьявол! — воскликнул офицер. — Если бы мы явились раньше... Но вечер и целая ночь в джунглях, в лапах огромной обезьяны... Бедная девушка, не знаю, чем теперь ей можно помочь!

От крейсера отвалило еще несколько шлюпок. Клейтон отчаянно умолял офицера поскорей послать людей в джунгли — как знать, может, еще не поздно? — и к его горячим просьбам присоединились наконец-то примчавшиеся на мыс запыхавшиеся старики и плачущая Эсмеральда.

Среди офицеров последней шлюпки был командир корабля. Услышав историю о похищении Джейн Портер, он печально покачал головой, но все-таки выкликнул охотников сопровождать профессора Портера и Клейтона в их поисках.

Охотников набралось даже больше, чем могли надеяться близкие пропавшей девушки, и командир выбрал двадцать матросов и двух офицеров — лейтенанта Арно и лейтенанта Картера. Пока лодки перевозили на берег продовольствие, патроны и оружие, Клейтон расспрашивал Арно — того самого офицера, который первым высадился на мыс — как случилось, что они пришли к этому побережью, да еще в сопровождении мятежной «Арроу»?

Оказалось, что месяц тому назад дозорный военного крейсера увидел «Арроу», шедшую на юго-запад под всеми парусами, но без флага. Когда судну просигналили, веля подойти, оно, наоборот, резко

сменило курс, явно стараясь уклониться от встречи. Заподозрив неладное, крейсер пустился в погоню, но более легкому паруснику удалось улизнуть. Военный корабль опять пошел на юго-восток, и на нем уже успели забыть о приключении с погоней, как вдруг рано утром, пару недель тому назад, вахтенный опять заприметил знакомое судно, мотающееся по волнам — было видно, что им никто не управлял. Фок-шток и контр-бизань были подняты, как будто судно пытались поставить носом по ветру, но недавний шторм разодрал в клочья полотнища парусов.

Сперва командир решил переждать, пока ветер уляжется, и тогда уже пойти на сближение, но потом заметил человеческую фигуру, цепляющуюся за перила и слабо машущую тряпкой.

Тотчас спустили шлюпку, и она пристала к борту «Арроу». Зрелище, встретившее моряков на палубе этого судна, было самым безотрадным. Около дюжины мертвых и умирающих людей катались туда-сюда при килевой качке, живые вперемешку с мертвецами. Два трупа были обглоданы до костей — отчаявшиеся матросы дошли до людоедства.

Призовая команда скоро поставила на судне необходимые паруса, живым членам злосчастного экипажа оказали посильную помощь, а мертвых, завернув в брезент, привязали к палубе, чтобы товарищи могли опознать их прежде, чем они будут брошены в пучину. Оставшиеся в сознании матросы рассказали своим спасителям печальную историю о кладе, искушении, бунте и высаженных на пустынном берегу пассажиров.

История эта нам уже известна, поэтому нет смысла ее повторять.

А вот что произошло после отплытия «Арроу».

Так как на борту не осталось никого, кто бы мог управлять судном, вскоре после выхода в море начались споры о том, где они находятся и какого курса следует держаться. Три дня бунтовщики плыли на восток, но земли все не было видно; тогда они повернули на север, боясь, что северные ветры отнесли их к югу от Африки. Два дня шли они шли курсом северо-восток... И попали в штиль, продолжавшийся почти неделю. Вода иссякла, а через день кончились и запасы пищи.

Положение становилось все хуже, и на палубе каждый день раздавались проклятья в адрес испанского золота, из-за которого они влипли в это дерьмо. Один матрос сошел с ума и прыгнул за борт. Вскоре другой матрос вскрыл себе вены и стал пить собственную кровь. Когда он умер, его тоже бросили за борт, хотя некоторые требовали, чтобы трупы держали на борту. Голод постепенно превращал людей в диких зверей.

За два дня до того, как их встретил крейсер, мятежники так ослабели, что не могли уже управлять судном; в тот день умерло еще три человека. На следующее утро оказалось, что один из трупов частью съеден.

Весь день люди лежали и сверкающими глазами смотрели друг на друга с жадностью изголодавшихся хищных зверей. А на другое утро уже два трупа оказались обглоданными почти до костей.

Но эта еда каннибалов их мало подкрепила, потому что отсутствие воды было куда более сильной пыткой, чем голод. И тогда появился крейсер.

Когда выжившие поправились, вся история бунта была с их слов тщательно занесена в вахтенный журнал, но матросы «Арроу» оказались слишком невежественными, чтобы суметь указать, в каком именно месте берега были высажены профессор и его спутники. Поэтому крейсер медленно плыл вдоль всего побережья, изредка давая пушечные сигналы. Военные исследовали каждый дюйм берега в подзорные трубы.

Ночью они становились на якорь, утром снова продолжали упорные поиски... И наконец-то судьба им улыбнулась!

Офицер рассказал Клейтону, что они стреляли из пушек еще вчера, но далеко за мысом, и, вероятно, эти звуки не были услышаны обитателями хижины.

— Если бы знать!.. — мрачно проговорил молодой офицер, но не закончил фразы, взглянув на окаменевшее лицо Уильяма Клейтона.

Клейтону казалось, что время остановилось, что они попусту теряют драгоценные секунды, но наконец-то все приготовления к спасательной экспедиции были завершены, и небольшой отряд во главе с двумя офицерами и с профессором Портером в арьергарде отправился на почти безнадежные поиски.

XX. Наследственность и инстинкт

Джейн Портер наконец отказалась от отчаянных и бесплодных попыток вырваться. Теперь она в полубеспамятстве лежала в объятьях лесного дикаря, запрокинув голову и глядя сквозь ресницы в лицо того, кто нес ее на руках, легко шагая через заросли.

И она не могла не признать, что то было лицо необычайной красоты. Оно являлось идеальным типом мужественности и силы, который так хорошо умели передавать резцы ваятелей Ренессанса. Хотя Тарзан и был убийцей людей и животных, он (за редким исключением) убивал, как убивает охотник, не по злобе, а чтобы поддержать свою жизнь. Ни разгульная жизнь, ни темные страсти не наложили печать на это прекрасное лицо.

В тот миг, когда Тарзан напал на Теркоза, девушку поразила яркая красная полоса на его лбу, идущая от левого глаза до начала волос. Теперь, когда она внимательно рассматривала черты своего спасителя, полоса исчезла, только узкий белый шрам отмечал то место, где она проступала.

Ярко-синие глаза в обрамлении длинных мохнатых ресниц, губы, в уголках которых таилась улыбка, буйная грива черных спутанных волос — вот что сумела разглядеть девушка, снизу вверх смотревшая на странного лесного полубога.

Тарзан взглянул ей в глаза и неожиданно улыбнулся, а Джейн невольно ответила ему улыбкой... И внезапно страх оставил ее — она давно уже не чувствовала себя в такой безопасности, как в кольце этих сильных загорелых рук.

Должно быть, Тарзану передались ее чувства, потому что он улыбнулся еще раз, показав ровные белые зубы, и, остановившись, осторожно поставил девушку на землю.

Джейн не призналась бы даже самой себе, что почувствовала некоторое разочарование, когда путешествие в объятьях лесного божества так внезапно закончилось.

Она опустилась на мягкую траву небольшой полянки, куда ее принесли, и странный юноша по-звериному гибко уселся перед ней.

Нет, его явно не следует бояться! В этом она все более и более убеждалась, пытливо разглядывая тонкие черты и краснея под таким же пристальным изучающим взглядом синих глаз, ярко поблескивающих на загорелом лице.

А Тарзан в это время решал для себя вопросы, от которых могла бы закружиться голова у любого цивилизованного человека. Ему же, приемышу обезьян, не имеющему никакой возможности поговорить с этим восхитительным созданием, сидящим на расстоянии вытянутой руки, хотелось скулить и выть от сознания собственного бессилия — но даже этого он не мог сделать, чтобы не напугать девушку еще больше.

Как бы узнать, нравится ли он ей хоть немного? Он с тоской подумал, что она уже ответила на этот вопрос, сопротивляясь и пытаясь его оттолкнуть... Но потом Тарзан с надеждой вспомнил, как непонятно порой ведут себя белые люди — никогда не знаешь точно, что у них на уме! Если он так противен этой девушке, почему теперь, когда он больше ее не держит, она не пытается убежать?

Тарзан знал имя своей прекрасной пленницы — много раз он слышал, как белые мужчины окликали ее: «Джейн!» Он почти собрался с духом, чтобы попытаться выговорить эти звуки, но...

Джейн, донельзя измученная пережитыми волнениями, вдруг склонилась на шелковистую густую траву и по-детски положила ладонь под щеку. Она еще раз взглянула на сидящего рядом победителя ужасной обезьяны — и с давно позабытым чувством полнейшей безопасности погрузилась в глубокий сон.

Когда она проснулась, Тарзан ходил по поляне, и девушка невольно отметила изящество его походки, совершенство высокой фигуры и гордую посадку прекрасной головы на широких плечах.

Что за изумительное создание! Ни жестокость, ни низость не могут таиться под такой богоподобной внешностью. «Никогда еще, —

подумала она, — подобное совершенство не ступало по этой грешной земле!»

Тарзан услышал, что она села, и приветствовал ее пробуждение улыбкой, снова вызвавшей ответную улыбку Джейн. Девушка собралась с духом, и, преодолев робость, впервые попробовала заговорить со своим спасителем.

Юноша напряженно всматривался в ее шевелящиеся губы, причем любая смена интонации вызывала всплеск эмоций его в темно-синих глазах — так, как ветер заставляет волны играть всеми цветами лазури и ультрамарина. Но он не ответил ни единым словом, и у Джейн упало сердце. Может быть, он немой? Но тогда он мог бы хоть показать жестами, что понимает!

Она попробовала снова, на этот раз заговорив по-французски. Тщетно!

Синеглазый бог только грустно покачал головой, и от этой грусти у Джейн защемило сердце.

— Ничего, — ласково сказала она, робко положив ручку на большую загорелую руку. — Мы обязательно сумеем договориться!

Грусти в синих глаза как не бывало.

Юноша вскочил со звериной грацией пантеры и выразительными знаками объяснил, что они должны оставить это место. Скоро ночь, и здесь небезопасно — так поняла его жестикуляцию Джейн и, не раздумывая, кивнула. Несмотря на неудачную попытку вступить в разговор, теперь она безраздельно доверяла этому странному человеку. Она уже поняла, почувствовала всем сердцем, что именно он — их вечный спаситель, защитник и «посланник небес», как упорно именовала его Эсмеральда.

Но к тому, что произошло вслед за ее кивком, Джейн все-таки оказалась неподготовлена.

В следующий миг она оказалась в объятиях лесного бога, а тот, крепко прижимая девушку к себе, птицей взлетел с ней на дерево.

Джейн невольно вскрикнула... Но тут же страх ушел, и осталось только захватывающее ощущение полета. Если на протяжении их пути ей и доводилось кричать, то не от страха, а восторга — она продолжала чувствовать себя в абсолютной безопасности, пока загорелая мощная рука обвивала ее талию, а ее руки держались за шею мчащегося по деревьям Тарзана.

И когда человек-обезьяна вместе со своей ношей спрыгнул в амфитеатре, где гориллы обычно танцевали Дум-Дум (трудно было найти более безопасное место в джунглях) и опустил девушку на землю, Джейн воскликнула задыхающимся от восхищения голосом:

— О, как это было чудесно! В жизни не испытывала ничего подобного!

Ей ответила сияющая улыбка, юноша жестом показал, что она может располагаться здесь... И, повернувшись, стремительно исчез в зарослях.

Джейн Портер недоумевала: зачем он ее оставил? Неужели он бросил ее здесь, в начинающих темнеть диких джунглях?

Она испуганно оглянулась. Каждый куст, окружающий большую круглую поляну, каждое дерево за стеной колючего кустарника казались ей логовищем какого-нибудь огромного ужасного зверя, только и ждущего мгновения, чтобы вонзить клыки в ее тело. Каждый звук превращался в ее воображении в поступь крадущегося в полутьме хищника.

Куда девалось то чувство безопасности, к которому она начала уже привыкать! Как изменился лес с тех пор, как она осталась без своего спутника и защитника!

Сжавшись в комочек, Джейн опустилась на траву, готовая заплакать. Но даже плакать она боялась.

Так девушка просидела десять или двадцать минут, показавшихся ей целой вечностью. Она почти молила о жестоких клыках, которые принесли бы ей смерть и прекратили эту агонию страха.

Услыхав позади легкий шорох, она со сдавленным криком вскочила...

Перед ней стоял Тарзан, держа охапку роскошных плодов.

Джейн Портер пошатнулась и упала бы, если бы юноша, бросив свою ношу, не поддержал ее. Она крепко прижалась к нему, дрожа, как испуганная лань.

Тарзан, приемыш обезьян, на этот раз не воспринял прикосновения Джейн как приглашение к поцелуям. Он тихо и нежно гладил шелковистые волосы, стараясь успокоить ее тихим бормотанием, как это делала Кала, когда в далеком детстве он пугался змеи Хисты или львицы Сабор.

И Джейн хотелось, чтобы это длилось вечно.

Она никак не могла понять, что же такое с ней происходит. Ей не хотелось думать о будущем, она почти забыла о тех людях, которые, без сомнения, сейчас горевали о ней. Ей просто было хорошо и спокойно, и она покорилась судьбе. За несколько истекших часов она вдруг стала доверять этому загадочному лесному существу так, как доверяла лишь очень немногим мужчинам. А что, если это необыкновенное состояние было просто-напросто любовью? Ее первой любовью!

Вспыхнув от своей догадки, Джейн Портер слегка отодвинулась от Тарзана и взглянула на него со смесью беспомощности и вызова. Потом указала на плоды в траве и села на барабан антропоидов, предлагая поужинать.

Тарзан воспринял ее приглашение как должное. Он подал ей банан, сел рядом и принялся с аппетитом уничтожать авокадо.

Они ели в молчании, время от времени украдкой бросая друг на друга все более веселые взгляды, пока наконец Джейн Портер не разразилась звонким смехом, к которому присоединился Тарзан.

— Как все-таки жаль, что вы не говорите по-английски, — вздохнула девушка.

Тарзан покачал головой, и выражение трогательной и жадной пытливости омрачило его смеющиеся глаза.

Тогда Джейн Портер попыталась наудачу заговорить с ним по-немецки, но сама рассмеялась над своими ошибками при попытке говорить на этом языке.

— Во всяком случае, — улыбнулась она, — вы понимаете мой немецкий язык так же хорошо, как его понимали в Берлине!

Тарзан засмеялся, как будто оценил эту шутку. Потом он встал и попытался объяснить знаками, что скоро вернется. Джейн поняла и не испугалась, когда он исчез — в своей обычной манере растворяться в листве подобно бесплотному духу.

Но ее охватило острое чувство одиночества, и она нетерпеливо ожидала возвращения лесного человека. Он вернулся с огромной охапкой веток, которые бросил на дерн. В следующий раз он принес много мягких трав и папоротника. И вскоре на поляне появился шалаш из веток, вход в который прикрывали огромные листья «слонового уха».

— Получилось очень уютно, — одобрила Джейн, и загорелый великан просиял при виде ее восторга.

В этом могучем человеке часто проскальзывало что-то детское, отчего у девушки щемило сердце.

Они снова уселись вместе на край барабана и попытались разговаривать знаками.

Великолепный бриллиантовый медальон, висевший на шее Тарзана, давно привлек внимание Джейн, и вот теперь она осмелилась дотронуться до этой безделушки. Тарзан немедленно снял медальон с шеи и передал ей.

Оправа драгоценности явно вышла из рук искусного ювелира, бриллианты удивляли чистотой, но по огранке камней было видно, что работа несовременная. Девушка заметила, что медальон открывается, нажала скрытую пружину, и половинки раскрылись. В каждой створке оказалось по миниатюре на слоновой кости.

Одна изображала молодую красавицу, а другая казалась точным портретом сидевшего рядом с ней Тарзана! Джейн с удивлением взглянула на него — и увидела, что юноша с не меньшим удивлением смотрит на миниатюры. Он осторожно забрал у нее медальон и уставился на картинки так, словно видел их в первый раз в жизни. Очевидно, так и было — лесной гигант не знал, что медальон открывается.

Как же это прекрасное украшение попало в руки дикого существа, живущего в неисследованных джунглях Африки?

Но еще поразительней было сходство юноши с человеком, изображенным на миниатюре.

Тарзан вдруг испугал девушку, резко скинув с плеча колчан. Он высыпал все стрелы на землю, достал со дна деревянной трубки плоский предмет, завернутый в несколько слоев бумаги, и стал разворачивать листы. Наконец в его руках очутилась фотография. Указывая на миниатюру мужчины в медальоне, он передал фотографию Джейн Портер.

— О боже!

При последних лучах заходящего солнца девушка убедилась, что на фотографии улыбается тот же молодой человек, что и на миниатюре.

Тарзан растерянно смотрел на нее и молча шевелил губами, как бы силясь задать какой-то вопрос.

Джейн самой хотелось засыпать его тысячей вопросов, но этот беспомощный недоумевающий взгляд сразу отвлек ее мысли от загадки.

— Ничего, — ласково сказала она, глядя его руку. — Все образуется! Может, сейчас лучше поспать? Утро вечера мудренее!

Он кивнул, как будто понял, и несколько минут сидел молча, устремив глаза в землю.

А Джейн в это время в голову пришло простое объяснение. Медальон принадлежал покойному лорду Грейстоку, и на миниатюрах изображены он сам и леди Элис. Это дикое существо просто нашло

медальон в хижине на берегу. Как глупо было с ее стороны сразу не подумать об этом!

Но странное сходство лорда Грейстока с лесным богом... И те останки малыша в хижине... Папа и мистер Филандер уверяли, будто кости принадлежали не человеку... Можно ли предположить, что этот голый дикарь — сын лорда?!

Тарзан медленно поднял голову, и девушка протянула ему медальон. Он взял драгоценность и вдруг надел украшение ей на шею.

Джейн Портер горячо потрясла головой в знак отказа, попыталась снять золотую цепочку, но Тарзан взял ее руки в свои, а когда она стала настаивать, сам помотал головой.

Девушка покорилась. Честно говоря, от какого-нибудь другого мужчины она не приняла бы такой дорогой подарок... Но этот подарок сделал ей именно он!

Она благодарно поднесла медальон к губам и, встав, сделала юноше маленький реверанс.

Тарзан не знал точно, что она хочет этим сказать, но правильно догадался — это способ выразить признательность. Тогда он тоже встал и в точности повторил ее движения.

С веселым смехом Джейн направилась к маленькому убежищу, сооруженному ее кавалером... Но у входа вдруг заколебалась.

В первый раз после нескольких спокойных часов к ней вдруг вернулся страх, и Тарзан увидел, что она опасливо смотрит на него.

Однако время, проведенное с этой девушкой, сделало Тарзана совершенно иным, чем он был утром. Теперь в его душе наследственность и природные качества говорили громче, чем воспитание. Он, конечно, не переродился за один день из дикой обезьяны в утонченного джентльмена, но инстинкт последнего стал преобладать; он весь горел желанием понравиться женщине, которую любил, и больше всего боялся уронить себя в ее глазах! Он чувствовал, что между ним и Джейн протянулись тонкие нити, и готов был на все, только бы их не порвать.

Итак, Тарзан, обезьяний приемщик, сделал единственную вещь, которая могла убедить Джейн Портер в его добрых намерениях. Он вынул из ножен нож и передал его девушке вперед рукояткой. Потом показал на свое сердце.

Девушка поняла эту пантомиму так ясно, как если бы услышала красноречивую тираду на своем родном языке. Она мягко отвела нож в сторону и, больше не колеблясь, вошла в шалаш, где улеглась на мягкие травы.

Уже засыпая, она увидела, что Тарзан растянулся на земле поперек входа.

Когда Джейн Портер проснулась, она не сразу припомнила удивительные происшествия минувшего дня и удивленно заморгала при виде густой листвы над своей головой и солнечных лучей, бьющих в отверстие шалаша.

Но потом вчерашние события разом встали перед ее мысленным взором, и на нее нахлынула теплая волна благодарности к человеку, спасшему ее от ужасной опасности.

Она села, выглянула из шалаша, но не увидела Тарзана, только на траве у входа отпечатались следы его тела. Девушка поняла, что он пролежал там всю ночь, охраняя ее. Она знала, что именно благодаря его присутствию ночь прошла так спокойно и мирно.

Разве можно бояться рядом с таким человеком? Вряд ли на земле существовал еще хоть один мужчина, под защитой которого женщина чувствовала себя в полной безопасности в диких африканских джунглях. Даже львы и пантеры были ей теперь не страшны!

Джейн услышала, как раскричались на деревьях птицы, взглянула вверх и увидела гибкую фигуру, возникшую в путанице ветвей. Тарзан легко спрыгнул на землю, и девушка приветствовала его радостным возгласом. В ответ загорелое тонкое лицо озарилось той открытой, сияющей улыбкой, которая накануне завоевала ее доверие.

Он явился, как и вчера, с охапкой плодов в руках, и глаза Джейн Портер заблестели, как не блестили никогда при виде самого

обворожительного цивилизованного мужчины.

Они уселись рядышком, чтобы позавтракать. На этот раз девушка щебетала без умолку, не смущаясь тем, что сотрапезник не может понять ее.

В то же время Джейн Портер раздумывала, какие у него теперь планы? Доставит ли он ее назад на берег, или будет держать здесь? И вдруг поняла, что последняя перспектива не очень ее тревожит.

Она начала также понимать, что, сидя рядом с улыбающимся синеглазым гигантом и уничтожая восхитительные плоды в этом лесном раю, скрытом в глубине африканских джунглей, она счастлива, как никогда в жизни.

Что за удивительная вещь!

Казалось, она должна была быть измучена и пережитым, и страхом за свое неясное будущее, должна была терзаться самыми мрачными предчувствиями — а вместо этого ее сердце радостно трепетало, когда она рассказывала о своих детских проделках человеку, который не понимал ее рассказа, но то и дело улыбался так, как никто другой не умел!

Когда они кончили завтрак, Тарзан встал, какое-то время испытующе и грустно смотрел на Джейн, а потом сделал знак, чтобы она не боялась.

— Конечно, я не боюсь! — весело ответила та.

Тогда юноша обхватил ее талию сильной рукой и вспрыгнул на нижнюю ветку дерева на краю поляны.

Джейн догадалась, что ей снова предстоит испытать восхитительное чувство полета.

Но вскоре к ее восторгу стала примешиваться печаль. Девушка поняла, что лесной бог несет ее к берегу океана, и даже радость оттого, что она вскоре увидит отца, не смогла заглушить боли от предчувствия разлуки с Тарзаном.

Человек-обезьяна тоже впервые в жизни ощутил странную боль в сердце — он должен был вернуть Джейн родным, но как же ему не хотелось расставаться с ней! Он двигался неспеша, пытаясь как можно дольше продлить путешествие, в котором нежные тонкие руки обвивали его шею, а вьющиеся волосы касались его щеки.

Много раз они останавливались для короткого отдыха, в котором Тарзан совсем не нуждался, а в полдень сделали долгий привал у небольшого ручья, где поели и утолили жажду.

Солнце уже клонилось к закату, когда они очутились на самом краю леса, и Тарзан, спрыгнув с дерева, раздвинул высокую траву и указал Джейн на маленькую хижину на берегу.

Он боялся, что его спутница тут жекинется к дому, но вместо этого девушка взяла его за руку и долго молча стояла рядом. Потом тряхнула головой и потянула его за собой.

Джейн хотела, чтобы лесной полубог пошел с ней, она мечтала рассказать отцу, как этот человек спас ее от смерти, как он берег и охранял ее!

Но Тарзаном, приемышем обезьян, снова овладела робость дикого существа и недоверие к людям. Он покачал головой и отступил.

Девушка смотрела на него умоляющими глазами. Ей была невыносима мысль, что сейчас он уйдет и, может быть, они никогда больше не увидятся!

Но юноша продолжал качать головой.

— Пожалуйста! — взмолилась Джейн. — Пойдемте со мной! Я так хочу познакомить вас с отцом!

Он заглянул ей в глаза вопросительно и несмело — и вдруг бережно прижался губами к ее губам. Тарзан не забыл, как его отталкивали и били во время прежних поцелуев, и не был уверен, что снова не обидит любимую.

Но на этот раз девушка порывисто обвила его шею руками и страстно ответила на поцелуй.

— Я люблю вас, люблю! — шепнула она.

Вдруг из джунглей донесся слабый треск многих ружейных выстрелов. Тарзан и Джейн Портер вздрогнули, очнулись — и увидели, как из хижины внизу вышли мистер Филандер и Эсмеральда.

— Я должна идти, — через силу улыбнувшись, прошептала Джейн. — Папа наверняка с ума сходит от волнения! Как бы я хотела, чтобы вы познакомились с ним...

Тарзан беспокойно посмотрел на джунгли, где опять затрещали выстрелы.

— Не понимаю, что там происходит, — озадаченно сказала девушка.

«И не понимаю, почему меня это так мало волнует!» — мысленно добавила она.

Снова взглянула вниз, где возле хижины нервно расхаживал мистер Филандер... А когда обернулась, лесного юноши рядом не было.

Джейн захотелось плакать.

— Возвращайтесь! — громко крикнула она в лесную полутьму. — Я буду ждать вас, ждать всегда!

Но ей ответил только крик попугаев — и Джейн Портер медленно пошла к дому.

Мистер Филандер наконец-то увидел ее. Уже стемнело, а секретарь профессора был очень близорук.

— О господи, это, должно быть, лев! — вскричал он. — Или львица! Бегите, Эсмеральда!

Эсмеральда не стала утруждать себя проверкой сказанного мистером Филандером. Испуганного тона ей оказалось вполне достаточно. Она мигом очутилась в хижине и заперлась изнутри раньше, чем он договорил.

Ученый обнаружил, что дверь закрыта, и выбил по ней отчаянную дробь.

— Эсмеральда! — вопил он. — Впустите! Лев уже рядом!

Служанка спохватилась, что слишком рано опустила щеколду, но прежде чем успела исправить роковую оплошность, по своему обыкновению упала в обморок.

Мистер Филандер бросил назад испуганный взгляд. Ужас! Спускающаяся по откосу темная фигура была уже близко. Ученый попытался вскарабкаться по стене хижины, но тут же рухнул на спину.

И тут он припомнил тезис, который развивал один его знакомый естествоиспытатель (правда, ни разу не бывавший в джунглях). Если верить теории этого ученого мужа, хищники никогда не трогают человека, притворившегося мертвым.

И мистер Филандер продолжал лежать там, где упал, леденея от страха. Так как его руки в момент падения были вытянуты кверху, а опустить их ученый не посмел, эта поза смерти выглядела не слишком убедительной.

Джейн Портер с удивлением смотрела на отцовского секретаря. Потом засмеялась — и этого оказалось достаточно, чтобы мистер Филандер быстро открыл глаза и приподнял голову. Ни в одной из теорий современной зоологии не говорилось о том, что хищники могут подражать человеческому смеху. Наконец мистер Филандер разглядел Джейн.

— Джейн! — крикнул он и проворно вскочил. — Боже праведный!

Он бросился к девушке и крепко обнял ее.

— Вы живы, живы! Какое счастье! Какая радость! Эсмеральда, да откройте же наконец дверь!

— Зачем она заперлась? — удивилась девушка. — И где папа и мистер Клейтон?

— Они отправились в лес, чтобы найти вас! Господи помилуй, профессор сойдет с ума от счастья, когда вернется! Но расскажите же наконец, что с вами случилось! Эсмеральда, вы собираетесь открыть дверь, или по вашей милости мы должны заночевать снаружи?!

XXI. Деревня пыток

Пока Джейн Портер переживала удивительные приключения в джунглях, маленький отряд, который двинулся на ее поиски, с трудом пробирался сквозь заросли. Бесплезность поисков пропавшей девушки становилась все очевидней, но горе старика и яростный взгляд молодого англичанина удерживали офицеров от того, чтобы повернуть назад.

Пока оставалась хоть какая-то надежда найти тело Джейн Портер, надо было прочесывать лес. Даже если ее растерзали хищные звери, спустя день еще могли сохраниться какие-то останки... Если бы только знать, в какую сторону идти!

Сперва люди двигались цепью, но, отойдя миль на шесть от того места, где была найдена Эсмеральда, рассыпались по одному и, обливаясь потом и задыхаясь, продолжали продираться сквозь спутанный кустарник и перевитые ползучими растениями тесно растущие деревья. Они часто стреляли — как в слабой надежде привлечь внимание девушки, если она жива, так и для того, чтобы не потерять друг друга.

Полдень застал поисковый отряд в десяти милях от берега, где часть людей вышла на широкую тропу.

Это была старая слоновая тропа, и профессор Портер, Клейтон и лейтенант Картер решили пойти по ней.

Остальные растянулись на порядочном расстоянии влево и вправо от дороги, стреляя и время от времени крича.

Лейтенант Арно медленно продвигался сквозь заросли на правом фланге отряда, часто теряя из виду матроса, который чертыхался далеко слева от него. Джек Арно тоже не мог удержаться от ругательств — невозможность предпринять для спасения девушки более эффективные меры, чем это бессильное блуждание по лесу, приводила его в ярость. Джунгли казались безлюдными, как в первый день творения, и он не поверил своим глазам, когда внезапно из подлеска впереди бесшумно выскочило полдюжины черных воинов.

Арно не успел ни крикнуть, ни вскинуть винтовку — на голову его обрушился страшный удар, и он потерял сознание.

Никто из рассыпавшегося по лесу отряда не заметил случившегося.

Только когда лейтенант Картер решил собрать людей, чтобы посоветоваться, стоит ли продолжать путь, обнаружилось, что один человек пропал.

Энергичные поиски привели отряд к месту засады — и тут стало ясно, что джунгли не так безлюдны, как казалось раньше. Матросы нашли обломок стрелы и ремень от колчана — но никаких следов того, куда утащили пропавшего офицера...

Лейтенанту Картеру пришлось принять нелегкое решение. Быстро сгущалась ночь, и он рисковал безопасностью всего отряда, если прикажет сейчас рыскать по джунглям. Отыскать кого-либо в темноте представлялось совершенно невозможным.

Оставалось одно: остановиться и ждать до рассвета. Картер с бессильной яростью выругался и приказал разбивать лагерь.

Джек Арно очнулся под злобные крики на каком-то непонятном языке.

Он лежал в папоротниках со связанными руками, а рядом лопотали, визжали и размахивали руками шесть чернокожих воинов, вооруженных копьями и луками. Арно напрягся, застонал от боли в затылке, перевернулся на бок — и обнаружил, что с него сорвана вся одежда, которая служит теперь весьма забавным добавлением к гардеробу его похитителей.

Услышав стон пленника, негры обратили к нему свирепые, украшенные татуировкой лица.

— Привет! — сказал лейтенант злобно уставившимся на него чернокожим. — Хочу предупредить: в детстве я болел желтухой, так что лучше меня не есть!

Ситуация казалась самой неподходящей для шуток, но Джек Арно всегда предпочитал зубоскалить, а не жаловаться, когда попадал в переplet. К тому же он рассчитывал, что человеческая речь если не

укротит, то хотя бы смягчит этих свирепых обитателей африканских джунглей...

Но вместо того, чтобы успокоить негров, речь пленника, наоборот, привела их в дикое бешенство.

Натерпевшиеся от белых людей несправедливости и унижений, каннибалы с радостью перебили бы всех появившихся в их лесах солдат, но побоялись напасть на целый отряд. Сила винтовок белых людей была им хорошо известна.

Хорошо, что им посчастливилось изловить хотя бы одного из белокожих пришельцев! Они сразу перерезали бы ему горло, если б вождь Мбонга не приучил своих воинов притаскивать пленных живьем. А уж как вождь обрадуется пленному европейцу! И дикари, сделав остановку, яростно спорили, кто из них больше отличился в поимке такой редкостной добычи и кому должна принадлежать честь вести пленника в деревню...

Вот тут-то их добыча очнулась и подала голос. Мало того — осмелилась улыбнуться!

Чернокожие со злобными криками бросились к Арно, подняли его и погнали сквозь джунгли. Сначала юноша ругался и проклинал своих конвоиров, потом замолчал. Молодой человек понял, что его ярость только радует этих свирепых дикарей, и, сжав зубы, не издавал ни звука, даже когда его босые ноги ступали по острым камням, а колючие ветки царапали обнаженное тело. Зато все время, пока его тащили сквозь заросли, он выискивал малейшую возможность сбежать... Но его руки были жестоко скручены за спиной крепким ремнем, конец которого ни на миг не выпускал один из чернокожих.

Наконец впереди показались поля, а за ними — частокол, окружающий тростниковые хижины.

— Вот мы и дома! — пробормотал Арно. — Самое время, ваши мамочки, наверное, уже волнуются...

Часовые у ворот увидели приближавшуюся группу и тут же поняли, какого редкостного пленника к ним ведут.

В деревне поднялся неистовый крик радости, и из-за частокола повалила толпа мужчин, женщин и детей.

Началось самое ужасное испытание, которому только может подвергнуться человек: прием европейца в поселке африканских каннибалов. С воем, способным испугать любого льва, все племя накинулось на Арно. Его били кулаками и царапали ногтями; каждый старался протиснуться вперед, чтобы ударить ненавистного белого, лишенного сейчас защиты револьверов и ружей и даже непрочной защиты одежды. Чернокожих приводило в еще большую ярость то, что пленник упорно молчал, какие бы удары не сыпались на его обнаженное дрожащее тело.

Лейтенанта наверняка забили бы насмерть, если бы не вмешался Мбонга и не отогнал своих соплеменников прочь. Убить пленника так быстро — ну нет, белый пес не отделается легкой смертью! Когда вождь объяснил подданным, какая забава их ждет, все одобрили решение вождя радостным завыванием.

Арно поволокли в центр деревни, привязали конец ремня, который стягивал его руки, к покрытому старой засохшей кровью столбу, и оставили в покое. Женщины принялись деятельно готовиться к будущему пиршеству, а мужчины — к развлечению, которое должно было начаться, как только последние охотники вернутся из леса.

Что касается детей, то они сперва окружили скорчившегося возле столба пыток пленника, бросая в него палками и камнями, а после окрика одного из стариков с визгом и воплями рассыпались по поселку. Казалось, никто не обращал внимания на Арно, но он знал: передышка сулит ему куда худшие мучения, чем те, которые он уже пережил.

Приготовления, кипевшие вокруг, заставляли юношу содрогаться от ужаса; никогда за всю свою жизнь он не попадал в такое безвыходное положение. Но лейтенант Джек Арно, наверное, не оставил бы попыток спастись, даже угодив в котел каннибала. А сейчас от этих котлов его все-таки отделяло какое-то время...

И находившийся в центре поселка людоедов избитый, босой, голый, связанный и безоружный человек нащупал скрученными за спиной руками один из камней, брошенных в него ребятишками, и стал перетирать ремень об острую каменную грань.

Женщины между тем зажигали костры и готовили кухонную утварь так деловито, как будто им предстояло приготовление самого обычного ужина; созерцание этих хлопот должно было прибавить лишних мучений жертве, обреченной на скорую ужасную смерть. Голые детишки резвились с радостным визгом; здесь и там кружились в пляске чернокожие воины, размахивая копьями; из темных джунглей доносилось порывание зверей; душная дневная жара давно сменилась ночной прохладой...

Дрожа от холода и возбуждения, Арно продолжал отчаянно перепиливать ремень, хотя не очень-то представлял, что будет делать, когда ремень лопнет.

Не успел он закончить свою работу, как новый взрыв радостных криков возвестил, что последние охотники вернулись из джунглей.

Вскоре застучали барабаны, и размалеванные воины, держа наготове копья, стали приближаться к привязанной к столбу жертве. Вот один из чернокожих занес копье, чтобы для начала слегка кольнуть белого человека...

Но тут, поддавшись яростному усилию Арно, ремень порвался — и, вскочив на ноги, юноша проскользнул между воинами и помчался к палисаду.

Этот маневр вызвал у негров мгновенное замешательство; потом раздался многоголосый рев, и все племя во главе с самим Мбонгой ринулось в погоню.

Забава получилась даже еще веселей, чем обещал вождь!

Белому все равно никуда не уйти, но погоня — отличная прелюдия к пыткам, вроде пикантной приправы к лакомому кушанью. Каннибалы быстро вошли во вкус. Куда бы пленник не направлял свой бег, один или несколько воинов преграждали ему дорогу и заставляли сменить

направление, нанося удары копьем. Чернокожие не спешили прикончить жертву, и все-таки острые трехгранные острия наносили белому болезненные раны. Ребятишки и женщины азартно вопили, подзадоривая охотников щегольнуть своей ловкостью.

Сперва Арно пытался добраться до ворот, но ему много раз отрезали дорогу, и тогда он бросился к центру деревни. У него мелькнула мысль попытаться выскользнуть в джунгли с другой стороны поселка — не исключено, что там тоже есть ворота...

Лучше уж стать жертвой диких хищников, чем этих зверей в человеческом обличье, которые воют за его спиной!

Юноша мчался по улице, освещенной кострами, помечая свой путь каплями крови, стекающей с израненных боков, груди и плеч. Однако, несмотря на боль от ран, он сумел далеко опередить чернокожих... Только затем, чтобы убедиться: впереди возвышается глухой частокол в два человеческих роста.

Это был конец!

Арно на мгновение остановился, а потом снова побежал.

Теперь его гнал вперед не столько разум, сколько инстинкт преследуемого зверя. Он метнулся в сторону и кинулся в западную часть поселка. Может, там ему повезет? Ему удалось проскочить мимо кучки воющих от восторга мужчин и женщин, но вторая группа бросилась наперерез. Одно копьё чиркнуло его по плечу, другое поразило в ногу выше колена... Арно упал, вскочил и, хромя, метнулся в другую сторону. Он ворвался в щель между тесно стоящими хижинами, а толпа чернокожих, застряв в узком проходе, разразилась неопишным криком. Джек напруг все силы, стараясь увеличить расстояние между собой и отставшими преследователями, все еще отчаянно надеясь на чудо.

В груди его горело, дыхание с хрипом вырывалось из широко открытого рта, огни костров выплясывали вокруг какой-то дикий танец... Вот он опять упал и несколько мгновений стоял на четвереньках — загнанный зверь, тяжело поводящий окровавленными боками... Затравленно озираясь, беглец увидел, что справа в лабиринте

тростниковых хижин чернеет крошечная темнота. Новая безумная надежда подняла Джека на ноги и швырнула в темноту между хижинами.

Расставшись с Джейн, Тарзан помчался туда, откуда слышались выстрелы. Они могли означать, что старому человеку, к которому так нежно относилась его подруга, угрожала опасность. Если это так, он должен спасти старика!

Вскоре Тарзан прибыл на место происшествия и убедился, что почтенный профессор Портер цел и невредим, зато в джунглях появились новые белые люди, и один из них успел угодить в лапы чернокожих дикарей.

Конечно, а чего еще можно было ждать от таких беспомощных существ, как его соплеменники? Они, похоже, рождаются на свет только для того, чтобы попадать в беду!

От нежной ласковой Джейн человек-обезьяна и не думал требовать навыков сородичей Калы, зато неуклюжесть, глупость и трусость белых мужчин вызывали в нем сильное раздражение. Он морщился при одном воспоминании о путешествии в обществе Клейтона. Этот болван не мог сделать даже то, что смог бы каждый маленький обезьяныш: удержаться на его спине!

Некоторое время Тарзан колебался, стоит ли ему заниматься дикарями и их пленником, или лучше сразу вернуться к Джейн... Но потом все-таки отправился по следам мужчины, которого утащили к поселку Мбонги.

Он прибыл к деревне каннибалов как раз в тот момент, когда Арно оказывали первый теплый прием.

Хотя приемыш обезьяны думал, что его белые собраты уже ничем не смогут его поразить, он был несказанно удивлен поведением пленника. Тарзану неоднократно приходилось видеть, как встречают негры пойманных в джунглях чернокожих из других племен — эти несчастные всякий раз вопили так, что их было слышно чуть ли не на берегу океана. Но белый юноша, который был ненамного старше Тарзана, упрямо молчал, какими бы ударами не осыпали его людоеды.

Человек-обезьяна видел, что это молчание приводит дикарей в еще большее неистовство. Он видел, как вождь с трудом обуздал своих подданных, как приказал привязать светловолосого юношу к столбу в центре деревни.

Тарзан воспользовался суматохой, царившей в поселке, чтобы перебраться на хорошо знакомое дерево недалеко от ограды. С его высоты приемыш обезьяны при свете костров разглядел, как Арно начал перепиливать камнем стягивающие его запястья ремни...

Этот белый не желал сдаваться даже в такой безнадежной ситуации! Тарзан почувствовал, как его уважение стойкостью соплеменника перерастает в восхищение.

Он должен попытаться спасти этого человека! Но как?

Тарзан глубоко задумался. Любая попытка вырвать у чернокожих их добычу — из центра поселка, при свете множества костров — привела бы к тому, что их обоих прикончили отравленные стрелы. Человек-обезьяна знал, какую быструю смерть несут эти легкие оперенные лучинки, и понимал, что ускользнуть вместе с пленником из поселка, где каждый второй вооружен луком и стрелами, ему сейчас не удастся.

Поэтому он смотрел, кусая губы, на злое приготовления людоедов, и ждал какого-нибудь удобного поворота событий...

Когда же юноша вдруг оборвал ремень и бросился бежать, с трудом удержался, чтобы не соскользнуть с дерева ему на помощь.

Арно доковылял до большого дерева на краю деревни, прислонился спиной к стволу и повернулся лицом к своим преследователям.

Ему не удалось затеряться среди хижин и выиграть гонку со смертью. Все, что теперь оставалось делать — это показать каннибалам, как может умирать белый человек!

— Ну, кто хочет проводить меня на тот свет? — прохрипел Арно, обводя полубезумным взглядом приближающихся мучителей. — Кому проломить башку?

Казалось, он еле держится на ногах, но когда к нему подскочил дюжий негр, вооруженный короткой дубинкой, удар, нанесенный по

всем правилам бокса, опрокинул дикаря на спину.

Теперь даже Мбонга не мог — да и не пытался — удержать распаленных погоней воинов! На руку, сокрушившую челюсть чернокожего, тут же обрушились две дубинки, и полдюжины копий были вскинута для последнего удара...

Но тут с вершины Священного Дерева раздался замораживающий душу вопль, который старейшины негров называли голосом Могучего Духа. Людоеды не раз слышали этот крик и смертельно боялись его. А теперь Могучий Дух кричал совсем близко, с ветвей своего Священного Дерева. Бог здесь! Он пришел в их поселок! Он гневается!

И все воины, женщины, дети с жалобным воем повалились ниц, коснувшись головами и вытянутыми руками земли.

Джек Арно, оцепеневший при звуке невыносимого крика, раздавшегося прямо над его головой, ничего не понимал.

Все каннибалы, словно пораженные заклятьем, лежали на земле и не смели пошевелиться. Путь к воротам был наконец-то свободен... Но он уже не в состоянии был сделать ни шагу.

Вдруг наверху раздался тихий шорох, и на землю рядом с ним мягко спрыгнул черноволосый гигант. Перебитая правая рука Арно висела, как плеть, поэтому он замахнулся на нового противника левой рукой...

Однако это движение исчерпало все его возможности к сопротивлению. Костры вокруг начали стремительно гаснуть, Джек почувствовал, как его поднимают в воздух, как земля проваливается куда-то вниз...

А потом все затянула милосердная черная тьма, в которой не было ни страха, ни усталости, ни боли.

XXII. Разведчики

Едва стало достаточно светло, чтобы можно было двигаться сквозь джунгли, лейтенант Картер поднял свой маленький отряд и повел к берегу за подкреплением.

Когда люди добрались до побережья, двоим это возвращение принесло такую огромную радость, что все страдания и переживания прошлых дней были мгновенно забыты.

Первый голос, приветствовавший профессора Портера и Сесилия Клейтона, был звонкий голос Джейн Портер, выбежавшей из хижины.

Она бросилась на шею отцу и залилась счастливыми слезами.

А профессор Портер, уткнув морщинистое лицо в плечо дочери, заплакал, как усталый ребенок. Клейтон, как ему не терпелось поскорей забросать Джейн вопросами, тактично оставил ее наедине с отцом. Он отошел к морякам, которые устало садились в шлюпку, чтобы плыть к крейсеру.

Лейтенант Картер готовился доложить командиру о неудачном исходе предприятия.

Наконец Клейтон медленно вернулся к хижине. Его сердце пело от счастья, хотя судьба злополучного лейтенанта Арно слегка омрачала его радость. Но жизнь военных полна опасностей и риска уже потому, что они избрали подобную карьеру... Зато женщина, которую он любил, была спасена!

Он дивился, каким чудом удалось ей спастись? Это казалось почти невероятным.

Когда Клейтон направился к хижине, Джейн Портер поспешила к нему навстречу.

— Джейн! — крикнул он. — Я до сих пор не знаю, какими словами благодарить создателя за то, что вижу вас живой!.. Скажите наконец, как вы спаслись? Может, бестолковая служанка все перепутала и вы вовсе не были в лапах гориллы?

Никогда прежде он не обращался к ней таким нежным тоном, и еще недавно Джейн Портер залилась бы румянцем от удовольствия, услышав такие слова. Но теперь проникновенный тон Клейтона только ее встревожил.

— Мистер Клейтон! — сказала она, протягивая руку молодому человеку. — Прежде всего позвольте вас поблагодарить за рыцарскую преданность моему дорогому отцу. Он рассказал о вашей смелости и самоотверженности. Как мне отплатить вам за такую доброту?

— Отплатить? — удивленно переспросил Уильям. — Боже мой, Джейн, какая еще плата мне нужна, кроме счастья видеть вас живой и невредимой!

Клейтона больно укололи ее нейтрально-дружеские слова, но он тут же укорил себя, что хочет слишком многого. Бедняжка столько вынесла... Сейчас не время навязывать ей свою любовь!

— Я уже вознагражден, — повторил он, — тем, что вижу в безопасности вас и профессора Портера, и тем, что все мы снова вместе. Это было самое тяжелое испытание в моей жизни, мисс Портер, когда я подумал, что...

— Папа очень горевал? — живо перебила Джейн, прежде чем он успел сказать что-нибудь о своих чувствах.

— Он был просто убит вашим исчезновением! И не только он, но и...

— Да, и моя бедная Эсмеральда, и дорогой мистер Филандер — они так радовались моему возвращению, что чуть не задушили меня в объятьях! — снова поспешно перебила Джейн.

Ей не хотелось говорить с Клейтоном на опасные темы, и в то же время она горела желанием задать ему один вопрос, который казался почти святотатственным перед лицом ужасных испытаний, перенесенных близкими из-за нее. Да, в то время, когда она сидела, смеясь, рядом с богоподобным лесным существом, ела дивные плоды и замирала под горящими любовью взглядом синих глаз, ее несчастный отец умирал от тревоги за пропавшую дочку! А тот

бедный офицер, который исчез во время поисков и, может быть, сейчас лежит мертвым в лесу?

Но любовь — могучий и эгоистичный властелин, а природа человека — странная вещь. И Джейн все же задала заветный вопрос, хотя так и не оправдалась перед собственной совестью. Она ненавидела и презирала себя в тот момент, когда бросила самым небрежным тоном:

— А тот лесной человек, наш спаситель? Вы не встречали его, когда бродили по джунглям?

— О ком вы говорите?

— О том, кто вызволил однажды и вас, и меня, и папу... А вчера спас меня от лап гориллы.

— Что?! — удивленно воскликнул Клейтон. — Так это он вас спас?! Похоже, чудеса продолжают! Расскажите же о том, как белый дикарь сумел вызволить вас и когда вы с ним расстались?

— Но, — еще небрежней проговорила Джейн, — я думала, вы последним видели нашего лесного друга. Он принес меня к хижине и вернулся в джунгли еще вчера... Так вы его не встречали?

Клейтон не мог не заметить ее взволнованного тона и умоляющего выражения глаз — Джейн не умела притворяться. Юноша удивился тому, что она так озабочена тем, где сейчас находится странное лесное существо, и досадливо закусил губу. Впервые в нем шевельнулась ревность к обезьяне-человеку, которому он был обязан жизнью.

— Мы его не видели, — ответил Клейтон спокойно. — Он не счел нужным показаться на глаза нашему отряду и объяснить, что мы напрасно теряем время... Возможно, он ушел к своему племени — к тем дикарям, которые на нас напали.

Уильям не знал, почему он говорит то, во что сам не верит; но любовь — воистину странный властелин!

Девушка взглянула на него широко раскрытыми глазами.

— Нет! — пылко воскликнула она.

Слишком уж пылко — подумалось Клейтону.

— Нет, не говорите глупостей! На вас напали негры, а он — белый и... И...

— И?

— И он джентльмен!

Клейтон смутился, но его соблазнил маленький зеленоглазый бесенок.

— Джентльмен? Этот скачущий по деревьям голый дикарь? Он — дитя джунглей, мисс Портер. Мы почти ничего о нем не знаем, но ясно — он не понимает ни одного европейского языка, а его украшения и оружие — украшение и оружие дикарей западного побережья.

Клейтон говорил все более возбужденно.

— На сотни миль вокруг нас нет других человеческих существ, мисс Портер, одни дикари! Он, наверное, полукровка с некоторой примесью белой крови. Или он принадлежит к племени, напавшему на нас, или к какому-нибудь другому, но в любом случае он — дикарь... Может быть, даже каннибал!

Джейн Портер побледнела.

— Я не верю вам, — прошептала она отчаянно. — Это неправда. Вот увидите, он вернется и докажет вам, как вы ошибаетесь! Вы же ничего о нем не знаете, как сами только что признались, а я... Я-то его знаю! Говорю вам, что он джентльмен! Он добрый и смелый! И это он спас меня, а не вы!

Клейтон был великодушный и рыцарственный молодой человек, но то, как любимая женщина защищала лесное создание, пробудило в нем безрассудную ревность. Он забыл все, чем был обязаны этому дикому полубогу, и бросил с язвительной усмешкой:

— Возможно, вы правы, мисс Портер, вы знаете этого молодца лучше, чем я. Вы же провели с ним вместе ночь, не так ли?

— Что?!

— Но вам вряд ли стоит так беспокоиться о полубезьяне, поедающей падаль. Он весьма вольготно чувствует себя в джунглях! И знаете, что мне вдруг подумалось: а может, это какой-нибудь полупомешанный моряк с потерпевшего крушение судна? Я слышал о таких несчастных, утративших от одиночества человеческий облик... А то, как он лазает по деревьям, говорит о навыке карабканья на мачты и реи, правда, мисс Портер?

Девушка долго не отвечала, хотя чувствовала, как больно сжимается ее сердце. Гнев и злоба, направленные против того, кого мы любим, ожесточают наши сердца, но боязнь выдать истинные чувства заставляет пристыженно молчать.

Джейн знала правдивость Клейтона и не подозревала его во лжи. В первый раз она взглянула на объект своей любви чужими глазами и глубоко задумалась.

Не ответив на тираду молодого человека, она медленно пошла к хижине, повесив голову и глядя себе под ноги. Она пыталась представить своего лесного бога, скажем, в салоне океанского парохода. Она вспомнила, как он ест руками, разрывая пищу, словно хищный зверь, как вытирает затем испачканные пальцы о бедра — и содрогнулась.

Потом девушка вообразила, что представляет его своим светским друзьям — неуклюжего, неграмотного, грубого...

Джейн вошла в комнату, села на край постели из трав, прижав руку к груди, и вдруг почувствовала под блузкой твердые очертания медальона. Она вынула медальон и с минуту смотрела на него затуманенными от слез глазами. Потом прижала драгоценность к губам, упала на постель, зарылась лицом в папоротники и зарыдала.

— Зверь? — всхлипывая, прошептала она. — Тогда пусть бог и меня обратит в зверя! Человек он или зверь, я люблю его! Люблю! Люблю!

В тот день Джейн больше не видела Уильяма Клейтона. Когда Эсмеральда принесла ей ужин она велела передать отцу, что ей нездоровится. Никто не удивился: бедное дитя, ей сколько пришлось

пережить! Одна в джунглях, сперва в лапах дикой гориллы, потом во власти столь же дикого лесного человека! Брр!

Наутро Клейтон ушел со спасательной экспедицией на поиски лейтенанта Арно. На этот раз в отряд входило двести человек, не считая десяти офицеров и двух врачей. Провианта должно было хватить на неделю, оружия и боеприпасов хватило бы на два таких отряда.

Неудивительно — то была скорее карательная, чем спасательная экспедиция.

Люди добрались до места схватки вскоре после полудня, потому что шли теперь по знакомой дороге. Недалеко от слоновой тропы удалось отыскать дорожку, ведущую в поселок Мбонги. В два часа пополудни отряд, разделившись на две части, бесшумно окружил деревню каннибалов.

Лейтенант Картер около получаса нетерпеливо ждал сигнала о том, что все готово к атаке. Эти полчаса показались ему целым месяцем. Из-за прикрытия чащи матросы молча смотрели, как туземцы работают на полях и спуют у ворот поселка.

Наконец раздался сигнал — резкий ружейный выстрел — и ответные залпы грянули из джунглей к западу и к югу от поселка.

Каннибалы в панике кинулись к палисаду. Пули косили без разбору и мужчин, и женщин, а матросы, перепрыгивая через распростертые тела, бросились к воротам.

Нападение было совершенно так неожиданно, что белые ворвались в деревню прежде, чем туземцы успели организовать оборону. В следующую минуту поселок наполнился треском выстрелов и людьми, сражавшимися врукопашную в путанице хижин.

Несколько минут черные стойко бились, но револьверы, ружья и кортики смяли их сопротивление, и лишь немногие черные стрелки успели схватиться за луки.

Бой перешел в преследование, а затем в страшную резню: матросы нашли обрывки мундира Арно на некоторых из черных воинов.

Когда белые прекратили наконец убивать, во всем поселке Мбонги не осталось ни одного живого человека, кроме троих пленных. Уцелевшие дикари бежали в джунгли.

Отряд обыскал каждую хижину, каждый уголок поселка, но не нашел ни Джека Арно, ни его останков. Один из матросов, служивший во французском Конго, знал ломаное наречие, бывшее в ходу у некоторых племен побережья. Он попытался допросить пленных, но захваченные дикари — две женщины и ребенок — отвечали только возбужденной жестикуляцией или гримасами ужаса. Наконец все уверились, что обитавшие в поселке демоны умертвили и съели их товарища — как иначе объяснить наличие здесь одежды Арно и множества старых человеческих костей и черепов?

Потеряв всякую надежду, отряд стал готовиться к ночевке в деревне. Пленных собрали в хижине под усиленным караулом, у ворот выставили часовых — на тот случай, если бежавшие дикари вернуться. Наконец весь поселок погрузился в молчание, нарушаемое лишь плачем туземных женщин.

На следующее утро экспедиция двинулась в обратный путь. Моряки мечтали сжечь поселок дотла, но офицеры им это запретили и отпустили пленных. Дикари и так получили хороший урок, а уничтожение деревни все равно не вернуло бы к жизни лейтенанта Арно!

Экспедиция медленно шла сквозь джунгли, унося десять раненных и двух убитых.

Клейтон и лейтенант Картер замыкали печальное шествие; англичанин молчал из уважения к горю своего спутника, так Картер и Арно были хорошими друзьями.

Обиднее всего, что гибель Арно оказалась напрасной: Джейн Портер спаслась еще раньше, чем молодой офицер попал в руки дикарей. Значит, он потерял жизнь ради девушки, которую ему даже не суждено было увидеть!

Но когда Клейтон высказал эти мысли вслух, лейтенант Картер покачал головой:

— Нет, не корите себя за смерть Джека. Он никогда не пропускал ни одной заварушки и всегда готов был рискнуть головой ради хорошего дела. Я не знаю, как он встретил смерть, но уверен, что никто из нас не смог бы взглянуть в лицо костлявой так весело и мужественно, как это сделал Джек Арно... Военный всегда ходит по краешку, и когда он срывается вниз, это — естественный и достойный конец, мистер Клейтон. Надеюсь, я тоже встречу смерть «в сапогах», как говаривали мои предки из Невады...

Клейтон не ответил.

Поздно вечером они дошли до хижины на берегу. Один выстрел заранее известил бывших в лагере и на корабле, что экспедиция окончилась провалом.

Их встретили печально-торжественно, и шлюпки, увозя на крейсер раненых, мертвых и просто смертельно уставших людей, заскользили к военному судну.

Клейтон, изнуренный пятидневной ходьбой по джунглям и недавней схватками с чернокожими, вошел в хижину, чтобы перекусить и отдохнуть.

Джейн Портер подала ему еду и долго не решалась нарушить молчание.

— Бедный лейтенант! — наконец сказала она. — Неужели вы не нашли даже его останков?

— Ничего, мисс Портер, — с трудом ответил он.

— Но, может, хоть какой-нибудь след?

— Лучше не спрашивайте об этом, Джейн! Это слишком ужасно.

— Они пытали его? — прошептала она.

— Я не знаю, что они делали с ним перед тем, как убили.

— Перед тем, как убили? Вы хотите сказать, что они?... Они?...

Голос Джейн прервался.

— Да, они каннибалы, — ответил Клейтон, слишком усталый для того, чтобы лгать или смягчать слова.

Джейн вскрикнула и закрыла лицо руками.

Потом она вспомнила, как Клейтон говорил, будто лесной человек происходит как раз из этого племени, и вскрикнула вторично.

— Как бы там не было, теперь лейтенант Арно мертв, и все его страдания позади, — пробормотал Уильям.

Ему тоже вспомнился человек из джунглей, и страшная беспричинная ревность снова охватила его. Встав из-за стола, Клейтон язвительно бросил:

— Когда ваш лесной бог так внезапно покинул вас, он, наверное, торопился на пир.

Он пожалел о своих словах еще раньше, чем договорил. А в следующий миг девушка гордо вскинула голову и хлестнула его презрительным взглядом.

— На это можно дать единственный ответ, мистер Клейтон, — отрезала она ледяным тоном. — Жаль, что я не мужчина, чтобы вам ответить достойным образом!

Она повернулась и ушла за парусиновую перегородку.

Клейтон был медлителен, как истый англичанин, и девушка успела скрыться прежде, чем он успел сообразить, как вымолить у нее прощение.

— Сдается, я получил по заслугам, — прошептал он грустно. — Уильям, я знаю, что вы утомлены и издерганы, но это не причина быть ослом. Идите-ка лучше спать!

Но прежде чем лечь, он тихонько позвал Джейн Портер, желая извиниться. Однако с таким же успехом он мог бы обращаться к камню! Тогда он написал записку на клочке бумаги и просунул ее под занавеску.

Джейн Портер увидела бумажку, но притворилась, будто ничего не замечает. Она была рассержена, обижена и оскорблена, и все-таки

женское любопытство заставило ее как бы случайно подобрать послание. Вот что она прочла:

«Дорогая мисс Портер, у меня не было никакого основания сказать то, что я сказал. Единственным извинением за мою грубость может послужить то, что нервы мои расшатались окончательно... Впрочем, какое же это извинение! Пожалуйста, поверьте — я не хотел Вас обидеть. Мне очень стыдно за свое поведение. Скажите, что Вы прощаете меня.

Ваш Сесиль Клейтон.»

— И ни слова о том, что он обидел не только меня, — пробормотала девушка. — Ни слова о том, что он оскорбил человека, спасшего ему жизнь!

Добрая по натуре, она готова была простить, но не стала поднимать парусиновой занавески. Ее напугал теплый тон письма, где между строк говорилось гораздо больше, чем в немногих заключавшихся в записке словах.

Она жалела, что познакомилась с Клейтоном. Она жалела также, что встретила с лесным богом...

Нет, себя не обманешь — последнему она была рада!

Вертя в пальцах письмо Клейтона, девушка почему-то вспомнила бумажку, которую нашла на столе в этой хижине — любовную записку, подписанную Тарзаном из племени обезьян.

Кем мог быть тот загадочный поклонник? Что, если он все еще не оставил мысли завладеть ею?

Ей стало не по себе.

— Эсмеральда! Проснитесь! — позвала Джейн. — Как вы можете спокойно спать, когда кругом столько горя!

— Габриелле! — воскликнула Эсмеральда, проснувшись и испуганно привскочив. — Что опять стряслось? Носорог? Или лев? Где, мисси Джейн?

— Вздор, Эсмеральда, никого тут нет. Ложитесь лучше снова! Вы громко храпите во сне, но, по крайней мере, не говорите тогда глупостей!

— Деточка моя сладкая, что с вами, мое сокровище? Вы сегодня будто не в себе, — обиженно проворчала служанка.

— Ах, Эсмеральда, ты права. Я сегодня ужасно гадкая. Не обращай внимания... И, правда, ложись-ка ты спать!

— Хорошо, сахарная моя, но ложитесь-ка и вы тоже. А я со всеми этими рассказами массы Филандера о ринотамах и о каких-то людоедских гениях скоро вовсе лишусь сна!

Джейн Портер засмеялась, подошла к кровати Эсмеральды и, поцеловав преданную негритянку в щеку, пожелала ей спокойной ночи.

XXIII. Братство

Сознание возвращалось к Арно рывками. Одна за другой лопались укрывавшие его темные завесы беспамятства — и вот он вздрогнул от яркого света, мельтешащего за опущенными веками; открыл глаза и увидел нависающие над ним зеленые листья.

А мгновенье спустя он ощутил нестерпимую боль во всем теле и разом вспомнил о пережитом кошмаре. Поселок дикарей, отчаянные попытки бегства, удары, вой, рев, еще удары, горящие вокруг костры, снова удары — и наконец...

Арно хотел приподнять голову, чтобы выяснить, где он находится, но это движение обрушило на него такую лавину страдания, что юноша задохнулся. Кажется, на нем нет ни единого живого места, а его правая рука наверняка сломана в нескольких местах... И все-таки он жив!

Со второй попытки Джек повернул голову — и пожалел, что не умер.

Джек Арно был чертовски храбр, но с того дня, когда десятилетним мальчишкой он упал с высокого дерева, куда полез за птичьими яйцами, в нем поселился безумный страх высоты. А сейчас он лежал на шатком сооружении из переплетенных веток, сквозь которые чуть ли не в ста футах внизу виднелся подлесок джунглей, скрывающий невидимую землю!

Арно застыл, обливаясь холодным потом. Он попытался вцепиться в жерди площадки, но от слабости едва смог сжать пальцы левой руки... А его перебитую правую руку туго охватывала грубая ткань!

Когда Джек осознал это и увидел, что на его раны наложены примитивные повязки из трав, он на секунду даже забыл о страхе высоты. Голый и истерзанный, он лежал на колеблющейся площадке на высоте ста футов над землей, но кто-то явно пытался ему помочь... Неужели он среди друзей?

Юноша медленно повернул голову, взглянул в другую сторону — и увидел рядом с собой обнаженного коричневого гиганта с блестящими браслетами на руках и ногах. Свернувшись клубком, дикарь спал, и черная грива спутанных волос закрывала ему лицо.

Арно замер. Тревожные резкие звуки джунглей — шорох листьев, жужжание насекомых, голоса птиц и обезьянок — смешались в его сознании с болью, жаждой, ужасом и ощущением полнейшего бессилия. Было ясно, что дикари придумали для него новую, самую изощренную пытку! Они могли бы даже не оставлять возле него часового — будь он силен и здоров, он и тогда не сумел бы отсюда бежать.

Юноша долго лежал неподвижно. Потом упрямый характер подтолкнул его к отчаянному решению: лучше уж броситься вниз и прекратить эту пытку! Неужели из-за собственной трусости он не сможет обмануть надежды каннибалов, уготовивших ему невесть еще какие мучения?

Джек бесконечно долго собирался с силами для решительного рывка. Наконец, мысленно сосчитав: «Два, три!» он совершил свою самоубийственную попытку. Он хотел сесть, чтобы перекинуться через край, но его движение оказалось слишком слабым.

Зато оно качнуло площадку и разбудило Тарзана.

Человек-обезьяна приподнялся, а обессиленный своим рывком, почти потерявший сознание Арно снова опрокинулся на спину.

Гигант зевнул, сел, наклонился вперед и внимательно посмотрел на него.

В глазах лежащего перед ним юноши Тарзан увидел страдание и ужас — а еще отчаянный вызов. Израненный, беспомощный, полуживой человек его племени явно принял его за врага, но не хотел молить о пощаде!

Тарзан успокаивающе улыбнулся и осторожно положил ладонь на горячий лоб раненого.

Ощувив это дружеское прикосновение, увидев улыбку «каннибала», у которого оказались удивительно синие — а вовсе не черные, как у негров! — глаза, Джек почувствовал, как по его вискам потекли слезы. Он презирал себя за эту слабость, но ничего не мог с собой поделать. Теперь он был уверен, что рядом друг.

— Кто вы? — прошептал он. — Вы меня спасли...

«Только зачем вы меня сюда затащили?» — хотел добавить он, но удержался от такого невежливого вопроса.

Загорелый (и все-таки несомненно белый) юноша продолжал пристально смотреть на Арно, но не отвечал. Джек попробовал заговорить с ним по-французски, потом — по-испански; вконец обессилив от этих попыток, замолчал... И наконец тихо попросил пить.

Он боялся, что его и сейчас не поймут, но странный человек догадался о смысле просьбы. Он потянулся за долбленной фляжкой, какие были в ходу у дикарей, и Джек стал жадно глотать холодную воду. Но хотя этот напиток показался юноше восхитительней любого вина, покачивание площадки по-прежнему приводило его в ужас. Мысль о том, что его отделяет от бездонной пустоты только хлипкое сооружение из веток, вызывала у Арно головокружение и тошноту.

— Спасибо... — прошептал он, когда черноволосый синеглазый гигант отложил опустевшую фляжку. — Но, может, теперь мы спустимся из этих заоблачных эмпиреев на землю?

То, что произошло потом, показалось Джеку началом бреда.

Загорелый человек вытащил откуда-то кусок бумажки и огрызок карандаша, быстро написал несколько строк, используя вместо стола свое колено, и протянул записку Арно. Вот что там было начертано: «Я Тарзан из племени обезьян. Кто вы? Можете вы читать на этом языке?»

— Конечно, могу! Я и говорю, и читаю по-английски. Меня зовут Джек Арно, и я...

Человек покачал головой и протянул ему карандаш. Может быть, он глухонемой?

Арно взял огрызок карандаша и левой рукой попытался написать на бумажке, лежащей на широкой загорелой ладони, кто он такой и откуда.

Но он едва сумел нацарапать свое имя. Карандаш выскользнул из его разжавшихся пальцев, и он только еще раз повторил свое имя Тарзану. Теперь он знал, как зовут его спасителя, и почему-то очень хотел, чтобы тот тоже знал, как его зовут.

Хотя что толку твердить, как попугай: «Джек Арно, Джек Арно», раз этот странный парень глухой! Или все-таки не глухой? А может...

Джек чувствовал, что его все сильней лихорадит, ему казалось, что площадка под ним колышется и медленно скользит вниз... Начиная жар, а вместе с ним бред.

Тарзан сидел возле мечущегося в лихорадке человека, ухаживая за ним так, как за ним самим, израненным в схватке с Болгани, когда-то ухаживала Кала. За последнее время Тарзан узнал еще кое-что о лечении ран, наблюдая за жителями поселка чернокожих.

Теперь он пытался применить свои скудные познания к Джеку Арно, но впустую — раненому становилось все хуже.

Может, не стоит продлевать его мучения? Может, бросить этого человека и вернуться на берег, к Джейн Портер?

Сердце Тарзана так и рвалось к маленькому домику у моря...

Но он продолжал оставаться рядом с умирающим, который упорно цеплялся за жизнь. Наблюдая за этой борьбой, Тарзан чувствовал все большее уважение к белому юноше. Джек сражался со смертью, не жалуясь и не хныча, и когда сознание возвращалось к нему, не просил ни о чем, кроме воды.

Арно мужественно сносил перевязки, которые неумело делал Тарзан, и только бормотал сквозь зубы слова, смысла которых человек-обезьяна, по счастью, не понимал.

Но все же им удавалось находить общий язык, и Тарзан впервые слышал свое имя из уст человека.

Это примиряло его с разлукой с Джейн, и он продолжал самоотверженно ухаживать за раненым, который то метался в жару, то трясся от озноба.

Вскоре Тарзан понял, что к страданиям Джека прибавляется страх высоты — и несказанно удивился своему открытию. С раннего детства, как и все обезьяны, он твердо усвоил: чем выше — тем безопаснее! Поэтому приемыш Калы никак не мог понять, как кого-то может пугать высота. Скорее следует бояться, находясь на земле, ведь именно там рыскают самые кровожадные и прожорливые хищники! А на платформу, качающуюся в поднебесье на тонких ветвях, даже пантера Шита не рискнула бы сунуть нос....

Тарзан пытался растолковать это Арно, но ничего не добился. Однако их взаимная симпатия уже окрепла настолько, что трусость соплеменника почти не вызвала раздражения в человеке-обезьяне. Может, Джек ведет себя так, потому что болен?

Некоторое время Тарзан напряженно пытался решить сложную проблему. Но, видя, что Арно начинает хвататься за ветви площадки всякий раз, когда жар и бред лишают его самоконтроля, Тарзан скрепя сердце знаками предложил перенести его вниз.

Раненый ухватился за это предложение, как приговоренный к смерти — за отсрочку казни. Он вынес мучительное путешествие на спине Тарзана, ни разу не вскрикнув, и впервые заснул спокойно на ложе из мягких трав, которые соорудила его странная сиделка среди самого колючего и высокого кустарника в округе.

Зато Тарзану теперь прибавилось забот. Не рискуя далеко отходить от беспомощного больного, которого надо было не только лечить, но и охранять, он кормился лишь фруктами да орехами, собранными на ближайших деревьях. Арно почти ничего не ел, зато помногу жадно пил, и человеку-обезьяне то и дело приходилось наполнять флягу в протекающем неподалеку маленьком ручье.

Тарзан подумывал отнести Арно в обезьяний амфитеатр, где тот был бы в безопасности, но понял, что раненый не вынесет дороги.

И все-таки усилия Тарзана приносили плоды: мало-помалу Джеку становилось лучше.

Его почти перестали терзать приступы лихорадки, и он все чаще выводил непослушными пальцами на листке бумаги десятки вопросов, безмерно дивясь написанным его новым знакомым ответам.

«Я — Тарзан из племени обезьян. Моя мать была большой гориллой. Я вырос в этих джунглях. Я убивал львов и пантер, я победил вожака своей стаи. Я самый могучий охотник в этом лесу!»

Арно вглядывался в тонкое красивое лицо того, кто писал эти строки, чтобы уверить себя: это — не розыгрыш и не шутка. Упоминание о гориллах зажгло в его мозгу новую мысль, и он написал: «Где Джейн Портер?»

И Тарзан подписал внизу: «Я отнес ее к родным в хижину на берегу».

«Что с ней случилось?»

«Ее похитила большая горилла, но я отнял ее и убил обезьяну. Теперь девушка в безопасности».

Арно много раз при помощи карандаша и бумаги спрашивал Тарзана о том, как он, белый человек, попал в джунгли? Каждый раз ответ был одним и тем же: «Я всегда здесь жил».

«Кто ваши родители?»

«Моя мать — горилла Кала. Я никогда не видел своего отца».

«Как же вы научились читать?»

«По книгам в хижине на берегу».

— Безумие! Бред! — пробормотал Арно, роняя карандаш. — Если я выживу и расскажу об этом, мне никто не поверит!

Но сам он почему-то верил каждому слову, написанному лесным юношей. Было ясно, что начало жизни Тарзана скрывает завеса тайны... И он был самым необыкновенным человеком из всех, кого когда-либо встречал Джек Арно.

Каждый раз, когда Джек обращался к Тарзану без помощи карандаша, он видел, как гигант пристально вглядывается в его шевелящиеся губы, явно стараясь проникнуть в значение произносимых слов. При этом на загорелом красивом лице появлялось беспомощно-пытливое выражение, которое примиряло Джека с собственной беспомощностью.

Как все сильные люди, Арно не мог привыкнуть к тому, что теперь во всем зависит от забот другого. После приступов лихорадки он не мог даже сам приподнять голову, чтобы напиться, отчего ему хотелось ругаться самыми ужасными словами.

Но, видя, как Тарзан отчаянно пытается понять звук человеческой речи, Джек начинал чувствовать, что в чем-то он сильнее лесного богатыря. Он умел говорить, а Тарзан был все равно что глухонемым и явно глубоко переживал свое «увечьё».

— Ничего, — сказал однажды Арно, глядя, как Тарзан озабоченно исследует жалкие остатки бумаги — они исписали почти все листки за время своих «бесед». — Я думаю, пора тебе научиться не только письменной, но и устной речи, дружище. И ты ей научишься, не будь я Джек Арно!

Скорость, с какой дикий юноша начал осваивать навыки устной речи, поразила Джека. С детства привыкший передразнивать голоса птиц и зверей, Тарзан с легкостью повторял слова, которые раньше знал только в виде танца черных букашек на белой бумаге. Он поразительно легко уяснял и неизвестные ему до сих пор понятия, которые не изображались ни на одной из его картинок — «ненависть», «опасность», «голод», «жажда». Джек оказался хорошим учителем, а Тарзан спешил овладеть языком людей с такой жадностью, с какой умирающий от голода поглощает пищу.

Все чаще оба юноши общались, не прибегая к карандашу и бумаге.

Джек со всей серьезностью относился к своей роли преподавателя устной речи и досадовал, что слабость не позволяет ему дольше беседовать с Тарзаном, который всегда был готов к разговору.

А для приемьша обезьяны было истинным чудом произносить человеческие слова! Какое счастье видеть, что его понимают, и самому понимать человека одной с ним породы!

Правда, он до сих пор не всегда улавливал смысл всех высказываний Джека. Сам Тарзан шутил (а точнее, насмеялся) только над врагами, когда хотел их раздражить, но говорить забавные вещи просто так — это было для него в диковинку...

Однако способность к подражанию и собственная жизнерадостная натура вскоре помогли ему уловить суть некоторых странных выражений Джека Арно. Постепенно Тарзан учился мыслить не только конкретно, но и отвлеченно — так, как свойственно человеку, а не зверю.

С тех пор, как он обнаружил книги в хижине своего отца, приемьш обезьяны еще не испытывал таких захватывающих ощущений: перед ним один за другим распаивались все новые горизонты, за которые ему не терпелось заглянуть...

Часто Джек засыпал на середине беседы, так и не ответив на очередное жадное «зачем?», «почему?», и «что это такое?» своего ученика. Тогда Тарзан терпеливо садился рядом, дожидаясь, пока Арно проснется и продолжит рассказы о больших городах и о дышащих дымом поездах, которые приемьш Калы видел на картинках в книжках, о машинах и пароходах, о боксерских матчах и игре в гольф — и о других чудесах удивительного мира белых.

А Арно так же замороженно слушал рассказы Тарзана о его существовании в диких джунглях.

Какой бледной и бесцветной казалась его собственная жизнь по сравнению с жизнью этого лесного юноши! И Джек был совершенно уверен, что без Тарзана — приемьша обезьян — его жизнь оборвалась бы в тот страшный день в поселке каннибалов.

С трудом веря своим ушам, он слушал гордые речи Тарзана, похваляющегося победами над львами, пантерами и кабанами — если верить словам лесного богатыря, он убивал их десятками голыми руками. Арно не раз убеждался в звериной ловкости и силе своего

спасителя, но относился к таким рассказам с известной долей скептицизма. Однако, чтобы не обидеть товарища, он старался не показывать недоверия: в конце концов, какой охотник не любит прихвастнуть своими подвигами!

А Тарзан больше не заговаривал о том, чтобы хотя бы на ночь подниматься на раскачивающуюся на высоких ветвях платформу.

Они уже настолько хорошо понимали друг друга, что без труда прощали друг другу мелкие недостатки.

Так, день за днем, общались лейтенант Джек Арно и сын гориллы Калы. И как Арно не мог обойтись без забот Тарзана, так и тот теперь не мог обойтись без бесед с человеком, терпеливо обучающим его языку белых... Языку Джейн Портер!

Тарзан по-прежнему каждый день вспоминал о любимой девушке и неистово мечтал о встрече с ней — ведь теперь они могли бы поговорить!

Но он продолжал оставаться рядом с беспомощным Джеком Арно. Познавший недавно любовь, приемыш Калы понял теперь, и что такое дружба. И впервые с тех пор, как погибла его приемная мать, он не чувствовал себя в джунглях одиноким.

Он учился все новым и новым человеческим словам — а Арно заново учился поворачиваться на бок, подносить к губам флягу с водой и пищу, садиться... И наконец настал тот день, когда, поддерживаемый Тарзаном, он встал и впервые попробовал идти.

Эта попытка окончилась тем, что почти сразу Джек снова очутился на охапке травы, обливаясь потом от слабости.

Тарзан озабоченно смотрел на него.

Чтобы набраться сил, больному нужна была хорошая еда — мясо, а не жалкие орехи и плоды! Да и сам он, не рискуя надолго оставить раненого, совсем изголодался и тосковал по настоящей пище.

Наконец человек-обезьяна решился сходить на охоту и объявил о своем решении Арно.

— Конечно, — пробормотал Джек и, перехватив обращенный вверх взгляд Тарзана, торопливо добавил: — Но даже не заикайся о том, чтобы я лез на дерево!

— Не заикаться? — озадаченно переспросил человек-обезьяна.

Выслушал объяснение нового непонятого слова, кивнул и исчез в ветвях.

Вернувшись с тушей небольшого кабанчика, Тарзан застал Арно в десяти шагах от дерева за неуклюжими попытками подняться и молча покачал головой.

Джек был уверен, что является огромной обузой для лесного человека. Однажды он предложил Тарзану отнести его на берег, где о нем смогут позаботиться товарищи с корабля, но приемьш обезьяны ответил, что этот путь занимает добрых полдня, даже если мчаться напрямик по верхушкам деревьев. Дальний же путь займет дня три-четыре, не меньше... Арно закусил губу и больше не настаивал.

Однако он все упорнее возобновлял попытки вставать и ходить, хотя от слабости едва мог переставлять ноги.

Мяса кабанчика хватило на три дня, после чего Тарзан снова собрался на охоту.

— Если понадобится, позови, — сказал он, вешая на спину колчан. — Я буду поблизости.

— Это ты позови меня, если на тебя, неровен час, нападет пантера! — откликнулся Арно.

Приемьш обезьян улыбнулся и растворился в чаще.

А Джек, стиснув зубы, встал и медленно начал свой обычный путь от дерева, растущего на одном конце маленькой лужайки, к дереву, растущему на другом ее конце. Когда ему наконец удалось одолеть это расстояние, он был вынужден прислониться к стволу, пытаясь крепкими выражениями облегчить боль в едва затянувшихся ранах. Хорошо, что его ученик сейчас его не слышит!

Вдруг шорох за кустами заставил юношу вздрогнуть и замолчать.

Какой-то крупный зверь крался в чаще неподалеку! Арно всмотрелся в колючие заросли и увидел промельк длинного песочно-желтого тела. За непрочной природной живой изгородью бродила львица.

Джек крепче прижался спиной к стволу дерева и почти перестал дышать, но не смог унять громовые удары своего сердца.

Ужаснее всего было сознание собственной беспомощности. Безоружный, слабый, без единой тряпки на теле, кроме повязки на сломанной руке — что он мог противопоставить могучему зверю? Ему оставалось только стоять и надеяться, что львица не почует его и уйдет.

Хищница вдруг издала низкий клокочущий рык, прошлась туда-сюда вдоль кустов и стала осторожно протискиваться сквозь колючки. Львица учуяла поживу.

Арно не сводил широко раскрытых глаз с пробирающегося сквозь кустарник зверя. Вот львица раздраженно рыкнула, ворочаясь в колючих ветвях... Вот вышла из зарослей... И остановилась.

Должно быть, ее смутил необычный вид добычи. С тех пор, как заднюю лапу этой хищницы искалечила неумело поставленная ловушка, Сабор была вынуждена промышлять охотой на самую легкую жертву — человека. Но до сих пор ей приходилось убивать только черных людей, которые при виде нее всегда бросались наутек с пронзительным верещанием. Этот же белый человек стоял неподвижно и молчал.

Львица нерешительно рыкнула и шагнула вперед.

Джек втиснулся спиной в дерево, бессознательно сжимая кулаки — вернее, один кулак. Льва не всегда можно остановить даже выстрелом из крупнокалиберного ружья; надеяться же в схватке с этим зверем на оружие, которым природа наградила человека, было бы полнейшей глупостью! Это было бы глупо, даже если бы обе руки подчинялись ему, а по телу не разливалась знобящая слабость. Но когда жадные глаза львицы уставились на Джека с расстояния двадцати шагов, доводы разума полностью растворились в первобытном ужасе, с

которым взирали на подобных хищников наши далекие предки, и Арно приготовился к безнадежной короткой борьбе.

Не шевелясь, он глядел на приближающуюся львицу, чувствуя, как по лбу стекают струйки пота.

Тяжелые мягкие лапы огромной кошки ступали словно не по мягкой траве, а по колючим камням. Львица не сводила подозрительных глаз с добычи, а Джек отчаянно смотрел на огромную кошку, как будто взглядом пытался удержать ее от нападения.

Львица остановилась, рыкнула и начала хлестать хвостом по бокам. С новым протяжным и долгим ревом она припала к земле...

И в ответ на львиный рев сверху раздался пронзительный боевой клич человека-обезьяны.

Тарзан спрыгнул с ветвей между Сабор и Арно за секунду перед тем, как львица бросилась на добычу.

Зверь и человек сшиблись в трех шагах от дерева и с воем сплелись в мелькающий страшный клубок.

Прислонившись к стволу, Арно с ужасом смотрел на разыгравшийся перед ним бой — бой, который еще мгновение назад казался ему таким невероятным! Теперь же это происходило в нескольких шагах от него. Человек-обезьяна дрался, пуская в ход зубы и нож, стискивая мощными руками гибкое тело бешено ревущей львицы. Хромая людоедка, не привыкшая драться с такими невероятно ловкими и быстрыми противниками, явно уступала силе и ярости лесного гиганта... И вот Арно увидел, как человек-обезьяна вонзил нож под лопатку бьющейся в предсмертных судорогах львицы и вскочил.

Поставив ногу на окровавленный бок поверженного врага, победитель возвестил о своем торжестве душераздирающим криком, выгнавшим из листвы стайку птиц.

Джек смотрел на друга так, словно видел его впервые в жизни.

Тарзан убрал нож в ножны, повернулся к Арно, и ярость недавнего боя сменилась в его глазах хмурым неудовольствием.

— Почему ты не позвал меня, когда появилась Сабор? — спросил приемьш обезьяны.

— Я хотел сам... расправиться с ней... — слабо пробормотал Арно. — А ты... испортил мне всю охоту....

Тарзан рассмеялся этой браваде, но ему тут же пришлось броситься вперед, чтобы подхватить падающего человека.

Пережитое потрясение оказалось слишком сильным для раненого. К Джеку вернулась лихорадка.

Юноша снова дрожал на травяной постели, и его бормотание все больше становилось похожим на бормотание народа Калы.

Сжимая руку человека-обезьяны, Джек заплетающимся языком толковал об охоте, о первобытных людях, о бестолковых матросах, о кораблях и о надвигающемся шторме. Потом озноб сменился жаром; Арно пытался сорвать повязку со сломанной руки, кричал о подкрадывающейся львице и порывался вскочить. Его речь становилась все более бессвязной, пока наконец раненый не впал в глубокое беспамятство.

Арно казалось, что его целую вечность носило по волнам бреда, полного жутких видений. Ему чудились дикие звери, хватающие его зубами и когтями, подкрадывающиеся каннибалы и другие чудовища — столь страшные, что им не было названия ни на одном человеческом языке. Только постоянное ощущение, что рядом находится тот, кто чуть ли не голыми руками прикончил напавшего на него огромного зверя, спасало Арно от безумия. Теперь он убедился, что охотничьи рассказы его приятеля — вовсе не пустое бахвальство, но не мог даже связно поблагодарить Тарзана за спасение от львицы.

Желтая кошка то и дело возвращалась на маленькую поляну, заглядывая в лицо юноши яростно горящими мстительными глазами.

Сквозь жар Джек не всегда понимал, что из его видений — бред, а что правда. Один раз, очнувшись, он обнаружил, что его несут сквозь ночь, и ветки деревьев треплют его волосы; он с криком рванулся, но затих, услышав успокаивающий голос Тарзана.

У Арно не было сил выяснять, что происходит, и он полностью доверился человеку-обезьяне. К тому же, как ни странно, плавное движение сквозь тьму приносило ему облегчение. Он молча лежал на руках лесного гиганта, который легко, как ребенка, нес его по ночным джунглям; потом попросил пить. Тарзан опустил Арно на траву, напоил из фляжки, смочил холодной водой его лоб и руки... И снова поднял, на этот раз обхватив одной рукой поперек спины. Другой рукой человек-обезьяна ухватился за ветку дерева над головой, и когда земля рывком провалилась вниз и они взмыли в шуршащую листьями пустоту, Джек Арно тихо всхлипнул и потерял сознание.

Очнувшись, он понял, что лежит в каком-то новом незнакомом месте. Крутые склоны поросшего кустарником котлована поднимались впереди, словно крепостные стены. В темном небе ярко светила луна.

Джек еле слышно позвал Тарзана.

— Я здесь, — откликнулся знакомый голос.

Слава богу, человек-обезьяна сидел рядом — повернув голову, Джек увидел его темный гибкий силуэт.

— Где... мы?

— Это поляна, на которой гориллы в полнолуние пляшут танец Дум-Дум. Не бойся, — поспешно добавил приемыш Калы, увидев, как Арно вздрогнул. — Большие обезьяны навсегда покинули эти края. Никогда здесь не застучат деревянные барабаны. Теперь ты в безопасности. Даже слон Тантор не сможет пробраться сквозь заросли вокруг этой поляны. И никакой хищный зверь сюда не проскользнет. Это — самое безопасное место в джунглях.

— Я рад, что лесные твари теперь могут меня не бояться, — пробормотал Джек.

Услышал тихий смешок Тарзана, почувствовал на лбу его холодную руку — и заснул глубоко и крепко, без сновидений.

XXIV. Возвращение

Когда обновилась луна, два друга покинули амфитеатр среди непроходимых зарослей и пустились в медленный тяжелый путь к океану.

Арно и приемышу обезьян казалось, что со дня их знакомства прошла целая вечность. Так оно и было — за это время каждый из них стал другим человеком.

Тарзан теперь уверенно говорил по-английски, и его язык, привыкший издавать дикие звериные вопли, уже не заплетался при попытке выговорить самые сложные слова. Его жадный пытливый ум вобрал в себя множество новых вещей, каждая из которых будила страстное желание узнавать все больше и больше.

Арно же теперь ничуть не походил на того молодого самоуверенного офицера, который два месяца назад вошел в джунгли на поиски Джейн Портер.

Страшно исхудавший, с ногами, обмотанными грубой тканью, раздобытой Тарзаном в поселке дикарей, в набедренной повязке из той же ткани, Джек Арно миля за милей одолевал путь к побережью, на котором оставил всю свою прошлую жизнь. Порой эта жизнь казалась ему просто полузабытым сном.

Научивший многому своего лесного друга, Арно и сам многому у него научился.

Но все-таки далеко не всему, чему следовало бы — читал он в нетерпеливом взгляде человека-обезьяны, то и дело с тоской взглядывавшего на верхушки деревьев.

— Без меня ты двигался бы куда быстрее... — мрачно пробормотал Арно.

— Когда ты выздоровеешь, я научу тебя лазать по деревьям, — ответил Тарзан.

— Даже не мечтай! Я же не обещаю научить тебя курить, когда доберусь до сигарет! Пусть уж лучше каждый из нас останется при

своих маленьких недостатках...

— Курить? Сигареты? — вопросительно повторил Тарзан.

— Ну да. Одна из вредных привычек цивилизованных людей. Скоро сам увидишь, что это такое...

Они шли уже третий день, и Тарзан становился все беспокойней.

Джек понимал, в чем тут дело.

Уже давно по скурым обрывкам фраз он понял, что сердце его друга безнадежно пленено Джейн Портер. Если бы Тарзан не вынужден был оставаться рядом с раненым, он давно помчался бы к своей любимой, но необходимость ухаживать за Арно продержала его в глубине джунглей почти два месяца — целую вечность!

И вот теперь, когда наконец-то встреча с дорогой ему девушкой была все ближе, несносная обуза, из-за которой эта встреча откладывалась так долго, продолжала задерживать его, как ядро на ноге каторжника.

Так истолковывал Арно взгляды человека-обезьяны, в своем простодушии забывая, что попал в плен и был ранен именно из-за Джейн Портер.

Джек делал все, чтобы идти как можно быстрее — но чем больше он спешил, тем чаще был вынужден останавливаться и отдыхать. Наконец Арно предложил, чтобы Тарзан отправлялся вперед, а он догонит его на берегу, ведь океан уже совсем близко!

Ответом ему был сперва недоумевающий, а потом — хмурый взгляд и сердитое ворчанье.

Чтобы Тарзан бросил в джунглях человека, все еще такого слабого, что порой его приходилось поддерживать, а в самых трудных местах — нести?

Арно не повторял своего предложения, но про себя подумал, что если Джейн Портер не отвечает взаимностью его другу, значит, она просто недалекая женщина!

Наконец длинный путь подошел к концу. Жаркая духота джунглей уступила место океанской свежести, и Джек Арно вслед за Тарзаном взобрался на поросший травой пригорок, под которым блестел океан...

Но ни военного крейсера, ни «Арроу» в бухте не было.

Еще до того, как Тарзан распахнул дверь, Джек знал, что они увидят.

Хижина была пуста!

Значит, товарищи сочли Арно мертвым, и оба судна покинули здешние негостеприимные берега, забрав Джейн и всех остальных обитателей хижины.

Джек посмотрел на Тарзана, и выражение лица лесного человека испугало его.

Тяжело дыша, приемыш обезьян оглядывал покинутое жилище, а потом со сдавленным криком, заставившим Арно вздрогнуть, заметался по комнате в поисках следов ее обитателей. В таких следах недостатка не было — вот шаль, принадлежавшая Джейн Портер, вот ее сломанная шкатулка... Только самой девушки здесь не было, и явно уже давно!

Тарзан запрокинул голову и завыл, как воют раненые звери.

Джек в ужасе смотрел на товарища.

Никогда еще он не видел такой неистовой скорби и не знал, что сказать и что сделать.

— Они вернутся, — наконец проговорил он. — Посмотри, столько вещей они здесь оставили!

В хижине и вправду оказалось много предметов с крейсера — посуда, аптечка, ружье, коробки с патронами, консервы, одеяло, несколько книг и журналов...

Джек лихорадочно демонстрировал эти вещи Тарзану, убеждая того не отчаиваться.

— Они не бросили бы здесь все это, если бы не...

Он замолчал при виде листка бумаги, лежащего на столе, исписанного мелким и изящным женским почерком. Арно пробежал взглядом первые строки и крикнул:

— Эта записка для тебя, Тарзан!

В тот же миг бумага была жадно выхвачена у него из рук, и Тарзан разочарованно застонал — он умел разбирать только печатные буквы.

— Дай, я тебе прочитаю!

Человек-обезьяна быстро протянул листок Джеку, и тот с трудом смог выдержать умоляющий взгляд друга.

— Сядем, — как можно спокойнее предложил он. — Дама оставила тебе довольно длинное послание!

И вот что прочитал вслух Арно:

«От Джейн Портер Тарзану, из племени обезьян. Благодарим Вас за то, что Вы позволили жить в Вашей хижине. Мы огорчены тем, что не смогли лично поблагодарить Вас за все. Мы не испортили никаких Ваших вещей (кроме пробитого львицей окна, но мистер Клейтон его починил). Чтобы извиниться за невольно причиненный дому ущерб, оставляем несколько предметов, которые, может быть, пригодятся Вам на этом безлюдном берегу.

Если Вы знаете странного белого человека, который столько раз спасал нам жизнь и приносил еду, прошу — поблагодарите его от нашего имени. И особенно — от имени Джейн Портер, которую он спас от гориллы. Надеюсь, он не забыл наше маленькое приключение в джунглях и шалаш, который он для меня сделал.

Мы отплываем через час, чтобы никогда больше не вернуться. Но хотелось бы, чтобы Вы и тот, другой, человек из джунглей знали, что мы всегда будем благодарны за заботу о чужестранцах в здешней опасной стране. Мы бы сумели гораздо лучше отблагодарить вас обоих, если бы только Вы предоставили нам благоприятный случай.

С уважением, Ваша Джейн Портер».

Дочитав до конца, Джек опустил письмо на стол и какое-то время не смел поднять глаз на Тарзана. Наконец взглянул — и, выругавшись,

ударил кулаком по столу.

— Перестань так смотреть! На свете очень мало непоправимых вещей. Уж я-то это знаю!

— «Чтобы никогда больше сюда не вернуться»... — шепотом повторил Тарзан слова из письма.

— Прекрати отчаиваться! — прорычал Арно. — Можно подумать, что Джейн Портер улетела на Луну! Раз она на Земле, значит, ее можно найти! В конце концов, она уехала не в дебри Амазонки, а в цивилизованный мир, где подобные проблемы решаются в два счета!

И Арно лихорадочно принялся перечислять способы розыска пропавших девушек в цивилизованном мире. Он сам удивлялся изобретательности и хитроумию некоторых своих планов, но не мог сказать, понимает ли его человек-обезьяна.

— Тарзан! Ты слышишь, что я тебе говорю?!

Приемыш Калы вскочил, будто очнувшись от сна.

— Запри дверь, — бросил он. — Я скоро приду.

Арно выскочил было вслед за другом, но успел увидеть лишь промельк загорелого тела в ветвях дерева на берегу.

А некоторое время спустя из джунглей донесся протяжный горестный крик, потом — еще один и еще.

Тарзан, приемаши обезьян, оплакивал свою потерю.

XXV. Пропавшее сокровище

Когда экспедиция вернулась после бесплодных попыток спасти Арно, командир выразил желание как можно скорее отчалить. С правильностью этого решения были согласны абсолютно все... Кроме Джейн Портер.

— Нет, — заявила она, — я не поеду, и вам не следовало бы ехать. В джунглях осталось два человека, которые наверняка придут сюда. Один из них — офицер, рисквавший ради меня жизнью, а другой — лесной человек, которому обязан жизнью каждый член экспедиции моего отца!

— Но ведь в поселке каннибалов был найден мундир бедного Арно, мисс Портер, — сдержанно возразил командир. — Значит, надежды на его возвращение нет...

— Но вы же не знаете наверняка, что он убит! Что же касается платья... И цивилизованные народы отбирают у своих пленных все ценное, даже если не хотят их убивать. Даже солдаты моего родного Юга грабили в войну не только живых, но и мертвых! Я готова согласиться, что вы упомянули очень важную улику — но не прямое доказательство!

— Как вам будет угодно, мисс, — устало отозвался командир. — Но раз все поиски оказались тщетными, я могу больше оставаться здесь из-за Арно. Что до лесного человека, то он прекрасно жил здесь раньше и проживет после нашего отплытия...

— Если только его не убьют дикари, которые убили Арно, — опрометчиво заметил присутствовавший при разговоре мистер Филандер.

Девушка засмеялась.

— Вы его не знаете! — возразила она, чувствуя, как дрожь гордости пробежала по ее телу при мысли, что тот, о ком она говорит, принадлежит ей.

— Хотел бы я увидеть этого вашего сверхчеловека, да только вряд ли это возможно, — пожал плечами капитан. — Нет, завтра утром мы отплываем.

— Завтра?! О, подождите хотя бы неделю! — взмолилась девушка. — Я уверена — он придет!

В это время к ним приблизились профессор Портер и Клейтон, оживленно беседовавшие с лейтенантом Картером.

— Мы только что обсуждали судьбу бедного Джека, — объяснил им командир. — Мисс Портер настаивает на том, что у нас нет веских доказательств его смерти, и их действительно нет. А таинственный белокожий обитатель здешних джунглей...

— Мистер Картер считает, что этот обитатель, быть может, принадлежит к одному из соседних племен каннибалов, — небрежно бросил Клейтон.

Джейн Портер наградила его яростным взглядом.

— Такое предположение имеет под собой некоторые основания, — важно заявил профессор Портер.

— Я не согласен, — тут же возразил мистер Филандер. — Этот человек имел полную возможность навредить нам или повести против нас свое племя. Вместо того в продолжение всего нашего пребывания здесь он неизменно брал на себя роль нашего защитника и поставщика.

— Это правда, — вмешался Клейтон, — однако мы не должны пренебречь тем фактом, что в этих джунглях на сотни миль кругом живут единственные человеческие существа — дикие каннибалы. Тот, о ком мы спорим, вооружен в точности, как негры, значит, он имеет отношение к...

— Это — беспредметный спор, господа, — раздраженно перебил командир. — Вопрос вот в чем: мисс Портер умоляет дать еще неделю сроку для появления ее таинственного спасителя. Я хотел отчалить завтра утром, но, уступая настойчивой просьбе дамы, согласен подождать еще семь дней... Но не часом больше!

— Ради господи бога! — вдруг взвизгнула подошедшая Эсмеральда, — неужели вы, мое сокровище, хотите остаться в этой стране зверей-людоедов еще на неделю? Господи боже, моя хозяйка сошла с ума!

— Эсмеральда, как вам не стыдно! — воскликнула Джейн Портер. — Так-то вы высказываете благодарность человеку, который дважды спас вам жизнь?!

— Ваша правда, мисси Джейн! Но уж поверьте, лесной джентльмен спасал нас вовсе не для того, чтобы мы здесь оставались! Он спас нас, чтобы мы могли отсюда уехать. Мне думается, он был бы ужасно как недоволен, если б узнал, что мы совсем одурели и хотим остаться тут еще на целую длинную неделю! А я-то надеялась, что мне уж не придется больше ночевать в этом геологическом саду и слушать ужасные крики в джунглях!

— Прислушайтесь к здравому смыслу Эсмеральды, — сказал Клейтон. — Ее устами глаголет истина!

— Ну так перебирайтесь вместе с Эсмеральдой на крейсер и живите там, — насмешливо предложила Джейн Портер. — Что бы вы сказали, интересно, если б оказались вынуждены прожить в джунглях много лет, как наш лесной друг?

— Боюсь, я оказался бы бездарным образчиком дикого человека, — с горечью рассмеялся Клейтон. — От этих ночных шумов в чаще у меня волосы на голове встают дыбом. Понимаю — мужчине должно быть стыдно признаваться в подобной слабости, но я предпочитаю правду лицемерию! Не всем же быть таким образцовым победителем горилл и пожирателем львов, как ваш друг, мисс Портер.

Джейн смерила его презрительным взглядом и фыркнула.

— Веди себя прилично, дитя моя, — мягко пожурил профессор Портер. — Капитан согласен остаться, значит, мы остаемся, не правда ли? Теперь без спешки и суеты можно заняться переноской сундука с кладом.

— Совершенно верно, совершенно верно, патрон — а я почти забыл о кладе! — воскликнул мистер Филандер.

— Умение не забывать важных вещей отличает человека с истинно научным складом ума, — назидательно ответил чрезвычайно довольный своей памятьливостью профессор.

Обычно этот «человек с истинно научным складом ума» отличался как раз тем, что забывал самые необходимые вещи — например, время обеда и ужина.

Итак, на следующее утро отряд из десяти моряков, Клейтона и одного бунтовщика с «Арроу» в качестве проводника отправился за кладом.

Они отсутствовали довольно долго — и наконец вернулись с пустыми руками.

— Где клад? — еще издали приветствовал вернувшихся взволнованный профессор.

Лейтенант Картер покачал головой.

— Пропал, — сказал он, подойдя ближе.

— Пропал? Не может быть! Куда он делся? — воскликнул мистер Филандер.

— Одному богу известно, — ответил Клейтон. — Можно было бы предположить, что проводник солгал относительно местонахождения сундука, но он так точно вышел на описанное место, что ясно — мерзавец тут ни при чем... К тому же мы нашли останки Снайпса. Но кроме этих никчемных костей, там ничего не было.

— Кто же мог взять клад? — в полной растерянности возопил профессор.

— Уж, конечно, не матросы с нашего крейсера, — сказал лейтенант Картер. — Никто из команды не удалялся от берега с тех пор, как мы вернулись из поселка дикарей.

— Никто и не подозревает ваших матросов! — поспешил заверить Клейтон. — К тому же вы сами видели — клад был вынут почти сразу

после того, как мятежники его зарыли. Иначе им пришлось бы возиться с разлагающимся трупом, а сокровище явно достали еще тогда, когда, как говорится, тело Снайпса еще не остыло...

— И похитителей должно было быть несколько, — заметила к ним Джейн Портер. — Ведь сундук был ужасно тяжелый! А вы сказали, клад забрали вместе с сундуком?

— Клянусь Юпитером, дама права! — кивнул лейтенант Картер. — Значит, это дело рук чернокожих. Вероятно, кто-нибудь из негров видел, как матросы зарывали сундук, после чего позвал помощь из своей деревни, и каннибалы утащили золото...

— Если это сделали каннибалы, почему он не съели труп Снайпса? — возразил мистер Филандер по своей привычке по любому поводу спорить. — И почему вы не обнаружили во время нападения на деревню золотых монет? Ни один чернокожий не устоял бы перед искушением обвешаться блестящими побрякушками!

— Может, это были дикари из другого, неизвестного нам поселка?

— Что толку гадать, — печально и здраво сказал профессор Портер. — Сундук исчез. Испанское золото потеряно для нас навсегда.

Только Джейн Портер понимала, что именно эта утрата значит для ее отца... Но даже профессор Портер не подозревал, чем грозит пропажа сокровища его дочери.

Шесть дней спустя командир крейсера объявил, что выход в море назначен на следующее утро.

Джейн Портер больше не просила об отсрочке.

Она уже не верила в то, что ее лесной возлюбленный вернется.

Всю неделю ее мучили сомнения и горькие мысли. Разумность доводов близких понемногу начинала воздействовать на ее измученный ум.

Что спасший ее человек — каннибал, она никак не могла поверить; но в конце концов ей стало казаться вполне вероятным, что он — приемный член какого-нибудь дикого племени. Джейн Портер долго

размышляла над такой возможностью, и порой ей хотелось вообще лишиться способности думать.

Если он принадлежит к племени дикарей, значит, он может иметь чернокожую жену, а то и целую дюжину жен... И ораву диких детей-полукровок.

Джейн представляла, как ее полубог возвращается с охоты в вонючую грязную хижину и начинает раздавать сырое мясо визжащим черным ребятишкам и татуированным толстым женщинам с отвисшими грудями...

Девушка почти обрадовалась, когда ей сообщили, что отплытие крейсера назначено на следующее утро.

Весь последний вечер она то металась по берегу вокруг хижины, то подходила к стене деревьев на краю джунглей и с надеждой вглядывалась в зеленый полумрак. Потом стремглав бежала к дому, и ей хотелось умереть и остаться навсегда на этом пустынном берегу.

Дикарь, дикарь, дикарь... Почему именно ему маленькой девушке из Балтимора суждено было отдать свое сердце?

Наконец Джейн нашла занятие, способное занять ее руки и ум: она упросила командира крейсера оставить в хижине оружие, патроны, припасы и много другого добра — якобы для неуловимой личности, которая подписалась Тарзаном из племени обезьян. На самом же деле Джейн надеялась, что эти вещи достанутся ее лесному богу, если когда-нибудь он появится на берегу.

Почти всю ночь девушка просидела, слово за словом составляя записку для Тарзана и то и дело уносясь мыслями к другому человеку, который наверняка давно забыл про нее. Конечно, забыл! Иначе почему он не показывался с тех пор, как они расстались на краю джунглей?

Наутро Джейн опустилась на колени у постели, в которой провела столько странных ночей, слыша в полусне рыки лесных тварей, и вознесла к небу молитву за того, кто покорила ее сердце, хотел того или

нет. Она крепко прижала к губам подаренный ей медальон и прошептала:

— Я люблю тебя! Пусть бог сжадется над моей душой. И если бы ты явился сейчас за мной, я не задумываясь навсегда ушла бы за тобой в джунгли. Но ты не пришел — значит, я тебе не нужна... И все равно я никогда не забуду тебя, моя безымянный лесной бог!

XXVI. Великое открытие

Арно весь день ждал возвращения Тарзана.

Крик печали и боли больше не доносился из джунглей, и Джек терялся в догадках, что сейчас может делать его друг. Он давно бы отправился в заросли искать человека-обезьяну, если бы не понимал всю безнадежность поисков того, кто не хочет, чтобы его нашли.

Джек искупался в море, побрился найденной в хижине бритвой, принес воды из ручья, поел консервов и, завернувшись в одеяло, начал бродить по комнате в поисках какого-нибудь занятия. Два месяца он мечтал о том, как доберется до дома и выспится на кровати под одеялом, и вот теперь не мог даже думать об отдыхе.

Он попробовал читать, но не мог сосредоточиться на прочитанном.

Тогда он начал рыться в шкафу, размышляя, что за люди построили эту хижину и как сложилась их судьба. Книги многое могут сказать об их владельце — пожалуй, больше, чем какая-либо другая вещь. Вот детские книжки с картинками, по которым его друг учился читать... Вот несколько романов, вот учебник географии... А это что?..

Арно открыл небольшую толстую тетрадь в кожаном переплете и пробежал глазами строки, написанные по-французски.

Через минуту он уже не стоял, а сидел у стола, страницу за страницей читая дневник лорда Грейстока, не замечая, что снаружи все больше темнеет.

Дневник был начат девятнадцать лет назад, и в нем подробно описывалась уже известная нам история путешествия на «Фувальде», бунта, резни на борту и горестей Джона Клейтона и его жены Элис. Последняя запись (хотя Арно не мог этого знать) была сделана за час до того, как Клейтона убил Керчак.

Арно жадно пробежал глазами убористые строки. Какая страшная безнадежность порой сквозила в написанных лордом Грейстоком словах!

Только когда в дневнике стал упоминаться родившийся у молодой четы малютка, тон записей изменился. Исчезло отчаяние, читавшееся между строк, описывавших пребывание супругов на диком безлюдном берегу. Теперь Арно казалось, что он читает о безмятежных радостях отца, воспитывающего своего первенца в самом спокойном и цивилизованном из городов:

«Сегодня нашему мальчику исполнилось шесть месяцев. Он сидит на коленях Элис и с интересом следит за тем, как я пишу. Малютку интересуется все, что происходит вокруг — это счастливый, здоровый, прекрасный ребенок.

Иногда я пытаюсь представить, какой мужчина вырастет из Джона Клейтона младшего. Как-никак, он — законный наследник старшего отпрыска славного рода Грейстоков! Хотя сейчас еще ничего не знает об этом и более всего интересуется моим пером.

Ну вот, Джон Клейтон младший только что схватил перо и отпечатал в моем дневнике свои перемазанные в чернилах пальчики. Придется молодому человеку выдержать процедуру внеочередного умывания, против чего он протестует самым решительным образом...»

Внизу страницы и впрямь виднелись смазанные отпечатки четырех крошечных пальчиков и часть отпечатка большого пальца.

Поздно вечером, уже при свете лампы, Арно дочитал дневник до конца и долго сидел в глубокой задумчивости.

Значит, эту хижину построил Джон Клейтон, лорд Грейсток; видимо, здесь и оборвалась его жизнь, жизнь его жены Элис и ребенка, отпечатавшего свою ручонку на странице отцовского дневника. Если бы Клейтон просто покинул берег, он наверняка взял бы с собой дневник. А без сильного мужчины юной женщине и крошечному ребенку невозможно было выжить в здешних диких местах.

Все довольно просто, но...

Смутная тень какой-то очень важной догадки мелькала в мозгу Джека, не давая себя поймать. Долгое время Арно не мог понять, что же так тревожит и беспокоит его... Но наконец неясная мысль

оформилась и приняла такие фантастические очертания, что юноша одним махом вскочил на ноги, чуть не опрокинув лампу.

Тарзан... Его друг с тонкими чертами европейца, уверенный, что его матерью была большая горилла Кала...

Мальчик, выросший среди горилл и превратившийся в самого могучего охотника джунглей, победителя пантер и львов!

В дневнике не раз упоминалось о том, что дикие антропоиды упорно тревожат обитателей хижины; нападение одной такой гориллы послужило причиной безумия леди Элис. Вполне возможно, что именно эти чудовища однажды ворвались в хижину, прикончили лорда Грейстока, его жену и...

И?!!

Нет, не может быть!

Или все-таки может?!

После всего, что он пережил и перевидел в здешних джунглях, после знакомства с Тарзаном Джек Арно готов был уверовать в любую самую невероятную вещь.

«Я — Тарзан из племени обезьян...»

«Моя мать — большая горилла Кала»...

Джек сорвался с места и принялся перерывать полки и ящики шкафов, хотя сам не мог точно сказать, что надеется найти в результате этого лихорадочного обыска. Невероятная и поразительная мысль, только что озарившая его, настоятельно требовала, чтобы он как можно скорей нашел ей какое-нибудь подтверждение... Или опровержение!

И вскоре Джек Арно нашел, что искал, хотя там, где меньше всего ожидал найти.

Во время своих беспорядочных поисков он сбросил на пол пустой колчан, оставленный на столе Тарзаном, а когда поднял деревянную трубку, из нее выпал маленький кусок картона. Арно поднял карточку

и прочел пожелтевшую надпись: «Джон Клейтон, лорд Грейсток. 11 сентября 18... года, Дувр».

Он быстро перевернул карточку — и громко вскрикнул, широко раскрытыми глазами глядя на фотографию. С пожелтевшего от времени куска картона на него смотрело лицо Тарзана!

— Черт меня побери... — оглушено прошептал Джек Арно, когда смог заговорить — а случилось это очень нескоро. — Тарзан, приемыш обезьян... Молодой Джон Клейтон младший, законный наследник славного рода Грейстоков... Да чтоб мне сгореть в аду... Чтоб мне снова угодить в лапы каннибалов... Чтоб мне...

Он не договорил, потому что дверь хижины распахнулась, и Тарзан, законный лорд Грейсток, грязный, взлохмаченный и исцарапанный, шагнул через порог с тушей оленя на плечах.

— Наконец-то! — вскричал Арно, бросаясь к нему. — Если бы ты знал, какую невероятную вещь я только что выяснил! Ты не поверишь, но...

Наследник славного рода Грейстока уронил оленя, как-то странно посмотрел на Арно — и начал сползать на пол.

Джек попытался удержать его, но не смог.

— Что с тобой?!

— Хис... та...

Арно знал, что на языке обезьян означает это слово. Он на мгновение оцепенел, потом метнулся к столу, вернулся назад с лампой — и увидел на щиколотке лесного человека следы двух маленьких зубов. Было видно, что Тарзан сделал через ранку глубокий надрез ножом; тем не менее нога успела заплыть опухолью, которая поднималась к колену.

— Когда это случилось? Надо отсосать яд!

Тарзан оттолкнул наклонившегося над ним человека. Он сам высосал яд, как только наступил на ползучую тварь, возвращаясь с

добычей из джунглей. Но приемыш обезьяны хорошо знал, что даже самые большие и сильные гориллы всегда погибали от укуса Хисты.

А может, это и к лучшему, что его укусила змея? Ведь он никогда больше не увидит Джейн Портер...

Однако убитый олень должен был помочь Арно выжить, пока тот не окрепнет и не сможет охотиться сам.

И Тарзан, подобрав свою добычу, заковылял к хижине. Яд быстро растекался по телу, огнем поднимаясь от ступни к колену. Лесной человек знал, что скоро пламя поднимется еще выше, и торопился, как мог.

Добравшись до хижины и избавившись от своей ноши, Тарзан понял, что не может ни идти, ни стоять. Он сделал то, что должен был сделать, а теперь хотел только одного — вернуться в обратном направлении в джунгли, чтобы забиться в самые глухие заросли.

И Тарзан, сын Калы, пополз к порогу.

Арно вцепился в него.

— Куда ты? Стой!

Но его отшвырнула в сторону мощная рука.

Лесной человек, как все смертельно раненые животные, не хотел, чтобы кто-нибудь видел его страдания, и был одержим одним желанием — скрыться.

Видя, что ему не справиться с Тарзаном, который по-прежнему был очень силен, Джек начал взывать к его рассудку: он не может сейчас вернуться в джунгли, где станет легкой добычей любого хищного зверя!

И наконец власть слов и человеческого разума одержала верх над полузвериным сознанием воспитанника обезьяны.

Тарзан прекратил попытки выбраться из дома и лег у порога.

Джек с ужасом смотрел на него.

Все, что он слышал о змеиных ядах, вихрем пронеслось в его голове. Сделать разрез и отсосать яд... Прижечь ранку... Нет, это помогает только сразу после укуса! Напоить пострадавшего спиртным — один матрос с их крейсера утверждал, что спасся так после «поцелуя» гремучей змеи... Обернуть укушенную ногу холодной тканью, чтобы замедлить распространение яда... Давать больному как можно больше пить!

Арно кинулся к полке, где среди прочих оставленных моряками припасов давно заприметил две бутылки бренди.

После первого же глотка человека-обезьяну начало рвать, а потом он пополз в угол, стараясь спрятаться от света лампы. Опухоль уже затянула колено, ступня раздулась и посинела.

Арно переставил лампу на стол и, вполголоса бормоча проклятья, намочил полотенце в холодной воде. Когда мокрая ткань легла на распухшую ногу, человек-обезьяна издал жалобный крик, но даже не попробовал отстраниться. Яд быстро делал свое дело — тот, кто еще недавно мог голыми руками убивать львов, теперь лежал беспомощный, как младенец.

— Ты ведь не позволишь убить себя маленькой скользкой твари, верно?! — с отчаянием сказал Джек. — Ты ведь самый сильный охотник в здешних джунглях!

— Тарзан... самый... сильный... — дрожа, прошептал лесной человек.

— Так докажи это! Не умирай!

Арно зачерпнул воды и стал вливать ее в рот Тарзана.

— Дьявол тебя побери, не умирай! Иначе получится, что ты слабее змеи!

Джеку казалось, что Тарзан и не пытается бороться, и он пытался сыграть на самолюбии и мужской гордости друга:

— Неужели тебе не под силу справиться с жалкой маленькой Хистой?

Тарзан сердито зарычал, хотел встать, но его пальцы, рвавшие недавно на куски шкуру львицы, теперь не могли как следует ухватиться за выступ бревенчатой стены. Джек мельком вспомнил отпечатки детских пальчиков в дневнике лорда Грейстока, но тут же забыл о них — его поразительное открытие казалось сейчас совершенно неважным.

Не лорд Грейсток, а его друг Тарзан умирал рядом с ним на полу полутемной хижины.

— Тарзан... самый... сильный...

Лесной человек упал на бок, и его начали колотить судороги.

— Тогда борись, черт тебя побери! — крикнул Джек, склоняясь над умирающим.

— Ка... ла...

После второго приступа конвульсий человек-обезьяна совсем обессилел.

Теперь он терпел страдания молча, как дикое животное, ничем не показывая, что замечает Арно и слышит его слова. Может, даже лучше, чтобы он их не слышал — еще никогда Джек Арно так не бранился, как в эту ночь. Ему было бы легче переносить собственные мучения, чем видеть агонию Тарзана.

Человек-обезьяна уже с трудом глотал воду, которую вливали ему в рот. Из-под полуопущенных век поблескивали закатившиеся глаза. Иногда Тарзан начинал бормотать, и никогда мир не слышал такого странного бреда, как тот, что срывался с уст этого обитателя джунглей. Имя Джейн и упоминания о победах над хищниками перемешивались в нем со звериным рыком, взвизгиванием и лопотаньем.

Джек смешал с водой растолченный в порошок древесный уголь, найденный в наспех перерытой аптечке. Если эта смесь и не спасет умирающего, наверняка уже не сможет ему повредить.

Новый приступ конвульсий потряс Тарзана, заставляя то выгибаться дугой, то падать плашмя. На губах человека-обезьяны выступила пена; кожа заблестела от пота.

Наконец он затих и вытянулся, неподвижный, словно мертвец.

Джек испуганно прижал ладонь к широкой груди и ощутил беспорядочные слабые удары сердца...

Наверное, только сейчас Арно осознал, как много значит для него этот странный лесной человек. Он не мог позволить Тарзану погибнуть! — поэтому снова заговорил, умоляя друга не сдаваться, заверяя, что они непременно разыщут Джейн...

Он был почти уверен, что Тарзан его не слышит, но синие глаза вдруг широко открылись, слабо шевельнулись искусанные губы.

— Я... умру? — раздался чуть слышный шепот.

— Нет! Ты не умрешь, черт побери! На-ка, выпей... Пей, пей!

Давясь каждым глотком, убийца Керчака и Тублата послушно выпил целую чашку черной смеси и снова растянулся на спине, тяжело и неровно дыша.

Теперь его глаза не отрывались от Арно — приемыш Калы как будто осознал, что бессилен сладить с грозной силой Хисты, пожирающей его изнутри, и надеялся только на цивилизованного человека, который знал так много неизвестных ему самому вещей. В этом взгляде Джек читал безмолвную просьбу о помощи и с трудом удерживался, чтобы не заорать от сознания собственного бессилия. Но, по крайней мере, теперь лесной человек пытался бороться со смертью!

Арно снял горячее полотенце с ноги Тарзана и тихо охнул: не только колено, но и бедро чудовищно раздулось; опухоль поднялась на бок и почти достигла подмышки.

— Держись, сейчас я поменяю компресс...

Прикосновение холодной тряпки вырвало из горла Тарзана kloкочущий звериный рык, закончившийся чисто человеческим стоном... По телу человека-обезьяны, как электрический ток, снова пробежала судорога, кровь потекла из прокушенной насквозь нижней губы.

Джек выругался так, что небу стало жарко.

XXVII. Высшее общество

Яд змеи не смог одолеть могучего организма воспитанника обезьяны.

Рассвет застал измученного долгим ночным сражением Тарзана и почти такого же обессиленного Арно крепко спящими на полу хижины.

Джек проснулся от глухого ворчания рядом и увидел, что Тарзан пытается встать.

Встретив взгляд Арно, человек-обезьяна с вызовом заявил:

— Тарзан — самый могучий охотник в джунглях! Он сильнее Хисты!

— Тарзан — самый могучий охотник, — быстро подтвердил Арно. — Но все-таки тебе лучше пока лежать.

— Нет. Мне...

«Могучий охотник» привстал, но с рычанием снова повалился на пол.

Джек понял и помог ему подняться. Человек-обезьяна ответил на его помощь новым недовольным рычанием, но позволил себя поддержать. Без этого он вряд ли смог бы дотащиться до порога хижины. Маленькая Хиста оказалась самым серьезным противником, с которым Тарзану доводилось сражаться!

Человека-обезьяну страшно уязвляло, что в этом сражении ему пришлось прибегнуть к помощи Арно. Но в то же время он сознавал, что его друг — единственный человек, от которого он мог бы принять помощь.

Навалившись на плечо Арно, Тарзан с огромным трудом доковылял до одеяла, которое Джек расстелил на полу, и рухнул на бок. Ему хотелось лизать свою распухшую, по-прежнему мучительно болевшую ногу, но он не мог даже свернуться клубком.

«Все-таки несправедливо, что такой маленькой жалкой твари, как Хиста, дана такая сила!» — подумал Тарзан и, снизу вверх взглянув на Арно, грозно заявил:

— Тарзан сильнее Хисты!

— Гораздо сильнее, — серьезно отозвался Джек, читавший в душе человека-обезьяны, как в открытой книге.

Сам обладавший болезненной гордостью, он хорошо понимал, что сейчас чувствует лесной юноша, привыкший считать себя самым сильным существом в этих краях.

Ему пришлось долго увещевать Тарзана, прежде чем тот позволил осмотреть свою ногу.

Опухоль немного спала, из синеватой сделавшись темно-багровой, но когда Джек осторожно дотронулся до туго натянутой горячей кожи, Тарзан резко вздрогнул и щелкнул зубами.

Арно чувствовал, как ему не хватает элементарнейших познаний в медицине. Он смутно вспомнил рассуждения корабельного врача о горячке с каким-то мудреным латинским названием, часто следующей за укусом змеи...

— Мясо! — недовольно буркнул Тарзан, указывая кивком головы на оленью тушу.

Он не хотел есть, но и не желал, чтобы добыча пропала зря. Лежа на скомканном одеяле, он равнодушно смотрел, как Арно разжигает очаг и нанизывает мясо на вертел. Яд Хисты до сих пор грыз его ногу и бок тысячей раскаленных зубов, и человек-обезьяна не хотел шевелиться, чтобы не дразнить поселившийся в теле огонь. То, что ему пришлось вынести после укуса змеи, слилось в его сознании со страшным горем от потери Джейн. Тарзан ощущал странное оцепенение, какого не чувствовал даже после боя с Болгани. Ему не хотелось есть, не хотелось двигаться, не хотелось ничем интересоваться...

Когда Арно подошел к нему с найденной в аптечке прововоспалительной мазью, издающей резкий тревожный запах, Тарзан безропотно позволил намазать себя этой вонючей штукой.

С трудом преодолев дикарскую робость, Тарзан теперь безраздельно доверился Арно — и покорно переносил мучительную процедуру. Он вяло думал о том, что, должно быть, цивилизованные люди и вправду знают очень много — ведь благодаря помощи Арно он остался в живых после укуса Хисты.

Тарзан учился доверию, и это был очень трудный урок. В джунглях жизнь зачастую зависит от способности ко всем относиться с опаской. Но если бы он, Тарзан, применил этот навык сегодня ночью, он наверняка умер бы, — размышлял человек-обезьяна. Значит, бестолковые и никчемные белые выживают потому, что умеют доверять и помогать друг другу? Но как же тогда матросы, высадившие на берегу Джейн и ее друзей? Что случилось бы с Тарзаном, если бы он отдался во власть одного из этих людей?

Прикосновение к распухшему колену обожгло его таким огнем, что Тарзан вздрогнул и оттолкнул руку Арно.

— Лежи спокойно, — попросил Джек. — Я же не мешал тебе зализывать мои раны!

Человек-обезьяна стиснул зубы и позволил делать с собой все, что угодно.

Скоро боль в ноге и боку стала утихать, и приемыш Калы, жадно выпив поднесенную ему воду и отказавшись от мяса, заснул крепким освежающим сном.

Тарзан проспал весь день, всю ночь и часть следующего утра, а проснувшись, захотел есть.

Он пожирал жареное мясо, как изголодавшийся зверь, и наконец пожалел, что еды слишком мало. За событиями позапрошлой ночи и вчерашнего дня Джек и не подумал закоптить или завялить оленину.

Тарзан подумал было об охоте, однако понял, что сейчас ему не под силу даже собирать плоды и орехи. Опухоль быстро спадала, но нога все еще плохо слушалась его; человек-обезьяна чувствовал раздражающую слабость и опять был вынужден воспользоваться

поддержкой Арно, чтобы доковылять до порога и вернуться на свою подстилку.

Теперь Тарзан достаточно ожил, чтобы замечать пристальный взгляд друга, который то и дело глядел на него с очень странным выражением лица. Наверное, он презирает Тарзана за то, что тот такой беспомощный и слабый! — подумал человек-обезьяна и решительно заявил:

— Я пойду на охоту. Я — самый великий охотник в этих краях!

— Нам надолго хватит консервов, — рассеянно откликнулся Джек. — Может, это не то, что свежее мясо, но тоже вполне сносная еда...

Он дал Тарзану консервов и поел сам, уговорил человека-обезьяну выпить ужасно горький раствор хинина и, усевшись рядом на стуле, медленно проговорил:

— Тарзан, я помню, ты не раз рассказывал, что твоя мать была большой гориллой...

— Да. Мою мать Калу убил черный человек, а я убил черного человека.

Тарзан не понимал, какой смысл толковать о том, что и так давно известно им обоим.

Арно прошелся по хижине и сел на пол напротив лесного человека.

С трудом подбирая слова, стараясь говорить самым простыми фразами, чтобы его друг как следует все понял, он начал рассказывать о дневнике, который обнаружил в шкафу, и о том, что раскрылось ему на страницах этого дневника.

— Твоя мать, леди Элис, и твой отец, лорд Грейсток, оказались на этом берегу после бунта матросов. Так же, как недавно здесь оказались Джейн Портер и ее отец...

При имени Джейн в глазах Тарзана сверкнул огонь, Джек сбился и на мгновение замолчал, но тут же заговорил снова:

— ...Твой отец выстроил эту хижину и жил здесь с молодой женой. Здесь у его жены родился ребенок. И этим ребенком был ты, Тарзан. Должно быть, тебе не исполнилось и года, когда твои родители погибли и горилла Кала выкормила тебя, как собственного детеныша. На фотографии, которую я нашел в твоём колчане, изображен лорд Грейсток. Убедись сам — ты точная его копия. А это значит, что ты — Джон Клейтон-младший, подлинный наследник титула Грейстоков! — закончил Джек и стал ждать ответа.

Человек-обезьяна долго молчал.

Арно начал уже думать, что тот не понял его объяснений или не поверил им.

— Что такое «лорд»? — вдруг тихо спросил Тарзан.

Джек развел руками.

Попробуйте-ка объяснить юноше, выросшему в джунглях, значение таких вещей, как старинный аристократический род и наследственный титул, передающийся от отца к старшему сыну!

Так трудно Арно не приходилось с тех пор, как Тарзан, заинтригованный некоторыми часто повторяющимися его выражениями, начал допытываться, что такое «дьявол». Но Джек никогда не пасовал перед трудностями — и минут двадцать растолковывал товарищу условности, предрассудки и правила, созданные цивилизованными людьми.

Наконец он замолчал, чувствуя, что в красноречии превзошел самого себя.

— В вашем мире... В мире, откуда ты пришел, — глядя в пол, медленно проговорил Тарзан, — ценятся не сила и храбрость, а то, что человек — «лорд»?

Джек вздохнул и снова пустился в объяснения. Он закончил их словами:

— В цивилизованном мире, где живет Джейн Портер, к тебе будут относиться с большим уважением, друг мой. Тебе стоит радоваться тому, что ты — лорд Грейсток! А простому парню вроде меня,

пожалуй, следует гордиться, что я нахожусь в таком блистательном обществе.

Тарзан не ответил, и Джек усомнился, удачно ли он пошутил.

Может, он слишком внезапно обрушил на приемьша Калы свое невероятное открытие? Как должен чувствовать себя человек, вдруг узнавший, что он — не одинокое странное существо из джунглей, а плоть от плоти старинного английского рода?

— Когда мы отправимся искать Джейн? — спросил Тарзан.

— Что?

— Ты сказал, что белые люди любят титулы. Если Джейн узнает, что я — лорд, может, она захочет остаться со мной и больше не уйдет, как уже ушла однажды.

Арно понял, что переусердствовал, расписывая преимущества принадлежности к древнему роду. Он попытался исправить свою оплошность, но все его «с другой стороны», «тем не менее» и «далеко не всегда» не доходили до сознания Тарзана. Новоиспеченный лорд Грейсток был одержим желанием как можно скорей найти Джейн Портер, и все сложности взаимоотношений белых людей меркли перед этим желанием.

— Честно говоря, я знаю, где ее искать, — наконец признался Арно. — Пока ты спал, я нашел письмо, которое Джейн писала своей подруге, живущей в Балтиморе. Наверное, мисс Портер сейчас там...

— Это далеко? — жадно перебил Тарзан.

— Очень далеко. Много тысяч миль через океан, на другом континенте.

— Когда мы отправимся?

Арно покачал головой, встал, подошел к шкафу и вернулся с учебником географии. Раскрыв карту мира, он снова сел рядом с Тарзаном.

— Вот, смотри. Синим здесь закрашена вода, а земля — остальными цветами. Сейчас мы находимся здесь.

— А где Балтимор? — впившись глазами в карту, спросил Тарзан.

— Здесь.

— Это же совсем близко!

Арно снова покачал головой и принялся растолковывать, что такое масштаб.

Вскоре Тарзан понял самое главное — до Джейн Портер очень-очень далеко. Значит, чтобы до нее добраться, нужно поскорее отправиться в путь!

— Ты не сможешь переплыть океан, — терпеливо, как ребенка, продолжал увещевать Арно. — Через океан можно переправиться только на большом корабле — таком, например, как «Арроу»...

— Ты сможешь построить такой корабль? — быстро перебил Тарзан.

— Ну, дружище, ты слишком многого хочешь от бедного морского офицера! Я хожу на кораблях, но не строю их...

И вскоре человек-обезьяна — нет, лорд Грейсток — узнал, что для того, чтобы попасть на корабль, надо сперва попасть в какой-нибудь большой город.

Тарзан живо поинтересовался, есть ли такие города на континенте, где они находятся сейчас?

— Да. Не на этом диком побережье, но...

— Где? — перебил Тарзан.

Арно указал точку на карте.

— Сколько туда идти?

— Очень долго — много недель по безлюдным местам...

— Мы отправимся сегодня, — заявил Тарзан.

Джек внимательно посмотрел на него и понял, что Тарзан и вправду уйдет на северо-запад, чтобы добраться до белых людей, строящих

большие корабли, и что никакие силы не удержат его на пути к Джейн Портер.

— Хорошо. Мы пойдем туда, когда отдохнем и наберемся сил...

— Тарзан силен! — вскричал Джон Клейтон, лорд Грейсток, ударяя себя кулаком в грудь. — Тарзан сильнее всех в джунглях!

Он вскочил, но, наступив на больную ногу, пошатнулся и чуть не рухнул.

— От кого ты научился таким словам? — пораженно спросил Арно.

Что за глупый вопрос!

— От тебя, — Тарзан ощупывал ногу, яростно скаля зубы.

— Неужели?!

— Да, ты часто так говоришь.

— Что ж, можно простить сорванцу, выросшему на задворках Кливленда, некоторую вольность речи. Если бы не моя французская бабушка, вряд ли я получил бы приличное образование и офицерский чин. Но неиспорченное цивилизацией создание вроде тебя — а тем более такой человек, как лорд Грейсток — не должен опускаться до подобных выражений!

— «Неиспорченное цивилизацией создание»?

— Потом объясню, что это значит. И упаси тебя бог употреблять такие слова, когда ты встретишься с белыми женщинами, тем более с Джейн Портер!

— Когда мы пойдем искать Джейн? — вернулся Тарзан к самой важной для него теме.

— Когда будем готовы. Нет, — решительно прервал Арно возражения друга. — На этот раз ты послушаешь дядюшку Джека. Мы отправимся в путь, когда будем готовы пройти несколько сотен миль по дикому африканскому побережью... Иначе, дьявол меня раздери, я не покажу тебе, где находится Балтимор!

XXVIII. Долгий путь

Спустя неделю они отправились в путь, экипированные самым странным образом.

Джон Клейтон, лорд Грейсток, опять полный энергии и сил, нес постели, кухонные принадлежности, патроны и ружье впридачу к своему луку и колчану со стрелами.

Тарзану ужасно не нравилось грохочущее оружие белых людей. Выстрелы приводили его в панику, но он прилежно учился обращению с оружием, которым пользуются в цивилизованных местах. Чтобы завоевать Джейн, он должен был уметь делать все, что умеют делать другие белые люди... Но каково его нежной подруге жить там, где то и дело грохочут такие громы!

Иногда Тарзану становилось не по себе при мысли о мире, куда он шел — полном тысяч сложнейших правил, кишачем опасностями, совершенно отличными от тех опасностей, к которым он привык. Но ради Джейн он был готов на все.

Во время долгого пути по побережью Арно учил его есть, пользуясь ножом, ложкой и вилок, здороваться и прощаться так, как это принято в цивилизованном мире, бриться бритвой, а не ножом, не опасаться огня — и еще множеству разных вещей, смысла которых Тарзан зачастую не понимал и от которых голова шла кругом.

Но лицо Джейн Портер вставало перед его мысленным взором, и он жадно впитывал все уроки Арно.

Ни один учитель не мог бы и мечтать о более благодарном ученике: за месяц Тарзан достиг таких поразительных успехов в своем развитии, которые не могли сравниться даже с его успехами в овладении устной речью. Месяц назад из хижины на берегу вышел дикий приемщик большой обезьяны — а сейчас к обитаемым местам приближался если не образцовый джентльмен, то вполне прилично воспитанный молодой человек, хотя и по-дикарски одетый.

Обитаемые земли наверняка были уже близки: путникам все труднее становилось добывать дичь. Животные стали бояться людей — обезьянки бросались вверх по веткам, дикие свиньи скрывались, едва почуяв человека.

Тарзану и Арно порой приходилось по несколько дней питаться только скудными в эту пору плодами. Приближался сезон дождей, предвестники скорых сокрушительных ливней, таких страшных в экваториальных лесах южной Африки, уже несколько раз обрушивались на побережье.

Одежда, которую смастерил себе Арно из двух одеял, давно превратилась в клочья и мало чем отличалась от одежды Тарзана, импровизированная обувь перестала существовать. Человек-обезьяна не переставал дивиться неприспособленности цивилизованного человека к жизни вне «городов» и «поселков», но помогал другу переносить трудности длинного пути с тем же терпением, с каким тот помогал ему преодолевать трудности на пути превращения из обезьяны в человека.

Через полтора месяца они дошли до места, где поросший джунглями берег круто поднимался над океаном, оставляя лишь узкую полосу песка между обрывом и водой. Впереди была нелегкая дорога, и Тарзан предложил отдохнуть, чтобы продолжить путь завтра утром.

Оставив Арно разбивать лагерь, он взял ружье и отправился в джунгли, полный решимости впервые в жизни подстрелить дичь из огнестрельного оружия.

Почти сразу он услышал повизгиванье поросенка и увидел маленького кабанчика, запутавшегося в кустах.

Если бы человек-обезьяна не был так голоден, он был бы более осторожен, но голод заставил Тарзана позабыть о благоразумии. Дикая свинья не стоила того, чтобы пускаться в ход ружье; охотник прислонил оружие белых к дереву и быстро скользнул к повизгивающему мясу...

Дальше все произошло очень быстро.

Толстая сеть, присыпанная опавшими листьями, вдруг подхватила Тарзана и подняла над землей. Приемьш Калы с бешеным рыком рванулся, и хотя сеть выдержала, сломался сук, через которую была перекинута затянувшая ловушку веревка. Человек-обезьяна рухнул, продолжая яростно вырываться, перевалился через край откоса и кувырком покатился вниз, ударяясь о корни деревьев и камни.

За ним с дикими воплями бежали вооруженные копьями черные люди, и когда полуголушенный падением Тарзан рванулся снова, на него упала еще одна сеть. Чернокожие возбужденно приплясывали вокруг, держа наготове копья: сети были рассчитаны на льва, но попавшаяся в ловушку странная добыча вырывалась неистовее любого льва.

Толстые веревки трещали, но все-таки не поддавались натиску стальных мышц человека-обезьяны; Тарзан чувствовал себя таким же беспомощным, как тогда, когда его поймал в ловушку яд Хисты. Убедившись, что ему не вырваться, приемьш Калы поднял голову, насколько позволяла сеть, и издал вопль, который не издавал с раннего детства — вопль гориллы, попавшей в беду.

Пронзительный дикий крик раскатился далеко над прибрежными джунглями и над океаном, и негры перепуганно отскочили.

На крик человека-обезьяны почти сразу ответил близкий выстрел, а в следующий миг лежащий на боку Тарзан увидел, что Арно бежит к нему по берегу с ружьем в руках.

Чернокожие тоже увидели его и занесли копья.

Джек остановился в двадцати шагах и вскинул ружье.

— Бросьте копья! Отойдите от него! Отойдите, или...

Ему ответил громкий голос человека, которого Тарзан не видел и который крикнул по-английски:

— Это ты опусти ружье или получишь пулю в лоб!

Арно посмотрел на того, кто стоял позади Тарзана.

— Мы не враги, мы белые люди, как и вы! Велите этим чернокожим отпустить моего друга!

— Опустите ружье! — вмешался другой голос, странно выговаривающий английские слова.

Тарзан наконец сумел добраться до ножа и немедленно пустил его в ход.

— И не подумаю, — возразил Джек. — Я не знаю, кто вы...

— Я отец Кристиан из здешней миссии. Это — мсье Шерпантье. А вы кто такой, называющий себя другом этого дикаря?

— Я — лейтенант Джек Арно, — Джек наконец опустил ружье. — А этот, как вы изволили выразиться, дикарь — Джон Клейтон, лорд Грейсток...

— Что?!

— Понимаю, мы выглядим очень странно, но любой после шестисотмильного пути по африканскому побережью выглядел бы ничуть не лучше...

Сеть, удерживавшая Тарзана, лопнула.

Одним прыжком гигант оказался на ногах, схватил за горло ближайшего чернокожего и поднял высоко в воздух. Негр захрипел и выкатил глаза, его товарищи перепуганно заголосили и бросились наутек. Лесное чудовище освободилось!

— Нет! — крикнул Джек, хватая за руку разъяренного Тарзана. — Отпусти его!

Несколько секунд (показавшихся несчастному негру целой вечностью) Тарзан держал своего обидчика на весу, испепеляя яростным взглядом; наконец нехотя отпустил, и у двух белых, снова схватившихся за ружья, вырвался вздох облегчения.

— Если бы вы знали, что нам пришлось пережить, вы бы не удивлялись горячности лорда Грейстока, — объяснил Джек, укоризненно глядя на Тарзана.

Чернокожий сидел на песке, испуганно подвывая, но черноволосый гигант больше не обращал на него внимания. Он посмотрел на пожилого белого человека, который стоял перед ним, и протянул руку, как учил его Джек Арно.

— Рад с вами познакомиться.

— Да... Я тоже рад, — пастор с опаской пожал широкую ладонь, едва не переломавшую ему костей. — Прошу прощения за прием, который оказали вам мои бедные чернокожие дети... И прошу пожаловать в нашу миссию, господа. Она может похвалиться немногими благами, но все, что в ней есть, к вашим услугам!

— Благодарю вас, — вежливо ответил лорд Грейсток.

Таким было прибытие воспитанника Калы на самый отдаленный форпост белой цивилизации.

XXIX. Мир белых людей

Отдохнув в маленькой миссии на краю джунглей, Тарзан и Джек Арно отправились в город в десяти милях дальше по побережью — настоящий оплот прогресса, образования, просвещения, бизнеса и прочих благ современной культуры.

Пребывание в городе обрушило на Тарзана целый шторм невиданных впечатлений.

Когда он впервые очутился на улице, стиснутой высокими домами в два-три этажа, полной экипажей, запряженных огромными животными (даже Нума показался бы карликом рядом с ними!), забитой снующими туда-сюда людьми, он пришел в такое смятение, что Арно пришлось взять его за руку. Его друг дрожал, как дрожал бы внезапно попавший в город дикий зверь.

Потом гордость возобладала, а любопытство пересилило страх, и Тарзан не дрогнул даже при виде отчаянно сигналижающей машины, застрявшей между конными экипажами.

Джек объяснял лесному человеку все, что привлекало его внимание, стараясь успокаивать его не только словами, но и тоном — и вскоре Тарзан узнал, что к собакам нельзя относиться, как к добыче, даже если они с лаем увиваются у ног; что машины и экипажи могут быть опасны, только если сунуться под колеса; что не стоит бросаться на крикливых возчиков, какими бы словами они тебя не поливали...

В тихом номере маленькой гостиницы Тарзан наконец-то смог перевести дух и тут же скинул полотняный костюм, который невыносимо стеснял и раздражал его, а потом с таким же облегчением избавился от парусиновых туфель.

Оставшись в том предмете своего гардероба, который напоминал ему привычную набедренную повязку, лорд Грейсток уселся на пол и заговорил о деньгах.

Он уже успел догадаться, что металлические кружочки, которые люди то и дело передают из рук в руки, играют в цивилизованном

мире огромную роль. А если эти маленькие звонкие штучки имеют здесь такую ценность, обрадуется ли Джейн, если он принесет ей целую кучу больших желтых монет?

Выслушав рассказ о сундуке, полном золотых монет, который остался на поляне танца Дум-Дум, Джек Арно вскочил и долгое время смотрел на человека-обезьяну в немом удивлении.

— Дьявол меня раздери! — наконец вскричал он. — Ты хочешь сказать, что я три недели спал и ходил по поляне, посреди которой закопан испанский клад?!

Тарзан кивнул.

— Джейн обрадуется, если я подарю ей эти деньги?

— Да ведь они и так принадлежат ей... Вернее, ее отцу!

На сей раз пришла очередь Тарзана с напряженным вниманием выслушать историю поисков, обретения и потери отцом Джейн испанского клада. Еще не дослушав до конца, человек-обезьяна легко взвился на ноги.

— Я выкопаю клад и отдам его Джейн!

— Нет, это не очень удачная идея. У нас нет денег, чтобы зафрахтовать корабль для перевозки сокровища; возвращаться же шестьсот миль по побережью в сезон дождей, а потом иди обратно с несколькими килограммами золота на спине... Лучше забудь об этом, дружище. Сначала надо добраться до Балтимора, и тогда ты сможешь признаться Джейн в своей невольной краже. Вряд ли она будет сильно сердиться на тебя, узнав, что испанское золото нашлось.

— Но чтобы добраться до Балтимора, нам все равно нужны деньги?

— Да.

— Они у нас есть?

— Нет.

— А как люди получают деньги?

— Они их зарабатывают.

— Каким образом?

Джек вздохнул. Гостя у сестры, он был вынужден сносить бесконечное «зачем?», «откуда?» и «почему?» своего племянника, однако куда было этому маленькому почемучке до любознательности Тарзана!

Однако, общаясь с человеком-обезьяной, Джек научился неиссякаемому терпению.

— Люди зарабатывают по-разному. Одни строят дома, другие пекут хлеб, третьи продают газеты... А еще люди пишут книги, дерутся на ринге, играют на бегах, заключают пари, служат матросами и командуют ими... Ладно, не думай пока о деньгах. Скоро я получу пятимесячное жалованье, которого с лихвой хватит, чтобы добраться до Америки. А пока придется воспользоваться великодушным гостеприимством отца Константина...

— Но ты говорил, что, может быть, я богат?

— Даже если и так, нам еще предстоит доказать, что ты — настоящий лорд Грейсток. А сейчас твоим титулом и богатством пользуется тот молодой человек, который помогал нам в поисках Джейн. Старый профессор называл этого юношу Джоном Клейтоном, лордом Грейстоком; должно быть, он — твой близкий родственник, может быть, кузен...

— Что такое кузен?

— Можно, я объясню тебе это завтра? А сейчас неплохо бы поспать... Кстати, Тарзан, тебе надо привыкать спать на кровати, а не на полу. Иначе по этому поводу у тебя когда-нибудь могут возникнуть самые серьезные разногласия с Джейн!

XXX. Пари

Когда Арно сообщил телеграфом, что жив, и испросил у начальства трехмесячный отпуск и пятимесячное жалованье, друзья снова перебрались в миссию отца Кристиана — ближайший корабль из Америки должен был прибыть в город только через две недели.

Такая задержка бесила Тарзана, зато пребывание в маленьком поселке помогло ему освоиться со сложной ролью цивилизованного человека.

Сразу за палисадом небольшого селения поднимались джунгли, но кроме знакомых голосов лесных тварей человек-обезьяна теперь каждый день слушал беседы немногочисленных белых обитателей поселка.

Никто из них и не подозревал о невероятной судьбе красивого черноволосого молодого человека, вместе с лейтенантом Арно живущего у отца Кристиана. Джек посоветовал Тарзану помалкивать о своей прошлой жизни. Он понимал, что начнется, если истина станет известна.

Белым жителям миссии пришлось удовольствоваться скудным рассказом о том, что Джон Клейтон, лорд Грейсток, перенес тяжелые испытания в африканских джунглях и на долгое время оказался оторван от цивилизации. Это объяснило людям некоторые странности замкнутого юноши и, обеспечив Тарзану сочувствие и уважение окружающих, избавило его от болезненного любопытства и тыканья пальцами в сторону приемьша гориллы.

Миссионер, врач, правительственный чиновник, два естествоиспытателя и охотник, собираясь каждый вечер в гостиной доктора Арваля, рассуждали о политике, играли в карты, толковали об охоте на крупного зверя и слушали рассказы Арно о его приключения в джунглях.

Часто общество забывало о сидящем в кресле возле окна лорде Грейстоке; что же касается Тарзана, он предпочитал внимательно

слушать, но по большей части молчать, ибо, как заметил однажды Джек: «Если не знаешь, что сказать — не говори ничего!»

Разговоры белых людей иногда казались Тарзану интересными, часто — непонятными, порой — до отвращения глупыми, но однажды речь зашла о таких вещах, что лорд Грейсток впервые присоединился к беседе.

Француз Шерпантье, охотник-любитель, специально приехавший в Африку для охоты на львов, заговорил о трусливом характере этих зверей.

— Льва могут называть царем зверей только несведущие люди, — отхлебывая портвейн, авторитетно рассуждал француз. — Мне много раз приходилось противостоять этому так называемому владыке джунглей, и уверяю вас — встреча со слоном или с носорогом гораздо опасней. Несмотря на свою грозную репутацию, львы, в сущности, до смешного робкие существа...

— Но согласитесь, когда неподалеку раздается голос этого «робкого существа», особенно среди ночи, людям становится не до смеха, верно? — возразил врач.

— Все зависит от привычки, — пожал плечами француз. — На моем счету дюжина убитых львов, и я привык относиться к их рыканью так же спокойно, как другой относится к лаю собак...

Вот тут-то лорд Грейсток покинул свое кресло и подсел к столу.

— Как вы их убивали? — с интересом спросил он Шерпантье.

— Вас спрашиваете о роде оружия, мсье Клейтон? Мое любимое оружие — нарезная винтовка, хотя мне приходилось пользоваться и гладкоствольным ружьем, и сетью...

— Мсье Клейтон ознакомился с вашей сетью сразу по прибытии в эти края, — улыбнулся Арно.

— Нда, тот несчастный случай был крайне досаден для нас обоих — лорд Грейсток пережил несколько неприятных минут, а я лишился пары отличных сетей. Надо сказать, я собирался поймать тогда вовсе не льва, а молодую пантеру для лионского зоопарка, но и «царя

зверей» мне доводилось добывать живьем при помощи подобной ловушки... Весьма несложная процедура!

— А ножом при охоте на льва вы разве не пользуетесь? — спросил Тарзан.

Шерпантье раздраженно посмотрел на загорелого черноволосого гиганта, приняв его вопрос за насмешку. Потом вспомнил об испытаниях, пережитых беднягой, и смягчился.

— Ножом? А как же! Я снимаю им с добычи шкуру, — шутливо промолвил он и отхлебнул портвейна. — Вот видите этот испанский нож? Им я снял не меньше дюжины львиных шкур!

— Кстати, мсье Клейтон, — проговорил чиновник, — вы провели много времени в самых глухих уголках африканских джунглей. Скажите, что вы думаете о характере львов? Они действительно такие трусы?

— Не могу точно ответить на ваш вопрос, — задумчиво откликнулся Тарзан. — Согласитесь — нельзя судить о характере всех белых людей по какому-нибудь одному белому человеку. Среди белых — как и среди черных — встречаются и трусы, и храбрецы. Со львами дело обстоит точно так же. Сегодня вы натолкнетесь на робкого льва, и он убежит, поджав хвост. Завтра вы встретите его дядю, или его брата-близнеца — и вам придется порядком потрудиться, пока вы его убьете... Даже если у вас будет такой прекрасный нож, как у мсье Шерпантье.

Арно поперхнулся портвейном.

Остальные переглянулись, жалея, что жизнь в дебрях Африки так сказалась на рассудке славного молодого аристократа.

Однако охотник почувствовал себя порядком уязвленным.

— Вы хотите сказать, мсье Клейтон, что охотились на льва с одним ножом? — фыркнул он.

Насмешливый тон француза не понравился Тарзану. Но он уже уяснил, что цивилизованные люди должны уметь сдерживаться, поэтому лишь коротко ответил:

— Да.

— Может, сыграем в карты? — предложил Арно. — Эти разговоры о львах всем уже порядком надоели!

Но портвейн слишком разгорячил знаменитого охотника, а его самолюбие было серьезно задето.

— И вы могли бы пойти сейчас в джунгли и убить льва тем способом, о котором упомянули? Без ружья, без винтовки или сети, одним ножом?

— Разумеется.

— Я не верю ни одному вашему слову! — взорвался француз, выведенный из себя спокойствием Тарзана.

— Вы хотите сказать, что я лгу?

Ноздри Тарзана раздулись.

— Господа! Господа! — раздались отовсюду возгласы. — Мсье Шерпантье! Лорд Грейсток!

Арно громко кашлянул, и когда Тарзан посмотрел на него, предостерегающе покачал головой.

Человек-обезьяна медленно выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Я готов заключить пари, что добуду льва с одним ножом еще до рассвета, — спокойно сказал он.

В комнате ненадолго воцарилась тишина, а потом Шерпантье грохнул стаканом об стол и вскричал:

— Отлично! Ставлю пять тысяч франков, что вам это не удастся!

— Господа, опомнитесь! — вскричал врач. — Это же безумие!

— Поставьте десять тысяч франков — и я отправлюсь в джунгли не только без ружья и сети, но и без одежды, — заявил лорд Грейсток, в упор глядя на француза.

В его синих глазах светилась уже не ярость, и насмешка, и Шерпантье уловил ее, несмотря на действие винных паров.

— Вот как?! — прославленный охотник не мог позволить издеваться над собой какому-то безумному английскому лорду. — Я готов поставить пятнадцать тысяч против такой же суммы!

— Договорились, — Тарзан встал и начал раздеваться.

Арно тоже вскочил.

— Что ты делаешь?! — прошептал он на ухо товарищу. — У нас нет таких денег!!

Тарзан удивленно посмотрел на него.

— Скоро будут, — ответил он.

— А если тебе не удастся выследить льва до рассвета?

Тарзан пожал плечами.

Все с разинутыми ртами смотрели, как он снимает пиджак, рубашку и брюки.

— Помилосердствуйте, неужели вы и вправду собираетесь...

— Вы позволите взять ваш нож? — обратился Тарзан к охотнику. — Благодарю, я скоро его верну.

В спокойствии черноволосого гиганта было что-то такое, от чего никто не решался его остановить, когда он снимал одежду и обувь. Люди бросали отчаянные взгляды на Арно. Все видели, что молодой офицер имеет на своего товарища некоторое влияние, и теперь ждали, что он вмешается и предотвратит самоубийство.

Но Арно курил сигарету и молча смотрел на приготовления друга.

И вот босой обнаженный гигант взял ножны с длинным охотничьим ножом Шерпантье и перекинул ремень через плечо.

— Я скоро вернусь.

— Возьмите, выпейте напоследок, — пьяно рассмеялся француз, протягивая безумцу стакан портвейна. — Выпейте за упокой своей души!

Человек-обезьяна с отвращением оттолкнул стакан. С той ночи, когда Арно отпаивал его бренди после укуса змеи, его передергивало от одного запаха спиртного.

— Опомнитесь! — воззвал врач, бросаясь между лордом Грейстоком и дверью. — Остановитесь!..

Тарзан осторожно отодвинул его и выскользнул в ночь.

— Арно, он же ваш друг! — закричал чиновник. — Почему вы его не остановите?!

— Именно потому, что он мой друг, — Джек выпустил из ноздрей струйки дыма.

— Не волнуйтесь, господа! — рассмеялся француз. — Наш милейший доктор объяснит, что такие припадки безумия быстро проходят. Свежий воздух живо приведет в чувство нашего лорда, и он вернется сюда целым и невредимым!

— Конечно, — Арно загасил сигарету. — А пока, может, все-таки сыграем в карты?

Тарзан мчался по деревьям среди прохлады и чудесных звуков ночных джунглей.

Вот это — жизнь!

Наконец-то он на свободе, наконец одежда не стесняет его движений и никакие правила поведения не спутывают его по рукам и ногам!

«Невежливо перебивать собеседника, Тарзан!»

«Вилку держат в другой руке, Тарзан!»

«Ты можешь подавать первым руку мужчине, но не женщине!»

«Не рычи на собак, не останавливайся посреди дороги, не спи на полу!»

Каким же пленником он был все это время!

Тарзан летел по вершинам среди ветра и ласкающей обнаженное тело листвы.

В небе светила полная луна, и он мысленно услышал частый стук барабанов танца Дум-Дум — как бы он хотел сейчас оказаться в кругу неистово скачущих, раскачивающихся соплеменников! Даже о Керчаке и Тублате он вспоминал сейчас безо всякой злобы.

Ему казалось, что он снова в родных джунглях рядом с хижиной на берегу. Только теперь он понял, как тоскует по тем краям и как хочет туда вернуться.

А почему бы и нет?

Почему он должен возвращаться в пропитанную запахом табака и спиртного комнату, к чужим и непонятным ему людям, к их странным разговорам о политике и религии, к их унылым заботам о тысяче глупых вещей? Когда он сидел над книгами, водя пальцами по чудесным цветным картинкам, цивилизованный мир представлялся ему совсем другим, но теперь — ах, нет, эта жизнь не для него!

Он больше не хочет быть «настоящим джентльменом» и наследником рода Грейстоков!

Он не вернется в поселок!

Опьяненный свободой, Тарзан с ликующим криком перепрыгнул через пятнадцатифутовую пропасть, качнулся на лиане, глядя на горящую над верхушкой дерева луну...

И вдруг прекрасное лицо Джейн встало перед его мысленным взором. Ее губы, ее шелковистые волосы, ее сияющие глаза...

Тарзан снова закричал, но на этот раз в его крике была мучительная нерешительность.

Его как будто разрывали пополам — одна его часть больше всего хотела остаться в диких джунглях, другая преисполнилась тоски по Джейн и желания ее увидеть.

Человек-обезьяна качался на ветке, не зная, как ему поступить.

Он уже не понимал, кто он — сын Калы? Сын леди Элис? Тарзан из племени обезьян? Лорд Грейсток? Истинный джентльмен или

«неиспорченное цивилизацией создание», как назвал его однажды Джек Арно...

Воспоминание об Арно помогло Тарзану принять решение.

Он перекинулся с ветки на лиану и соскользнул на землю.

Оставшиеся в комнате люди и впрямь начали было играть в карты, но то и дело забывали ходы; они пытались разговаривать, но все время меняли тему разговора.

— Нет, шутка слишком затянулась! — произнес наконец чиновник. — Я пойду на поиски этого сумасброда и приведу его назад!

— Я с вами! — подхватил врач, и все остальные, кроме Арно и Шерпантье, тоже торопливо поднялись.

И тут из джунглей раздался ужасный крик, лишь слегка приглушенный расстоянием и шумами леса.

— Господи! Что это? — вырвалось у врача.

Шерпантье растерянно пожал плечами, зато тихо ответил один из естествоиспытателей:

— Я слышал такое однажды в местности, где водятся гориллы. Такой крик издает взрослый самец обезьяны, когда убивает противника. Но ведь здесь нет горилл... Ничего не понимаю!

Непонятный страшный вопль отвлек компанию от тягостных мыслей о блуждающем где-то голом безумце с ножом, и все заспорили, что за существа могут издавать такие невыносимые крики?

Арно не принимал участия в обсуждении. Он точно знал, что этот крик вырвался из горла его друга Тарзана — лорда Грейстока, и что Шерпантье проиграл пари.

Вдруг дверь комнаты открылась... И чернокожий слуга панически взвизгнул, а все белые замерли, как пораженные громом, когда через порог шагнула высокая фигура с огромным гривастым зверем на плечах. Ни дать, ни взять Геракл, несущий задушенного Немейского льва!

Но этот лев был не задушен, а убит ударом ножа в сердце.

Уронив у порога свою добычу, гигант подошел к онемевшему Шерпантье и, игнорируя тысячу взволнованных возгласов и вопросов, посыпавшихся на него со всех сторон, коротко бросил:

— Я выиграл пари.

— Д-да... Ааа... — вот и все, что сумел выдавить знаменитый охотник.

Мысль, что над ним издеваются, вновь появилась в его смятенном мозгу, но под взглядом Тарзана француз не посмел высказать это вслух. Он и без того выставил себя на всеобщее посмешище!

— Вы заплатите?

Тут уж Шерпантье просто не мог не возмутиться!

— Разумеется, я заплачу! Вы что же думаете — я способен отказаться от заключенного пари?

— Конечно, мсье Шерпантье заплатит, — быстро вмешался Арно. — А сейчас разрешите поблагодарить всех за прекрасный вечер и откланяться!

— Спокойной ночи, господа, — лорд Грейсток попрощался с обществом полным достоинства поклоном, перешагнув через убитого льва и покинул комнату.

Арно вышел следом с его одеждой в руках.

— ...Ты поразительно быстро учишься, мой друг, — догнав Тарзана, заметил он.

— Я давно убиваю львов, мне не нужно этому учиться! Тарзан — самый великий охотник в джунглях...

— Несомненно. Но я имел в виду не льва, а твое пари. Всего несколько дней назад ты даже не знал, что такое деньги — и вот сейчас одним махом заработал больше, чем я за все время офицерской службы!

— Теперь мы сможем добраться до Балтимора?

— Теперь ты можешь хоть совершить кругосветное путешествие, дружище.

Но вместо того, чтобы как-то выказать свое удовлетворение, Тарзан глубоко вздохнул. Он повернулся к чернеющему за палисадом лесу и потянулся гибким мощным обнаженным телом, блестящим, как темная бронза, при свете луны.

Маленький поселок крепко спал, но в чаще шла хлопотливая ночная жизнь. Тарзан слышал вскрикивание птиц, шорох листвы под лапами лесной кошки, взвизгиванье кормящейся в подлеске семьи кабанов...

Арно догадывался, что беспокоит его друга. И — странное дело! — у него тоже защемило сердце, когда он подумал, что скоро Черный Континент останется для него лишь воспоминанием. Он пережил здесь много страшного и мучительного — такого, что еще долго будет видеться ему в кошмарных снах. Но в других его снах наверняка будет луна над девственной громадой леса, хлопотливая суeta птиц и бабочек, за которыми он наблюдал, лежа на поляне танца Дум-Дум, и стремительная ловкая фигура Тарзана, великого охотника джунглей, летящего по ветвям как олицетворение свободы, силы и радости бытия...

— В больших городах за океаном здороваются и прощаются так же, как здесь? — прервал мысли Арно деловитый вопрос Тарзана.

— Да. И запомни еще одно важное правило, — Арно отдал Тарзану его одежду. — Воспитанный джентльмен, попрощавшись, никогда не выходит из дома голым!

XXXI. Согласие

Перед старомодным домом одного из предместий Балтимора остановился роскошный автомобиль, из которого вышел хорошо сложенный мужчина лет сорока с резкими суровыми чертами лица. Он энергично позвонил; тут же, не дожидаясь, пока ему откроют, вошел в незапертую дверь и уверенно направился в библиотеку.

— А! Мистер Канлер! — воскликнул седовласый полный старик, отрываясь от книги и щури близорукие глаза на вошедшего.

— Добрый вечер, дорогой профессор! — отозвался гость, протягивая ему руку. — Опять вашу Эсмеральду не дозовешься! Не понимаю, какой резон держать такую ленивую служанку?

— Должно быть, она помогает сейчас Джейн примерять новое платье... Увы, когда дело доходит до нарядов, все женщины...

— Профессор, — перебил Канлер, — откровенно говоря, я пришел сюда для серьезного разговора.

— Вот как? — профессор Портер стал шарить в поисках очков. Вечно эта несносная вещь куда-то исчезала! — Я вас слушаю, мистер Канлер.

— Я бы хотел поговорить с вами о Джейн. Вам известны мои серьезные намерения в отношении вашей дочери, вы с самого начала благосклонно смотрели на мое ухаживание...

— Да-да, конечно... И что же вас беспокоит?

— То, что с тех пор, как мисс Портер начала принимать мои ухаживания, прошло уже порядочно времени. Я был бы счастлив обвенчаться с ней хоть сегодня, но она все время откладывает свадьбу — то под одним, то под другим предлогом. Честно говоря, мне кажется, ваша дочь была бы рада, если бы эта свадьба вообще не состоялась!

Профессор наконец-то нашел очки, водрузил их на нос и вздохнул.

— Не волнуйтесь так, мистер Канлер! Джейн просто немножко нервничает, как и любая другая девушка, перед самым ответственным шагом в своей жизни. Вы не поверите, но ее мать соглашалась и снова отказывала вашему покорному слуге три раза, прежде чем мы все-таки поженились. Да-да, милостивый государь, целых три раза!

— Так, значит, я по-прежнему могу рассчитывать на вашу поддержку? — деловито осведомился Канлер.

— Вне всякого сомнения! Такой блестящей партии был бы рад пожелать для своей дочери каждый отец.

Канлер какое-то время колебался и наконец нехотя проворчал:

— Меня тревожит еще кое-что.

— Что именно?

— Этот англичанин Клейтон... Я замечаю, что он постоянно появляется здесь и расточает Джейн умильные взгляды. А ведь помимо титула он обладает и большим состоянием...

— Чем же я могу вам тут помочь, мистер Канлер? Я не могу запретить своей дочери общаться с молодым лордом, вместе с которым она столько пережила во время наших африканских приключений.

— Я очень вас прошу, — Канлер произнес слово «прошу» так, как будто вывел его большими печатными буквами на фоне петита, — я прошу употребить все ваше влияние, чтобы убедить Джейн обвенчаться со мной как можно скорее. Скажем, на этой неделе.

— Хм. Видите ли... Джейн кое в чем очень похожа на мать — а я говорил вам, что миссис Портер отказывала мне три раза, прежде чем мы наконец обвенчались?

— Говорили.

— Так вот, иногда моя дочь бывает так же строптива. Не далее как сегодня я объяснил ей, что больше не могу содержать этот дом, в котором она родилась. Больше того — что вскоре мы вряд ли сможем жить сообразно с требованиями ее положения.

— И что же она ответила?

— Что ее требования не столь уж велики и что она всегда может поселиться у своей тетки в Балтиморе.

Канлер явно собирался резко возразить, но тут дверь библиотеки открылась, и в комнату вошла Джейн Портер.

— О, прошу меня извинить! — воскликнула она, остановившись на пороге. — Я думала, папа, что ты один!

— Это всего-навсего я, Джейн, не смущайтесь, — язвительно бросил Канлер. — Не хотите ли войти и присоединиться к семейному разговору?

— Благодарю, я только хотела сказать, что Джон Клейтон приехал, чтобы отвезти меня в Балтимор. А к тебе пришел Тобиас Мюррей, папа...

— Тоби здесь? — воскликнул профессор Портер.

— Да, он и Эсмеральда сейчас заняты религиозным диспутом у черной лестницы.

— Я должен немедленно его повидать! Прошу прощения, мистер Канлер, я вас оставляю, — и старик поспешно покинул комнату.

Джейн хотела выйти вслед за отцом, но Канлер встал между ней и дверью.

— Вот что, Джейн, — грубо сказал он. — Долго еще вы собираетесь тянуть волынку?

— Прошу прощения? — возмущенно переспросила Джейн.

— Не притворяйтесь, вы знаете, о чем я!

— Знаю. Но я ничего вам не обещала...

— Да, но вы и не отказали мне! А если вы выйдете за меня замуж, вам уже не придется жить из милости у старой тетки в Балтиморе.

Джейн вспыхнула.

— Понимаете ли вы, мистер Канлер, что вы меня покупаете? — срывающимся голосом спросила она. — Конечно, понимаете! Именно потому вы и дали папе денег взаймы на его сумасбродную экспедицию

— чтобы получить подобную возможность. Такой хороший делец не станет просто так ссужать кого-то деньгами на поиски полумифических кладов. Вы знали, что вексель, на котором стоит подпись моего отца — лучший способ принудить меня к замужеству!

Джейн говорила все громче, а Роберт Канлер слушал ее с наглой улыбкой.

— Вы меня удивляете, Джейн, — насмешливо проговорил он. — Я думал, у вас больше самообладания, больше гордости. Конечно, я вас покупаю. Но я был уверен, что вы предпочтете сделать вид, будто это не так. Вот уж не думал, что вы во всеуслышанье осмелитесь признать себя продажной женщиной! Но раз вы предпочитаете называть вещи своими именами — будь по-вашему. Да, я покупаю вас и хочу получить немедленно! Если завтра же мы не обвенчаемся, я потребую немедленного погашения векселя, и ваш ученый папаша в тот же день окажется на улице без гроша в кармане!

Смертельно бледная Джейн смотрела на издевающегося над ней человека. Любого другого расстрогал бы этот отчаянный взгляд, но Канлер только улыбнулся еще самодовольнее. Он знал, что Джейн в его власти и упивался этим.

— Итак, решено — сегодня же мы обвенчаемся в церкви Святого Духа, а завтра отправимся в свадебное путешествие. Я буду ждать вас в церкви ровно в семь, да смотрите, не опаздывайте, не выношу опозданий!

Джейн задрожала.

— Итак, милочка, вы принимаете мое предложение? Вы согласны стать моей женой?

Из глаз девушки брызнули слезы.

— Согласна! — прошептала она и бросилась вон из комнаты.

Вслед ей раздался громкий хохот Роберта Канлера.

Под причитания и плач Эсмеральды, провожавшей свою хозяйку так, словно та отправлялась не в Балтимор, а снова в ужасную Африку, машина Уильяма Клейтона отъехала от дома.

— Что с вами, Джейн? — заботливо спросил молодой человек. — Вы так бледны!

Джейн Портер долго молчала.

— Я только что дала слово выйти замуж за Роберта Канлера, — наконец тихо сказала она.

Автомобиль резко вильнул, но Клейтон тут же взял себя в руки.

— Вы его любите?!

— Нет, — услышал он чуть слышный шепот.

— Тогда зачем же?!. Неужели это из-за того злосчастного векселя, Джейн?!

Она кивнула.

— Мерзавец! Теперь я понимаю, почему он упорно отказывается его продать!

В погасшем взоре Джейн впервые появился слабый свет.

— Вы хотите сказать, что пытались выкупить папин вексель? Я не знала...

Молодой человек густо покраснел.

— Простите... Я не должен был вам об этом говорить. Это вырвалось у меня случайно. Я знаю, как вы горды, Джейн, но я богат и без усилий смог бы купить у Канлера злосчастный вексель даже за тройную сумму! Но он не хочет его продавать.

— Спасибо, Уильям! Хотя ваш великодушный замысел не удался, я все равно в неоплатном долгу за вашу доброту!

— Все ваши долги были бы оплачены, если бы вы согласились выйти за меня замуж, — тихо проговорил Уильям Клейтон.

— Нет, — покачала головой Джейн. — Я ценю вашу дружбу, Уильям, но я не люблю вас. Я буду презирать и ненавидеть того, за кого выйду замуж ради денег, и я не хотела бы, чтобы этим человеком были вы. Лучше сохраните мое уважение и дружбу.

— Но...

— Есть и еще одна причина, по которой я не могу выйти за вас замуж.

— Какая же?

— Я дала слово Роберту Канлеру. А я никогда не нарушаю слова.

— Во всем этом есть чудовищная несправедливость, — с горечью проговорил Клейтон, и на всем протяжении пути до Балтимора молодые люди больше ни разу не нарушили молчание.

XXXII. Пожар

Последний день свободной жизни Джейн Портер стал для нее тянущимся час за часом кошмаром.

Едва обняв тетушку и умывшись с дороги, она сказала, что хочет погулять перед обедом.

На самом деле девушка хотела лишь одного — забиться в какой-нибудь уголок, где ее никто никогда не найдет.

Суматоха на улицах большого города не смогла отвлечь ее от мысли от того, что вскоре ей предстоит. Нечто подобное Джейн уже испытывала однажды, когда попала в лапы гориллы и уже не надеялась на спасение; теперь вместо гориллы к ней протянул жадные лапы Роберт Канлер. Только на сей раз дивный лесной полубог не придет, чтобы защитить и спасти ее!

— Наверное, он давно про меня забыл... — прошептала Джейн, уносясь мыслями к своему возлюбленному. — И, надеюсь, он счастлив в родных джунглях... О, если бы я могла снова оказаться с ним рядом!

Устав от блуждания по улицам, Джейн решила наконец зайти к Элоизе Стронг — единственному человеку, которому она могла поверить все свои печали.

Семья Элоизы жила в высоком доме, выходящем торцом на главную площадь; мистер Стронг, эксцентричный богатый джентльмен, ненавидевший уличный шум, но любивший быть в «центре городской культуры», снял в этом доме весь верхний этаж.

При виде Джейн Элоиза несказанно обрадовалась — ее родители ушли на цветочную выставку, а она из упрямства осталась дома. Если миссис Стронг назвала ее шляпку «чудовищной», а мистер Стронг поддержал жену — вот пусть они и развлекаются без нее, а она останется дома одна-одинешенька! Во всеуслышанье объявив о своем решении, Элоиза так погорячилась, что даже отпустила прислугу... И теперь вправду сидела одна, отчаянно скучая. Как хорошо, что Джейн пришла ее навестить!

Тут Элоиза пригляделась к подруге и прервала радостную болтовню.
— Что с тобой? У тебя какой-то странный вид! Ты не больна?

Джейн обняла Элоизу за шею и зарыдала.

Пожар начался так, как обычно и начинаются пожары — внезапно и без видимой причины.

Просто кондитерский магазин на первом этаже шестиэтажного здания вдруг наполнился дымом, а когда испуганные люди стали выбегать на улицу, языки пламени уже лизали прилавки.

Раздался громкий крик: «Горим!» мгновенно собравший на улице перед домом быстро густеющую толпу, и вскоре затрезвонил колокол пожарной команды.

К тому моменту, как на огонь были направлены струи брандспойтов, пламя охватило первые три этажа, и собравшиеся перед зданием люди вдруг закричали от ужаса, увидев в окне женщину с ребенком. Прижав сынишку к груди, женщина отчаянно махала другой рукой. Мгновенно к окну была приставлена лестница, и все, затаив дыхание, смотрели, как пожарный помогает бедняжке спуститься; даже очутившись в безопасности на земле, перепуганная мать долго не могла выпустить из рук своего малютку.

Еще двух мужчин удалось снять со второго этажа таким же образом; но огонь все разгорался, и оставалось лишь благодарить бога, что третий, четвертый и пятый этажи занимали конторы, где в этот воскресный день не было людей. Но что будет с семьей, живущей на самом верху?

Вдруг в толпе раздался страшный крик — это мистер и миссис Стронг подошли к своему дому и увидели, что он охвачен огнем.

— Элоиза! Элоиза! — кричала миссис Стронг, вырываясь из рук мужа, который не давал ей приблизиться к охваченному пламенем зданию.

Несколько пожарных выскочили из дверей, неся закутанную в мокрое одеяло девушку; товарищи сразу окатили их водой.

У матери вырвался стон облегчения, когда она увидела, что ее дочь спасена.

— Деточка моя, какое счастье! Мы уж не чаяли увидеть тебя живой!

Несколько минут испуганная девушка плакала в объятьях матери, и вдруг, словно опомнившись, с ужасом посмотрела на пылающий дом.

— О господи, Джейн осталась там, наверху!

— Лестница горит, — кашляя, сказал один из выбежавших из дома пожарных. — А раздвижные дотянутся только до четвертого этажа...

— Но вы не можете бросить ее погибать ужасной смертью!

И, заломив руки, Элоиза отчаянно крикнула:

— Джейн! Джейн!

Ей ответил рычащий крик, и перед ней вдруг очутился высокий широкоплечий молодой человек: он только что выскочил из остановившегося на площади автомобиля и легко прорвался сквозь густую толпу.

— Вы говорите о Джейн Портер?! — крикнул он, и страшное выражение его лица напугало Элоизу еще сильнее, чем только что пережитое испытание. — Где она?!

— Она осталась в моей комнате на шестом этаже, — пролепетала девушка и заплакала: — О, Джейн, Джейн!

Гигант повернулся и в два прыжка исчез в дверях дома, из которых валили клубы черного дыма. Следом за ним в дом нырнул светловолосый юноша, проскользнув между пытавшихся остановить его пожарных.

Полицейские стали оттеснять толпу на площадь.

Излив свои горести подруге, Джейн Портер впала в оцепенение. Элоиза пыталась ее ободрить, но напрасно; тогда, обняв бедняжку, она вместе с ней заплакала над ее разбитой жизнью и обманутыми надеждами.

Элоиза Стронг была наперсницей Джейн и знала тайну ее любви. Она понимала, что чувствует ее несчастная подруга, лишенная малейшей надежды быть с тем, кого любит. Девушки не раз обсуждали возможность возвращения Джейн на африканское побережье, и Элоиза в глубине души питала легкую зависть к удивительному романтическому любовному приключению дочери профессора Портера.

Но теперь со всеми надеждами и мечтами Джейн было покончено; сегодня вечером она станет миссис Канлер, а завтра муж увезет ее не в дикую Африку, а в Париж... При мысли об этом Джейн чувствовала себя так, как будто опять была заперта в тесной хижине, а к ней подкрадывалась голодная кровожадная львица.

Наконец, выплакавшись всласть, Элоиза вытерла глаза и сказала, что негоже сидеть здесь и горевать, как будто скоро настанет конец света. Лучше пойти в парк, или на цветочную выставку, или еще куда-нибудь — лишь бы Джейн хоть немного развеялась и развеселилась!

Джейн знала, что ничто никогда больше не сможет ее развеселить, но, чтобы не обижать подругу, в конце концов уступила ее настойчивым просьбам.

— Хорошо, — устало сказала она. — Пойдем. Но сначала я приведу себя в порядок...

Элоиза, уже успевшая припудрить носик и причесать волосы, спорхнула со стула.

— Тогда я подожду тебя внизу! Ах, поскорей бы вернуться в наш загородный дом! И зачем только папа затащил нас на эту верхотуру, скоро я получу сердечную болезнь от ежедневной беготни вверх и вниз по лестнице...

Джейн проводила подругу печальной улыбкой, но вместо того, чтобы направиться в умывальную комнату, продолжала сидеть на стуле, обессиленная и несчастная.

Она забыла, что Элоиза ждет ее внизу, она не слышала криков, раздававшихся на улице, и даже не подозревала, что огненное чудовище уже бушует на нижних этажах.

Вдруг ее внимание привлек запах дыма. Джейн встала, распахнула дверь — и увидела, что коридор затянут белой пеленой, а из-под двери, ведущей на лестницу, сочатся белые струйки.

Апатия Джейн сменилась испугом.

Она распахнула дверь — и, вскрикнув, отшатнулась: перила и ступеньки пролетом ниже были охвачены пламенем! Девушка попятилась, кашляя и прикрывая лицо руками.

Поняв, в какое ужасном положении она оказалась, Джейн решила все-таки сбежать вниз, но огонь, взметнувшийся навстречу, заставил ее отступить. Девушка снова очутилась в коридоре и, кашляя, бросилась обратно в комнату Элоизы.

Она подбежала к окну, распахнула его и увидела внизу пожарные машины, взволнованных людей, пятащихся перед цепью полицейских, и упругие струи, бьющие по охваченным пламенем окнам. Джейн громко закричала, но рев пламени, звучащий, как голос грозного монстра, заглушил ее зов.

Она выскочила в коридор и заметалась, как перепуганный зверек. Встретить такой ужасный конец — нет, нет! Еще недавно ей казалось, что она мечтает о смерти, но теперь, когда огненная погибель была так близка, нестерпимый страх заставлял Джейн отчаянно звать на помощь.

— Спасите! Спасите! — задыхаясь от дыма, раз за разом кричала она.

И вдруг услышала голос:

— Джейн! Джейн!

— Я здесь! — из последних сил закричала бедняжка.

Дверь на лестницу распахнулась, и в коридор ворвался высокий широкоплечий молодой человек. Одним прыжком он одолел разделявшее их расстояние — и Джейн в полубеспамятстве упала на грудь того, кого не чаяла уже увидеть.

— Это ты, мой возлюбленный? Нет, этого не может быть... Должно быть, я уже умерла...

— Джейн, Джейн, Джейн, — шептал он, крепко обнимая ее. — Нет, ты не умерла! И не умрешь! Я нашел тебя не для того, чтобы теперь потерять!

Несколько секунд девушка прижималась к нему, совсем как раньше отдавшись надежной защите сильных рук и полностью утратив ощущение реальности, но реальность сама напомнила о себе сгущающимся вокруг дымом и страшным треском, вдруг потрясшим весь дом.

Джейн вскрикнула и выпрямилась. Сквозь белую пелену она изумленно смотрела на того, кого она привыкла мысленно назвать своим лесным богом. Как же он изменился! Изящный костюм, модная стрижка — джентльмен с головы до пят! Но самое главное — он говорит!! Может, от страха у нее начались галлюцинации?

— Лестница рухнула, — сказал светловолосый юноша, вбежавший в коридор вслед за ее восхитительной «галлюцинацией». — Нам нужно выбираться отсюда, Тарзан!

Джейн вздрогнула как от вернувшегося страха, так и от поразительных слов незнакомого юноши.

— Ты — Тарзан?! — воскликнула она, глядя на своего синеглазого бога. — Тот, кто прикрепил к дверям записку и оставил мне письмо? Но этого не может быть! Тарзан писал по-английски, а ты даже не умеешь... Не умел говорить!

— Сейчас умею, — улыбнулся тот, кого называли Тарзаном.

Несмотря на поразительное преобразование, улыбался он совсем, как прежде.

— Да, только сейчас нет времени на разговоры! — крикнул его товарищ, кашляя и отступая перед надвигающимся огнем.

Пламя, выхлестнувшее в коридор, заставило девушку снова спрятать лицо на груди своего защитника, ища спасения от страха, дыма и наступающего огня.

— Можно попытаться подняться на крышу через чердачную дверь! — крикнул Арно.

Тарзан, не колеблясь ни секунды, схватил Джейн на руки и побежал по коридору. Пламя и дым перекидывались от двери к двери.

На крыше Тарзан поставил Джейн и быстро огляделся.

— Мы погибнем! — со стоном сказала Джейн. — Здесь нет пожарной лестницы, мистер Стронг не раз говорил, что...

— Я же пообещал тебе, что ты не умрешь!

Тарзан бросился к краю крыши, лег и посмотрел вниз.

Джейн, вытирая слезящиеся глаза, смотрела на него с ужасом и надеждой. Она так привыкла верить в этого необыкновенного человека, что не могла вконец отчаяться, пока он был рядом.

Тарзан легко вскочил и снова очутился рядом с Джейн и Арно. Он скинул ботинки, снял пиджак и рубашку и снова подхватил Джейн на руки.

Девушка испуганно ойкнула.

— Обними меня за шею и не бойся.

— Что ты хочешь делать?!

— Спуститься вместе с тобой вниз.

— Но... Это невозможно!! — и, видя, что Тарзан и впрямь несет ее к краю крыши, Джейн забилась с испуганным криком.

Он сошел с ума!

— Джейн, Джейн, Джейн! Не бойся! — ласково заговорил Тарзан. — С тобой ничего не случится!

— Доверьтесь ему, мисс, — подал голос Арно. — Если кто-то может вас спасти, то только он!

Джейн перестала вырываться и удивленно посмотрела на светловолосого худощавого молодого человека, похоже, заразившегося безумием Тарзана.

— Мы с вами еще не встречались, но, может быть, вы помните мое имя, — улыбнулся юноша. — Я — Джек Арно.

Джейн почти уверилась, что от страха у нее помутился рассудок.

— Лейтенант Арно? Но ведь вы...

— Съеден каннибалами, хотите вы сказать? Как видите, они меня немного не доели....

— Все будет хорошо, Джейн! — твердо повторил Тарзан. — Поверь мне!

Джейн заглянула в синие глаза, в которых не было ни тени сомнения и страха, всхлипнула и прижалась лицом к его плечу.

Если они разобьются, по крайней мере, он будет рядом до самого конца...

Поднеся девушку к краю крыши, Тарзан перехватил ее одной рукой за талию, как делал, когда летел вместе с ней по деревьям.

— Джейн, обхвати меня за шею.

Она так и сделала, крепко прильнув к нему.

— Крепко держись и ничего не бойся.

Он ни на миг не выпустил бы ее из объятий, но сейчас ему понадобятся обе руки. Но он чувствовал, что Джейн держится за него очень крепко и почти не дрожит; было ясно, что девушка полностью доверилась ему и не будет мешать во время спуска.

Тарзан наклонился и обернулся к Арно, который стоял у чердачной двери, не решаясь подойти ближе к краю.

— Я скоро вернусь, — сказал человек-обезьяна.

И с этими словами, с которыми он обычно уходил на охоту, приемный Калы скользнул за край.

Люди разразились отчаянными криками, когда увидели, как полуголый человек, к которому прильнула светловолосая девушка, вдруг появился на краю крыши — и начал спускаться по стене здания

вниз. А потом все, кто следили за этим невероятным спуском, боялись уже не только вскрикнуть, но и поглубже вздохнуть.

Подобного зрелища жителям Балтимора еще никогда не приходилось видеть!

Было трудно поверить, что все это происходит на самом деле. Пальцы молодого человека находили опору там, где снизу ее не было видно, его босые ноги нащупывали малейшие выступы стены; время от времени он замирал, уцепившись за что-нибудь одной рукой, а другой обняв девушку за талию, потом снова начинал скользить вниз. Он двигался так быстро, что вскоре очутился на карнизе, тянущемся вокруг здания на уровне третьего этажа. У толпы вырвался общий вздох: пламя, выхлестнувшее из окна, скрыло девушку и ее спасителя, но черноволосый акробат продолжал свой безумный путь, ловко находя лазейки между огнем и дымом... И вскоре уже стоял на земле.

Теперь толпа взревела от восторга, а Элоиза Стронг кинулась к спасенной подруге:

— Джейн! Ты жива! Жива!

В следующий миг Джейн Портер очутилась в объятиях плачущей и смеющейся Элоизы.

Потом мисс Стронг взглянула на черноволосого атлетического сложения юношу, только что совершившего немислимый подвиг, и тихонько спросила подружку:

— Это Он?

— Да, — ответила Джейн Портер.

Вихрь противоречивых мыслей и чувств, тысячи вопросов теснились в ее душе и голове, но Тарзан, посмотрев на нее взглядом, от которого она вся затрепетала, вдруг устремился обратно к горящему дому.

С испуганным криком Джейн бросилась за ним и вцепилась в его руку.

— Куда вы?! Пожалуйста, нет!

— Там остался Арно!

— Нет, не надо! Вы уже ничем не сможете ему помочь!

За те мгновенья, что они провели на земле, дом успел превратиться в гигантский костер. Там, где минуту назад спускался по стене Тарзан, струилось вверх пламя, словно насмехаясь над тонкими струями брандспойтов.

Человек-обезьяна понял, что он и впрямь не сможет проделать обратный путь к крыше дома, и заметался вдоль улицы, как взбесившийся зверь. Все — и полицейские, и пожарные, и Джейн — шарахнулись прочь при виде безумия, охватившего этого человека.

Глядя на бьющий из верхних окон огонь, Тарзан испустил страшный крик гориллы, попавшей в беду. В последний раз он кричал так, угодив в львиную сеть — кричал, призывая на помощь человека, которому ничем сейчас не мог помочь!

Несколько мгновений Тарзан дико озирался, потом выхватил из рук одного из пожарных веревку с тормозным замком и бросился в дверь дома напротив.

Джек Арно услышал горестный вопль своего друга и грустно улыбнулся.

Значит, Тарзан жив и спас Джейн!

Остается надеяться, что его друг не зря проделал такой длинный путь и будет счастлив со своей любимой...

Зато для него самого никакой надежды не было.

Огонь уже вырывался из чердачной двери, пол-крыши было в огне; Арно поневоле отступал к тому краю, за которым скрылся Тарзан, унося Джейн.

Джек знал, что многие люди, оказавшись в такой безвыходной ситуации, предпочитают броситься вниз, чем заживо сгореть, но знал, что для него такой выход неприемлем. Мысль о смерти в огне приводила его в ужас, но ужас перед высотой был гораздо сильнее. Правда, однажды он попытался броситься с платформы на вершине

дерева, но наверняка не смог бы тогда завершить свою попытку, даже если бы ему не помешали слабость и боль...

Джек сорвал затлевший пиджак, еще на два шага подступил к краю и почувствовал, как от страха у него подкашиваются ноги. Искры прожигали его рубашку, дым разъедал глаза и гортань — Арно дышал уже не воздухом, а смесью жара и дыма, рвущегося вверх.

Он упал на колени, чтобы глотнуть воздуха, и обнял себя за плечи. Если бы Джек умел молиться, сейчас для этого было бы самое подходящее время. Но молиться он не умел.

Оказавшись на крыше пятиэтажного дома через улицу, Тарзан понял, что не ошибся. Соседний с горящим домом трехэтажный особняк был куда ближе, но зато именно с той стороны гуще всего полыхал огонь.

Тарзан увидел, что Джек стоит на коленях на еще не охваченной пламенем части крыши — и закричал, окликаая друга.

Арно поднял голову и вскочил.

Тарзан бросился к кирпичной трубе, привязал к ней веревку, спустился на угол крыши и сбросил веревку вниз, зацепив за выступ водостока.

Толпа разразилась единым криком, когда Тарзан соскользнул по веревке вниз и повис на самом ее конце на уровне третьего этажа.

Потом он начал раскачиваться, пролетая над улицей мимо угла дома.

Он слышал, как внизу его отчаянно зовет Джейн, но сейчас его больше всего заботило то, что веревка была слишком коротка. Даже на пике очередного взлета Тарзана отделяло от крыши, где стоял Арно, не менее двадцати футов. Он не смог бы перепрыгнуть это расстояние, ведь крыша горящего дома была гораздо выше. Другое дело, когда кидаешься сверху вниз...

Держась за веревку одной рукой, Тарзан протянул другую руку Джеку и крикнул:

— Прыгай!

Арно с ужасом смотрел на него.

— Прыгай! — снова крикнул Тарзан, когда веревка вынесла его наверх.

Джек попятился.

Сзади бушевал огонь, от которого у него вот-вот должны были вспыхнуть волосы — но его прошиб холодный пот при одной мысли о прыжке в семидесятифутовую бездну.

— Прыгай! — бешено проревел человек-обезьяна, опять оказываясь в двадцати футах внизу и протягивая руку. — Я тебя поймаю!

— Нет... — кашляя, пробормотал Арно.

И сквозь кашель отчаянно выкрикнул:

— Я не могу!!

— Можешь, дьявол тебя побери!

Но человек-обезьяна видел, что Джек не в силах преодолеть страх перед высотой.

Тарзан боялся огня почти так же, как Джек Арно боялся высоты, но, стиснув зубы, начал раскачиваться еще сильнее. Ему ничего не оставалось, как все-таки попробовать допрыгнуть туда, где полыхал огонь и стоял его друг.

Арно догадался, что Тарзан собирается делать, и понял, что это будет самоубийством.

— Стой! — завопил он. — Не надо! Я прыгну, прыгну!

Человек-обезьяна посмотрел вверх: веревка уже столько времени терлась о железный край рядом с водостоком, что невозможно было предугадать, когда она порвется.

— Прыгнешь, когда я скажу! — крикнул он Арно.

Джек ясно видел освещенное огнем лицо Тарзана всякий раз, когда человек-обезьян вылетал на середину улицы.

— Боже, помоги мне, — дрожа, пробормотал Джек.

— Прыгай! — крикнул Тарзан, протягивая руку.

Арно шатнулся вперед, но в последний миг мужество изменило ему, и он остановился. Его колотила дрожь, от которой стучали зубы.

Рука человека-обезьяны схватила лишь воздух, и впервые Тарзан утратил координацию; его крутануло на веревке и чуть не ударило об угол дома.

У него вырвалось яростное рычание.

— Джек! — проревел он. — Я не дам тебе упасть! Я поймаю тебя! Но ты должен прыгнуть!

Арно кивнул, не сводя с него глаз, задыхаясь от страха и дыма.

— Приготовься! — крикнул Тарзан и снова начал раскачиваться — все сильнее и сильнее.

— Ты не упадешь! Смотри на меня! Прыгай!!!

Этот яростный вопль что-то сломал в душе Арно — и он прыгнул, протягивая руки к устремленной в его сторону мощной загорелой руке. Он задержался на краю всего на крошечный миг, но за это мгновение веревка уже повлекла человека-обезьяну обратно.

У всех людей, наблюдавших снизу эту безумную сцену, вырвался истошный вопль.

Но Тарзан сделал то, что казалось совершенно невозможным и перед чем меркло даже спасение Джейн: он крутнулся на веревке, заставив ее сделать короткий обратный рывок, и поймал за запястье пролетающего в двух футах от него человека.

Теперь над улицей висели двое, причем сумасшедший черноволосый акробат продолжал раскачиваться — и когда веревка вознесла его к верхним окнам пятиэтажного дома, забросил юношу на крышу так легко, как если бы тот был тряпичной куклой.

После этого человек-обезьяна мгновенно вскарабкался по веревке наверх.

— Почти перетерлась, — проворчал Тарзан, развязывая узел. — Если бы ты промедлил еще немного...

Джек ничего не ответил: он только что с огромным трудом сумел сесть, но даже не пытался подняться на ноги.

— Ну, теперь ты наконец понял, что в высоте нет ничего страшного? — спросил Тарзан, спустившись к другу.

Джек молча поднял на него глаза.

— Вставай! Пойдем!

Арно не пошевелился.

— Ты что, сильно ударился? — Тарзан присел рядом с ним на корточки.

Джек молча помотал головой. По сравнению с тем, что он только что пережил, боль от падения на крышу и от ожогов была пустяком, не стоящим абсолютно никакого внимания.

— Эй! — человек-обезьяна легонько тряхнул приятеля за плечо. — Кажется, теперь мне придется учить тебя говорить...

— Да, я наконец понял, что в высоте нет ничего страшного, — неверным голосом пробормотал Джек Арно.

XXXIII. Объяснение

Когда Арно и Тарзан вышли из двери дома, Джейн бросилась к Тарзану и обняла его, всхлипывая от счастья.

Она плохо помнила, как им удалось вырваться из ликующей толпы, оглушительно приветствовавшей героя, как потом они ехали на машине и как очутились в роскошном номере гостиницы, где Арно почти сразу оставил их одних.

Все это время она крепко прижималась к Тарзану, и ей было все равно, что подумают об этом люди.

Ужас, который она пережила в охваченном пламенем доме, еще больший страх, который она испытала потом, наблюдая за безумными трюками Тарзана, довел ее до такого изнеможения, что она могла только судорожно обнимать своего возлюбленного, как будто от него по-прежнему зависела ее жизнь.

Только оказавшись на диване в тихом полутемном номере с припущенными шторами, измученная девушка стала понемногу приходить в себя.

Она отстранилась от Тарзана и посмотрела на него — по-прежнему голый по пояс, с полосами сажи на лице, он теперь был куда больше похож на того лесного гиганта, чей облик так врезался в ее душу. В его синих глазах светился все тот же огонь, который подчинил ее в африканских джунглях, и та же улыбка пряталась в уголках его четко очерченных губ.

Джейн и Тарзан долго молча смотрели друг на друга...

А потом Тарзан заговорил, и слова, поначалу через силу срывавшиеся с его губ — слишком много он должен был ей сказать! — наконец хлынули свободным потоком.

Не перебивая, Джейн слушала удивительную историю его жизни и любви.

Единственное, о чем ни разу не упомянул приемыш Калы — это о том, что он лорд Грейсток, законный обладатель титула и богатства,

которым пользуется сейчас его двоюродный брат Уильям Клейтон. За время, проведенное в цивилизованном мире, Тарзан достаточно разобрался во взаимоотношениях мужчин и женщин, чтобы понять — подобные вещи не смогут обеспечить ему любви Джейн. Если она полюбит его, то не из-за титула или денег, а из-за него самого — вот почему человек-обезьяна ни словом не обмолвился о своем настоящем имени.

Зато он рассказал историю испанского золота, которого из-за него, Тарзана, лишился профессор Портер, и заверил, что доставит сокровище в Балтимор как можно скорее.

— Я сделал бы это раньше, Джейн, но я не мог откладывать встречу с вами, — закончил Тарзан, глядя на нее сияющими глазами. — Я и так проделал слишком долгий путь от хижины на берегу, чтобы вас найти!

— Почему же вы тогда не вернулись в хижину? — тихо спросила Джейн. — Я так вас ждала!

— Я не мог оставить Арно. Он был тяжело ранен. Но теперь я здесь, рядом с вами, Джейн. И я хочу спросить — согласны ли вы стать моей женой?

До сих пор Джейн была словно в чудесном сне, но теперь она испытала потрясение внезапного пробуждения. Она вспомнила, что Роберт Канлер будет ждать ее в семь часов в церкви Святого Духа и что она дала слово стать его женой.

С тихим стоном Джейн закрыла лицо руками.

— Джейн! Джейн! Что случилось? — в голосе Тарзана была такая любовь и тревога, что она не решилась открыть лицо.

— Я дала слово другому. Я пообещала Роберту Канлеру выйти за него замуж, — не поднимая головы, безжизненно проговорила она.

Наступила тишина, а потом страшно изменившийся голос Тарзана спросил:

— Вы его любите?

— Нет! — воскликнула Джейн. — Я его ненавижу!

— Тогда почему вы хотите принадлежать ему?

— Я не хочу. Но у него есть вексель, подписанный моим отцом. Если бы я ему отказала, Канлер погубил бы папу!

— Но теперь, когда у вас снова есть ваше золото...

Джейн наконец опустила руки и посмотрела на Тарзана.

— Я пообещала Роберту Канлеру выйти за него замуж. Я не могу нарушить обещания. Я могу лишь попросить его вернуть мне слово.

Тарзан смотрел на ее губы так внимательно, как тогда, когда звуки человеческой речи еще оставались для него загадкой; было видно, что он отчаянно пытается вникнуть в смысл того, что говорит Джейн.

— А если Канлер не захочет освободить вас от обещания?

— Тогда я выйду за него замуж.

— Несмотря на то, что вы не любите его?

— Да.

С минуту они молчали.

— А если я попрошу его освободить вас? — спросил Тарзан, и в его голосе прозвучали нотки, заставившие Джейн вздрогнуть.

— Он не согласится.

— Согласится! — коротко уверил Тарзан, и в его глазах полыхнул злобный огонь.

Джейн Портер испугалась.

— Здесь не джунгли! — быстро сказала она. — А вы — не дикий зверь! Вы человек, который не опустится до убийства!

— Вы не говорили так, когда я убил похитившего вас Теркоза, — мрачно проговорил он.

— Это была огромная страшная горилла! Но Канлер человек, а люди не убивают людей!

Тарзан знал, что это не так, но не стал спорить.

— Джейн, если бы вы были свободны, вы вышли бы за меня замуж? — спросил он.

Она не ответила.

— Вы любите меня?

«Господи, помоги мне!» — подумала Джейн, закрывая глаза. Она не могла выносить его страстного умоляющего взгляда. В этом огромном могучем человеке как и раньше, порой проскальзывало что-то детское, что вызывало у нее щемящую нежность. Она никогда не встречала более мужественных и сильных людей, но в каждом настоящем мужчине прячется мальчик, а каждая настоящая женщина порой испытывает к своему возлюбленному подобие материнских чувств.

Тарзан столько раз защищал и оберегал ее — а теперь была ее очередь уберечь его и защитить.

Но все-таки у Джейн не хватило духу на прямую ложь. Вместо этого она тихо пробормотала:

— Я не смогла бы стать вам хорошей женой. Вы не созданы для мелочных ограничений и условностей общества. Цивилизация скоро стала бы для вас невыносимым бременем, вы стали бы рваться к вашей прежней свободной жизни... К той жизни, к которой я так же не приспособлена, как вы к моей. Вы будете гораздо счастливее без меня!

— Я никогда не буду счастлив без вас!

Этот крик, вырвавшийся у Тарзана со всей страстью его полузвериной природы, показал Джейн силу его любви и в то же время испугал ее. Она почувствовала, что если сейчас не оборвет разговор, они оба могут не справиться со своими чувствами.

И она быстро встала с дивана.

— Я обязана вам жизнью, Тарзан. Вы спасли моего отца, его репутацию и положение. Нет таких благ, такого счастья, какого я не пожелала бы вам! Но...

— Но?.. — переспросил он и стиснул зубы.

— Но сегодня в семь часов я обвенчаюсь в церкви Святого Духа с Робертом Канлером, — докончила Джейн — и, чувствуя, что не в силах больше вынести его взгляд и выражения его лица, опрометью бросилась к двери.

Она была почти уверена, что Тарзан попытается ее остановить, как тогда, когда она пыталась убежать от него после схватки с Теркозом — но услышала только тихий горестный крик:

— Джейн! Джейн!

Джейн Портер выбежала из номера и захлопнула за собой дверь.

XXXIV. Венчание

Это была странная церемония.

Немногочисленные гости, плачущая подружка невесты, порядком растерянный отец новобрачной — и сама невеста, такая бледная, словно ее вели на заклание, а не к алтарю.

Когда Джейн Портер стояла рядом с женихом, слушая слова обряда венчания, она и в самом деле чувствовала себя так, как если бы ее ожидал жертвенный нож. Безжизненным голосом отвечала она на стандартные вопросы, слыша всхлипывания Элоизы, и так же равнодушно выслушала стандартный вопрос священника:

— Если здесь есть кто-нибудь, у кого есть причины возражать против этого брака, пусть он...

— Я возражаю против этого брака!

Джейн вздрогнула, выронила букет, и все обернулись туда, откуда донесся этот громовой крик.

По проходу стремительно шел высокий черноволосый молодой человек; никто и слова не успел сказать, как он оказался рядом с Робертом Канлером и схватил его за плечо.

Канлер вскрикнул.

Он был не хилого сложения, но пальцы этого гиганта, похоже, способны были раздавить камень.

Жених попытался вырваться, но его встряхнули так, что чуть не выкрошили зубы. Наклонившись к нему, черноволосый великан прорычал:

— Откажитесь от этой девушки!

— Позво...

Тарзан сильней сжал плечо бизнесмена, и возмущенный возглас окончился жалким писком.

— Откажитесь от Джейн Портер!

Канлер был не робкого десятка, но когда лицо ворвавшегося в церковь сумасшедшего приблизилось к его лицу, он понял, что прямо ему в глаза заглядывает смерть.

— Хорошо! — крикнул он. — Я отказываюсь от брака с Джейн!

— Вы возвращаете ей слово?!

— Да! Она свободна!

— Вызовите полицию! — визгливо крикнул двоюродный брат Роберта Канлера.

Тарзан снова потрянул незадачливого жениха — так, как трясет свою добычу Сабор, чтобы сломать позвонки.

— А теперь верните вексель, подписанный профессором Портером!

— Но позво...

Потерять разом и невесту и деньги — против такого двойного убытка Канлер попытался возражать, но страшная боль в полураздавленном плече мигом заставила его пересмотреть решение.

Корчась от боли, он с трудом дотянулся до внутреннего кармана и достал вексель, который захватил с собой, чтобы воздействовать на Джейн, если та в последний момент передумает.

Продолжая сжигать взглядом перепуганного бизнесмена, безумец выхватил у него бумагу.

— А теперь ешь ее! — прорычал он.

В следующий миг ценная бумага была всунута в широко раскрытый для вопля крик Канлера, а сумасшедший гигант рявкнул:

— Жуй!

Положение, в котором оказался несчастный Роберт Канлер, исключало любую возможность неповиновения — и, давясь, он начал перемалывать челюстями документ, на котором стояла подпись профессора Портера. В гробовой тишине вдруг раздался радостный смех Элоизы.

— Глотай!!!

— Тарзан, не надо! — тихо вскрикнула Джейн.

Это возглас как будто вразумил безумца. Он выпрямился, не отпуская плеча своей жертвы, которая тем не менее не посмела прекратить судорожные жевательные движения, повернулся к Джейн...

Но тут в церковь вбежали пять полицейских, и прибытие стражей закона придало сил несчастному жениху.

— Помогите! — хотел завопить он, но забитый бумагой рот сделал его крик похожим на мычание.

Зато его двоюродный брат возопил пронзительным фальцетом:

— Сюда! Сюда! Этот громила хочет совершить убийство!

Полицейские устремились к месту происшествия, и Канлер не успел еще проглотить первую порцию жеваной бумаги, как полицейские дубинки обрушились на спину Тарзана.

XXXV. Развязка

— Джейн, не волнуйтесь! — Уильям Клейтон вел машину так быстро, как только мог. — Я все улажу, его выпустят под залог! Бог ты мой, да этого человека и впрямь послал нам во спасение сам всевышний! То, что он вырвал вас из рук Канлера, превосходит все, что он сделал для нас на африканском побережье! Я не отступлюсь, пока не увижу его на свободе!

Джейн почти не слышала этих успокаивающих слов.

Опоздавший на венчание Клейтон просто не видел сражение Тарзана с полицией в церкви Святого Духа. Прежде чем прибывшее подкрепление сумело надеть на рычащего гиганта две пары наручников, в храме едва ли осталась хоть одна целая скамья. А когда Тарзана все-таки выволокли за дверь, в полуразрушенной церкви осталось несколько потерявших сознание полицейских, не говоря уж о священнике, упавшем в обморок во время битвы...

Если бы полиция послушала Джейн и отпустила Тарзана, этого бы не случилось, но, раз вступив в бой, человек-обезьяна уже не мог уступить врагу. Были моменты, когда девушке казалось, что ее возлюбленного просто застрелят, как бешеного зверя...

А вдруг кого-нибудь из противников Тарзана умрет?

Что, если его ждет тюрьма и казнь?

— Уильям, пожалуйста, остановись здесь! — вдруг вскрикнула Джейн. — лейтенант Арно, наверное, уже вернулся в гостиницу, нам может понадобиться его помощь!

— Он запихал вексель в рот вашему жениху? — переспросил Арно, поспешно садясь в машину.

— Да... И заставил его проглотить...

— Представляю себе эту сцену!

Арно захохотал, и Клейтон присоединился к его смеху, но Джейн вдруг громко заплакала.

Ей нестерпима была мысль о том, что Тарзан сейчас мечется за решеткой — он, так любящий свободу, он, так много сделавший для нее!

— Не плачьте, мисс Портер, — сказал Арно, сразу становясь серьезным. — Все будет в порядке, я уверен!

Но когда они вошли в полицейский участок, стало ясно, что далеко не в все порядке.

— На вашем месте я бы трижды подумал, прежде чем вносить залог за этого человека, мистер Клейтон, — сказал начальник. — На вашем месте я бы не стал так рисковать. Этого громилу надо держать в сумасшедшем доме в смиренной рубашке, вот что я вам скажу! Он вывел из строя чуть ли не половину моих людей, а по дороге сюда почти разломал полицейский фургон... Сейчас этот буйнопомешанный пытается разнести решетку камеры — честное слово, можно подумать, что к нам привезли не человека, а бешеную гориллу!

— Можно пройти к нему? — быстро спросил Арно.

— Лучше подождите, пока он хоть немного утихомирится. Обычно мои ребята живо приводят в разум таких крикунов, но к этому типу все отказываются сунуться даже под страхом дисциплинарного взыскания! Нет, вам лучше подождать, пока он утихнет...

— Он куда быстрее утихнет, если нам позволят повидаться.

— Вы что, состоите при нем зрителем, э? Ладно, идите, но в камеру я вас не впускаю! Еще не хватало, чтобы в моем участке произошло убийство!

— Тарзан! — окликнул Арно, и человек, висевший на решетке окна под потолком в неистовых попытках выломать прутья, по-звериному мягко спрыгнул на пол.

— Ну, видите? — проворчал сопровождавший Арно полицейский. — Чистая горилла, правда? Такому место не среди людей, а в диких джунглях...

Джек оскалил зубы точно так же, как это частенько делал Тарзан.

— Оставьте нас вдвоем, хорошо?

— Воля ваша, но не вздумайте приближаться к решетке. Видели бы вы, что этот тип сделал с Барнсом, Уилли и Скипом! Поговорите с ним, если думаете, что он вас поймет, но на всякий случай я буду рядом!

И бдительный страж порядка уселся на стуле в конце коридора.

Арно подошел к решетке.

— Ну и натворил ты дел, дружище, — спокойно проговорил он. — Джейн сейчас заливается слезами в приемной...

Синий огонь полыхнул в глазах человека-обезьяны.

— Она волнуется за тебя, — добавил Джек, внимательно глядя на друга. — Я понимаю, ты защищался, но признайся, что немного переборщил!

Тарзан смотрел на Арно, раздувая ноздри; яркий багровый шрам на лбу воспитанника Калы начал понемногу бледнеть.

— Джейн рассказала, как ты скормил Канлеру его вексель, — улыбнулся Джек. — Жаль, я не видел этого великолепного зрелища!

Тарзан медленно приблизился к решетке.

— Сейчас Клейтон внесет за тебя залог, и мы уедем, — сказал Арно.

Он протянул руку сквозь прутья, и полицейский предостерегающе крикнул.

— Что такое залог? — спросил человек-обезьяна.

— Это деньги. Клейтон оставит их как гарантию того, что ты больше ничего не натворишь. Поэтому постарайся в ближайшее время не громить церкви и не избивать беззащитных полицейских. Иначе у твоего поручителя будут крупные неприятности...

Тарзан посмотрел на свои скованные руки.

— Я не мог их покалечить или убить. Если бы мы дрались насмерть, они никогда не справились бы со мной!

— Знаю. Ты — самый великий боец и охотник на полицейских во всем Балтиморе.

— Не смешно, — проворчал лорд Грейсток.

— Ну, извини.

Тарзан сел на пол и прижался боком к решетке.

— Она сказала, что я не создан для цивилизованной жизни, — прошептал он. — Наверное, так и есть. В душе я остался диким зверем из леса. Из меня никогда не получится цивилизованного человека.

Джек опустился на пол по другую сторону решетки, тоже прислонившись к ней плечом.

— Дай бог, чтобы каждый из цивилизованных людей был таким человеком, как ты, Тарзан, — серьезно проговорил он.

Джейн и Уильям Клейтон сидели на деревянном диванчике и ждали, когда полицейский чиновник кончит оформлять документы.

— Теперь вы свободны, Джейн, — вдруг вполголоса проговорил Клейтон. — Наверное, сейчас неподходящее время для признаний в любви, но... Скажите мне «да» — и я посвящу всю жизнь тому, чтобы сделать вас счастливой. Нет, не отвечайте сразу! Сперва немножко подумайте.

Джейн честно попыталась сделать, как он просил.

Да, Клейтон действительно любил ее, а любовь такого джентльмена могла бы осчастливить любую женщину... Он был добр и великодушен, он был человеком одного с ней круга, воспитанным в той же среде, в которой воспитывалась она.

А черноволосый гигант, который на ее глазах только что сражался с полицейскими так, как привык сражаться со зверями в своих диких джунглях — может ли она быть с ним счастливой? И... Может ли он быть счастливым он с такой женой, как она?

То, что он увлекся ей, когда не знал других белых женщин, вполне естественно. Но Уильям Клейтон знал много красивых девушек — и все-таки полюбил именно ее.

Джейн опять взглянула на Клейтона. Он был красив, был джентльменом с головы до ног. Таким мужем она могла бы гордиться!

Воспоминание о том, как Тарзан, рыча и воя, расшвыривал набросившихся на него людей, как он пустил в ход зубы, когда его повалили на пол, вновь встало перед мысленным взором Джейн, и она невольно содрогнулась. Может ли она быть с ним счастлива?

— Вы подумали, Джейн? Согласны ли вы стать моей женой? — осторожно прервал молчание Уильям Клейтон.

Джейн и сама не знала, как это случилось — она ведь твердо решила ответить: «Нет!» — и вдруг у нее вырвалось короткое слово, круто изменившее ее судьбу. Смертельно уставшая от всего, что ей довелось сегодня пережить, желая только одного — душевного спокойствия и уверенности, она тихо ответила:

— Да.

Наконец все формальности были закончены, и в комнату вошел Тарзан в сопровождении Арно и полицейского, на всякий случай держащего наготове дубинку.

Но сейчас в Тарзане никак нельзя было узнать того беснующегося дикаря, который еще недавно пытался выломать решетку окна своей камеры.

Теперь он казался таким же спокойным и полным чувства собственного достоинства, как и Уильям Клейтон, торопливо поднявшийся ему навстречу. Воспитанник гориллы снова вел себя, как джентльмен, и только Арно чувствовал, каких усилий стоит его другу это спокойствие.

— Как же я рад наконец познакомиться с вами! — весело сказал Тарзану Уильям Клейтон. — Наконец-то у меня есть возможность поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали! И в первую очередь за то, что вы сделали для Джейн!

— Не стоит, — отрывисто ответил Тарзан.

Он тут же отвернулся от Клейтона и заглянул в глаза Джейн Портер.

— Теперь вы свободны, да? Послушайте, Джейн, и постарайтесь меня понять... Я пришел сюда из тех мест и времен, где человек еще не сделался человеком; ради вас я одолел этот трудный путь. Ради вас я переправился через океан, ради вас я стал тем, кем стал — и готов стать тем, кем вы еще захотите меня видеть! Я ничего так не желаю, как сделать вас счастливой. Скажите, вы выйдете за меня замуж?

И тут Джейн с ужасом поняла всю глубину ошибки, которую она только что совершила.

Что она наделала!

Она отрезала дорогу к счастью и для себя, и для этого человека, ради любви к ней совершившего невозможное!

— Простите, но мисс Портер только что дала согласие стать моей женой, — натянутым голосом вмешался Уильям Клейтон.

Тарзан вздрогнул и быстро посмотрел на него.

— Джейн... Это правда?

— Да, — прошептала она.

— Вы его любите?

В глазах Тарзана полыхнуло яростное синее пламя, но и в глазах Уильяма Клейтона зажегся ответный огонь.

Рядом с Джейн стояли два сильных мужчины, готовых схватиться в смертельной драке. Девушка знала, что в отличие от Роберта Канлера Клейтон не уступит Тарзану даже под страхом смерти, и понимала, чем закончится их столкновение. Каким бы джентльменом не был теперь ее лесной бог, там, где речь шла об обладании женщиной, в нем просыпался инстинкт первобытного человека.

Но не за Уильяма Клейтона испугалась Джейн — она испугалась за Тарзана, зная, как жестоко карает закон убийцу.

Лишь одно могло предотвратить катастрофу — и ради спасения возлюбленного девушка впервые в жизни солгала:

— Да! Да, я его люблю. И хочу стать его женой. Если вы и вправду желаете мне счастья, вы не станете...

Джейн не смогла договорить.

Бесконечно долгое мгновение Тарзан смотрел на своего соперника.

Вот человек, который носит титул, принадлежащий ему, и владеет его поместьями. Он женится на женщине, которую любит Тарзан. Отпечатки детских пальчиков в дневнике лорда Грейстока, полностью совпавшие с отпечатками пальцев Тарзана, могли бы разом отнять у Уильяма Клейтона его титул, богатства, поместья... Но разве это поможет Тарзану получить любовь Джейн? Она выходит замуж за этого человека... Значит все, чем владеет Клейтон, будет теперь принадлежать и ей!

Страсть и горе терзали Тарзана сильнее змеиного яда, но он проговорил медленно и неуверенно — так, как произносил когда-то свои первые человеческие слова:

— Я и вправду желаю вам счастья. Мне кажется, вы оба его заслужили.

Арно перевел дух, а Клейтон расслабился и улыбнулся.

— Понимаю, каково вам сейчас, старина, — добродушно проговорил он, — но из двух соперников всегда побеждает один, правда?

— О да, — ответил Тарзан, вспоминая свою схватку с Теркозом и не в силах отвести глаз от горла своего двоюродного брата. Как это было бы легко... Но он не сделал бы этого, даже если бы убийство соперника помогло ему заполучить Джейн.

— Позвольте пригласить вас в мое поместье! — продолжал Клейтон. — И скажите наконец, наш таинственный спаситель, как вас в действительности зовут? Кем были ваши родители?

— Меня зовут Тарзан из племени обезьян. Мои родители были гориллами из племени Керчака, — тихо ответил Тарзан и, поймав на себе ошарашенный взгляд Уильяма Клейтона, лорда Грейстока, горько усмехнулся. — Я вынужден отклонить ваше любезное приглашение, мистер Клейтон. Я думаю, что никогда не попаду в Англию; думаю,

мне лучше поскорее вернуться туда, где мне самое место — в африканские джунгли!

©Редактура А.Овчинниковой